

Централізована бібліотечна система для дорослих м. Миколаєва
Міський центр екологічної інформації та культури
бібліотеки-філіалу № 2

СЕРІЯ

«Зелені сторінки історії Миколаївщини»

Заснована в 2016 році

З історії благоустрою та озеленення міста Миколаєва

Кінець XVIII – XIX ст.

УДК 94(477.73)
ББК 63.3(4Укр-4Мик)47
3-11

Видано в рамках Миколаївських міських екологічних читань «Збережемо для нащадків» за підтримки департаменту житлово-комунального господарства Миколаївської міської ради.

Робоча група з підготовки видання висловлює особливу подяку Н.О. Кухар-Онишко, миколаївському краєзнавцю, науковицю за надані для роботи матеріали, а також Миколаївському обласному краєзнавчому музею, зокрема, завідувачу науково-експозиційного відділу О.В. Пономарьовій.

На титульній сторінці обкладинки розміщено листівку з приватної колекції В. А. Юрлова.

3 історії благоустрою та озеленення міста Николаева.
3-11 Кінець XVIII – XIX ст. : збірник / Централізована бібліотечна система для дорослих м. Николаева ; Міський центр екологічної інформації та культури бібліотеки-філіалу №2; уклад. І.Б. Черно-ва. — Миколаїв : видавець Торубара В.В., 2016. — 168 с. — (Серія «Зелені сторінки історії Миколаївщини»).

ISBN 978-617-7472-06-2 (Серія «Зелені сторінки історії Миколаївщини»)

ISBN 978-617-7472-04-8

В межах серії «Зелені сторінки історії Миколаївщини» у 2014–2015 рр. було видано дві частини першої книги «Видатний діяч збереження природи Олександр Алоїзович Яната: до 125-річчя від дня народження».

«3 історії благоустрою та озеленення міста Николаева. Кінець XVIII – XIX ст.» — другий збірник серії науково-популярних краєзнавчих видань «Зелені сторінки історії Миколаївщини», присвячений заснуванню міста Николаева, першим кроком в його благоустрої та озелененні, а також відомим історичним постатям Г.О. Потьомкіна, М.Л. Фалеева та іншим видатним людям того часу, завдяки яким наше місто було побудовано і здобуло свою історичну славу. І не тільки корабельну. Дійсним подвигом державного та господарчого талантів стало створення зеленої оази серед висушеного спекую і вітрами степу.

В збірник «3 історії благоустрою та озеленення міста Николаева. Кінець XVIII – XIX ст.» увійшли статті науковців, громадських діячів, краєзнавців, архівні матеріали з фондів Миколаївського обласного краєзнавчого музею, а також інших наукових установ, приватного архіву. У виданні представлені літературні пам'ятки — мемуарні твори письменників та мандрівників, свідків того часу і подій, окремі розпорядження та пропозиції Г.О. Потьомкіна і М.Л. Фалеева за архівними матеріалами, бібліографічний список публікацій тощо. В додатках розміщено фото з електронного архіву КІЦ КРАЙ (краєзнавчо-інформаційного центру Корабельного району) бібліотеки-філіалу №18 Централізованої бібліотечної системи для дорослих м. Николаева.

Видання буде корисним викладачам, студентам, школярам, фахівцям про-світницьких, природоохоронних закладів та організацій, краєзнавцям, всім, хто цікавиться історією Миколаївщини.

УДК 94(477.73)
ББК 63.3(4Укр-4Мик)47

ISBN 978-617-7472-04-8

© ЦБС для дорослих м. Николаева, 2016

Зміст

<i>Пономарьова О.В.</i> ВСТУПНЕ СЛОВО	5
1. СУЧАСНІ КРАЄЗНАВЧІ ДОСЛІДЖЕННЯ, ГІПОТЕЗИ, РОЗРОБКИ ПРО ЗАСНУВАННЯ МІСТА МИКОЛАЄВА	7
1.1. «Місто, яке вже в перші роки свого існування обіцяло щастливе процвітання...»	7
<i>Бойчук С.В.</i> Абрикосы для имперской столицы	7
<i>Бойчук С.В.</i> Строительство Ингульской верфи	11
<i>Крючков Ю. С.</i> Начало Николаева и судостроения в городе (Отрывок из статьи).....	17
<i>Крючков Ю. С.</i> Старый Николаев глазами очевидцев.....	21
1.2. Початок «зеленої історії» міста	29
<i>Гаврилов С.</i> В тени английского сада	29
<i>Касьяновський В. О.</i> Историчний нарис (Уривок зі статті).....	34
<i>Кісельов А. Ф., Бондаренко М. П., Чеботарьов І.А., Тараненко І.А.</i> Історія Спаського урочища	40
<i>Крючков Ю. С.</i> Главы из книги «Град святого Николая».....	44
<i>Куприевич И. Н.</i> Богоявленский парк	52
<i>Кухар-Оньшико Н.А.</i> Богоявленский «казенный сад».....	55
<i>Кухар-Оньшико Н.А.</i> Любимая усадьба Г.А. Потемкина	56
<i>Кухар-Оньшико Н.А.</i> Парк садового мастера В. Гульда	59
<i>Кухар-Оньшико Н.А.</i> Справка о парковом комплексе Спасского урочища (Яхт-клуб)	63
<i>Кухар-Оньшико Н.А.</i> Фалеевский хутор.....	65
<i>Кухар-Оньшико Н.А.</i> Школа земледелия М.Г. Ливанова	67
1.3. Засновники та будівничі міста	74
<i>Ковалева О. Ф., Чистов В. П.</i> Михаил Георгиевич Ливанов.....	74

<i>Ковалева О. Ф., Чистов В. П.</i> Григорий Александрович Потемкин.	76
<i>Кулиш М. Ю.</i> Слово до читача (Вступна стаття до книги «О земледелии, скотоводстве и птицеводстве. Сочинение Профессора Земледелия Коллежского Ассесора Михайла Ливанова»)	80
<i>Кухар-Оньшико Н. А.</i> Забота о Николаеве	86
<i>Кухар-Оньшико Н. А.</i> Первый гражданин	99
<i>Кухар-Оньшико Н. А.</i> Первый гражданин Николаева. Фалсєв Михаил Леонтьевич (Выборочные места из книги)	107
2. МИКОЛАЇВ ОЧИМА СУЧАСНИКІВ І ДОСЛІДНИКІВ ЕПОХИ КІНЦЯ ХVІІІ – ПОЧАТКУ ХІХ СТ.	120
<i>Ге Г. Н.</i> Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790–1890) (Отрывок из книги)	120
<i>Долгоруков И. М.</i> Славны бубны за горами. 1810 года (Извлечение из рукописей)	128
<i>Дримпельман Э. В.</i> Записки немецкого врача о России в конце прошлого века (Отрывок)	131
<i>Измайлов В. В.</i> Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова (Отрывки из книги)	134
<i>Сумароков П. И.</i> Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест (Отрывки из книги)	138
3. РОЗПОРЯДЖЕННЯ ТА ПРОПОЗИЦІЇ Г. О. ПОТЬОМКІНА І М. Л. ФАЛЄЄВА ЩОДО УСТРОЮ МІСТА МИКОЛАЄВА.	141
ЛІТЕРАТУРА ТА ДЖЕРЕЛА	147
ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ	157
ДОДАТКИ	161

Вступне слово

Перша людина на території нашого краю з'явилася двадцять тисяч років тому. Тисячоліттями змінювалися цивілізації, культури, покоління, представники яких обробляли землю, збирали урожаї, розводили худобу, будували будинки, оберігали домашнє вогнище, садили садові рослини і акліматизували дикорослі.

Історики-краєзнавці різних поколінь не раз відтворювали в своїх працях легенду про те, як в 1788 році фельдмаршал, головнокомандувач Катеринославською армією, що прямувала маршем до ще турецької фортеці Ачи-кале (пізніше Очаків) для її облоги і переможного штурму, Григорій Олександрович Потьомкін оглянув місце злиття двох багатководних річок — Південного Бугу та Інгулу, з дикими степами, що розстилися по обидва береги.

А далі, як пише в своєму історичному нарисі Сава Андрійович Павловський, посилаючись на те, що легенду повідомив йому при особистій зустрічі Василь Назарович Каразін, «був у захваті і, як той, хто вже бачить перед собою цілі флоти, просльозившись вигукнув: «О, тепер Чорне море наше, і потомство мені віддасть справедливість!» У тому, що ці обширні плодоносні території з неораними землями можна освоювати і перетворювати в поля, городи і сади, що дають небачені врожаї, він зміг переконатися, бачачи навколо турецькі, татарські, козацькі поселення, а на протилежному березі Південного Бугу — плоди праці купця Якоба Фабра, який викупив у власність всю територію півострова для ведення фермерського господарства.

Попереду було будівництво верфі, поява перших адміністративних і житлових будівель, зведення величного, за візантійською традицією Адміралтейського собору, облаштування замських садів Г.А. Потьомкіна в Спаську і Вітовці

і багато інших дій «батьків-засновників». Всі ці грандіозні творчі плани супроводжували спроби вдосконалити процеси будівництва кораблів, поліпшити побут перших поселенців, прикрасити повсякденність, і не останню роль в цьому відіграло озеленення території. І в усьому, що відбувалося, була ініціатива і воля керівників (Г. О. Потьомкіна, М. Л. Фалєєва), талант творців (архітекторів, гідротехніків, садівників), руки виконавців, які втілювали в життя ці задуми і плани.

Величезна кількість людей, що творили в нашому краї ІСТОРІЮ, залишили свідчення у вигляді ордерів (указів), розпоряджень, проектів, ділових листів, приватних епістол, щоденникових записів і спогадів. Донести через епохи СЛОВО про рідний край — величезна і важка, але благородна і необхідна задача. Її з успіхом вирішили автори і упорядники збірника, повернувши читачів до часу заснування нашого міста.

***Олена Володимирівна Пономарьова,**
завідувач науково-експозиційного відділу
Миколаївського обласного краєзнавчого музею*

1

СУЧАСНІ КРАЄЗНАВЧІ ДОСЛІДЖЕННЯ, ГІПОТЕЗИ, РОЗРОБКИ ПРО ЗАСНУВАННЯ МІСТА МИКОЛАЄВА

1.1

**«Місто, яке вже в перші роки свого існування
обіцяло щасливе процвітання...»**

Абрикосы для имперской столицы

Бойчук С. В.

О торговых отношениях, которые всегда поддерживали страны и народы, может много рассказывать наша история. Среди них — немало занятных, малоизвестных и даже неизвестных страниц, фактов, имен и событий. Свои необычные эпизоды хранит и николаевская летопись.

Уже с конца XVIII в., когда вместе с военной верфью быстро рос город, успешно работали 13 магазинов и 149 лавок. Нередко предложения купцов и самих продавцов значительно опережали спрос. А это было небезопасно — ведь могло грозить полным разорением... самых инициативных! Но почти одновременно три строящихся города Юга (Херсон, Николаев, Одесса) всегда находили своих покупателей и «своевременный» товар.

Через 100 лет, в конце XIX в., численность жителей в Николаеве превысила 85 тыс. человек. К этому времени стали широко известны мощные заводы и фабрики, многочисленные мастерские, а более 50 кузниц помогали решить

запросы местных хозяев и хозяйств. Не случайно к нам потянулись иностранные государства, налаживая не только политические, но и экономические пути взаимопонимания. На то время в Николаеве работали около 30 иностранных консульств. В городе можно было слышать разговоры почти на 60 языках. Исторические хроники полны рассказов о том, как иностранцы принимали самое активное участие во всех сферах жизни общества. В память о киевских князьях Борисе и Глебе с 15 мая проводилась Борисоглебская ярмарка. Местная пресса информировала о продавцах, покупателях, их товарах и удачных покупках. Самым подробным образом сообщали о ценовой политике государства и города, который устраивал эту ярмарку. Вторую же ярмарку начинали во второй половине августа, когда потихоньку жар солнца начинал терять южную силу. К тому времени урожаи зерновых уже были в закромах, а овощи просто радовали разнообразием и изобилием. Их качество не вызывало никаких сомнений. Они — с юга Украины!

И все же самыми популярными оставались местные базары. Уже с первых летних дней цены начинали резко падать, а предприимчивые хозяева готовились в дорогу. Ведь у нас многие овощи-фрукты-ягоды созревали значительно раньше. Да и вкусом, и запахом обладали — просто диковинным. Вот и спешили наши южные купцы: одни держали путь поближе, а «солидные» и опытные готовились серьезно и обстоятельно, ведь их ждал путь неблизкий и опасный. Старые документы тех далеких лет сохранили немало пересказов, преданий и даже легендарных рассказов о том, как и какие товары пересекали границы бескрайних причерноморских степей.

Уже в мае-июле местные дороги заполняли длинные вереницы переполненных телег. В основном их путь лежал на север и запад, туда, где «сочная зелень», надышавшаяся ласковым южным солнцем, да душистые и сочные овощи, фрукты, ягоды нетерпеливо ждали. А августовская торговля «дышала» арбузами, дынями и виноградом!

Недавно, слушая воспоминания старожилов с Баловного, наш земляк, член историко-краеведческого общества «Золотая ладья», В. Черный рассказал, что с давних времен, получая обильные урожаи, местные хозяева называли свои щедрые огороды «незвозимі городи». Точнее о чуде нашей земли и не сказать.

Не случайно самыми популярными были дороги в обе столицы Российской империи — Москву и Петербург. Здесь с нетерпением ждали южан и их «вкуснейшие привозы».

В конце XIX — начале XX в. николаевские газеты (особенно «Южанин») постоянно напоминали, что там особой славой пользуются ранние косточковые — черешни, абрикосы, персики, но «богоявленские сады» были выше всякой похвалы. Этот товар продавался первым, в очередях.

Несколько позже все были в ожидании сочных, темных, почти как ночь, вишен. И мечтали поскорее дожидаться необыкновенную бахчу, переполненные солнцем виноградные гроздьи!

По сложившемуся опыту владельцы крупных николаевских садов (а их было немало) решали вопросы перевозки-продажи без посредников, самостоятельно. Приобретая «дорожные торговые знания» такой далекой, но довольно выгодной торговли, загодя готовили удобную тару, прочные телеги, выносливых и смирных лошадей, опытных и разворотливых возниц да толковых притких продавцов. Хозяева небольших садов везли урожай сами. Но и те, и другие порой получали довольно солидные доходы — до нескольких десятков тысяч рублей. Для того времени это были огромные деньги.

Те же, кто имел в собственности лишь небольшие сады-огороды или же не мог совершать такие длинные поездки, продавал свой урожай юрким «комиссионерам» (так их тогда называли). Уже с ранней весны они наводняли город, четко отслеживая сроки созревания, удачливых и опытных хозяев. Так они довольно быстро узнавали, что, где и у кого можно перекупить, где ожидать хорошей прибыли. Среди этой «торговой братии» было немало и тех, кто привыкал к городу, краю, оседал, успешно входил в торговый бизнес и продолжил биографию своего рода уже в богатых николаевских степях.

Занятный материал для нашего современника дают периодические издания (газеты и журналы), которые сохраняют все библиотеки, архивы и музеи. Газетчики информировали обо всех колебаниях цен, торговых отношений и пр. В урожайные годы цены падали довольно низко. Особенно у тех, кто выходил на местные городские базары. Но народная поговорка не случайна, что на каждого покупателя всегда найдется и свой товар, и своя цена. Редко кто разорался.

Уже ранним-ранним утром опытные зазывалы, которых нанимали хозяева (нередко и сами их готовили), оглашали о продажах-распродажах. Нередко среди них работали шустрые говорливые мальчишки, которые для привлечения внимания, как прекрасные психологи, находили необходимые обращения и убедительные аргументы.

В местной торговле второй половины XIX в. ведущее место держал хлеб — зерновыми занимались солидные товарищества и богатые помещики. Среди необычных рассказов, что сохранили сборники и отчеты о развитии сельскохозяйственных богатств, есть упоминание о южной диво-пшенице «о 7-ми колосьях». Завораживает воображение необыкновенно вкусный «абрикосовый хлеб», который умели печь наши талантливые предки-земляки. Его запах («дух»!) в пешие дни, казалось, заполнял все улицы города. К сожалению, сегодня эти технологии так и не удалось найти. А ведь были! И у нас, в Николаеве!

Еще французский писатель О. Бальзак, рассказывая удивительной Европе о дивном народе Украины, с восхищением писал о том, что здесь знают и используют 77 способов приготовления необыкновенно вкусного хлеба.

Среди экзотических растений, которые с успехом выращивали местные хозяева земли, можно было встретить и кофе. «Овощи доставляются в громадном количестве и продаются по дешевым ценам», — писал в 1894 году «Южанин» (выходил в 1884–1901 гг.). Все базары были наполнены «обильными всевозможными продуктами и очень оживленными молодыми предприятиями», — восхищались земляками журналисты. В местном ресторане за чай платили 6 коп., борщ и котлету — 7 коп., жаркое и рыбу — 9 коп. Кувшин молока можно было купить за 12–15 коп. На рынках города пару кур продавали за 25–30 коп., уток — до 40 коп., гусей — до 70 коп. Целый воз (телегу) вишен (особенно в благоприятный год) можно было купить за... 3 рубля! Многие сборы приходилось держать в холоде — ледниках. Их в подземных этажах немало. Торговый народ беспокоился о сроках и режимах хранения.

Привезенная в 1899 г. специальная машина для производства льда была установлена у самого лучшего николаевского «Максимова колодца», что давно прославил хорошей водой улицу Рыбную (ныне Дунаева в память о герое-подпольщике). С этого времени сохранность продуктов в жаркое время года

обеспечивали не только подвальные помещения, но и чистый лед, которым успешно обеспечивала «заграничная машина».

Далеко не все года были удачными для николаевцев. Весна 1893 г. принесла суровые дни — сильные заморозки поразили все почки и первые цветы. Добавила беды и пыльная буря, что к концу июня не только засыпала хорошо укрепившиеся рассады, но многие просто вырвала, поломала у самого корня. Но опытные овощеводы успели вырастить новые растения, которые в теплом климате быстро созрели и радовали своим урожаем, обогнав северные растения на месяц, а то и полтора.

Начав свою работу с конца весны — начала лета, николаевский торговый путь не оставался пустым ни летом, ни осенью: местные знатоки земли и ее растений быстро ориентировались. Обустроив парники, используя раннее солнечное тепло, продолжали везти и везти выращенный урожай туда, где был спрос и хорошая плата. Этому помогали опыт, трудолюбие и смекалка. А в разгар лета и собрав осенние урожаи, спешили туда, где можно было хорошо заработать. Адреса таких мест были хорошо знакомы.

Строительство Ингульской верфи

Бойчук С. В.

21 июля 1788 г. (за пять с половиной месяцев до знаменитой Очаковской битвы) на Николаевском полуострове началось строительство крупной военной судостроительной верфи. Она включала эллинги для постройки судов, хозяйственные, производственные, административные здания, различные складские помещения и другое. Строительство было начато по приказу князя Г. Потемкина, недовольного неудобной Херсонской верфью. В переписке ее обозначали по-разному: Усть-Ингул, Новая верфь, Верфь на Ингуле, Ингульская верфь и т.д. Эти названия указывали на место, где планировалось ее расположение. Уже в 1790 г., согласно письмам князя, город был официально признан и верховной властью Российской империи. В документах Адмиралтейство начали называть Николаевским, но в народе просто — Адмиралтейство (в то время так обозначались место и здания, где

производились «дела и работы флота» и находилось самое высокое управление).

Уже в начале XIX в. (с 1828 г.), в связи с постройкой нового Спасского адмиралтейства, основная верфь стала называться Главным адмиралтейством. Это нашло свое отображение на планах как города, так и самой верфи.

С 1911 года верфь перешла в руки другой компании, была перестроена и через год переименована в «Руссуд». Сегодня это завод им. 61 коммунара.

Об этих событиях написано, пожалуй, сотни статей и десятки книг. Но до сих пор допотемкинская история нам мало известна. Чаще всего утверждали, что на этих землях постоянно кочевали татары, отсутствовали населенные пункты и царили нравы «диких племен». Но последние исследования показывают, что верфь, давшая толчок росту молодого города, начала сразу же строиться далеко не на «глухом пустынном месте». Напомним, что до сих пор так и не найден документ, где четко указан новый статус верфи и города Николаева. Не случайно дату своего юбилея Николаев менял несколько раз, ссылаясь только на письма князя Потемкина.

Уже в 1890 г. видный общественный деятель Г. Ге, более 30 лет бескорыстно служивший интересам города, стал одним из первых историков нашего Николаева и сообщал, что «Прибужье в то время не представляло глухой степи, как думают многие. Напротив, этот край был довольно густо населен татарами, считавшимися под властью Турции, турками. Были поселки выходцев из польской Руси. Раздольные местности позади укрепленной границы занимали тогда только запорожцы...» Такой была наша земля в 1740 г., почти за 50 лет до постройки Ингульской верфи. А «русские поселки представляли уже очень редкие оазисы среди этой степи», — продолжал Г. Ге. «Правительство царицы спешило населить приобретенный край... Целая волна мещан и сельчан хлынула в опустевшее Прибужье, где эти люди надеялись получить от сильной русской власти обеспечение, желанную спокойную жизнь». В архиве Екатерининского губернского управления и в журнале «Восход» (1887 г.) сохранилось удивительное распоряжение новороссийского губернатора Муромцева, который 11 июня 1776 г. четко указывал на то, что местность, на которой нынче стоит Николаев, довольно хорошо была всем знакома и «представляла именно ту, которую хотели поскорее заселить». Вот сюда-то и направлял губернатор вы-

ходцев из польской Руси. Среди них были и евреи. Об этом беспокоился балтский кагал. В их просьбе Муромцев не отказал, но потребовал, чтобы «поселяющийся еврей привел с собой пять христиан...». Выходцы православного исповедания «были сплошь земледельцы, и потому они сажались у Ингула и Буга особыми поселками и хуторами».

Вот такое разнородное поселение на теперешнем «Николаевском полуострове» исследовал и описал историк Г. Ге. «И все это было уже за... 14 лет до Ингульской верфи, после подписания Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г.», — уточнял он. Рядом жила своей жизнью уже старая Слобода — Матвеевка (это название известно с 1778 г.) и другие села, хутора дониколаевского времени.

В руках полководцев М. Кутузова и А. Суворова была четкая карта, которую автор этой статьи опубликовала в книге «Шановані незнайомці» (Миколаїв, 2009). Документ датировался августом 1787 г. «Карта. Расположение Российской Армии с начала Войны», где военные специалисты обозначили на нашем полуострове некие казацкие поселения: «Кут Уомаха». «Кут Осницкой», «Витотта», реку Мокрую Терновку, Матвеевку и др. Это еще одно свидетельство пристального внимания к нашему полуострову. Не случайно николаевские археологи нашли немало казацких люлек, кованных в кузнице подков, гвоздей. Историки писали, что здесь по всем берегам и косам стояли зимовники, и хорошо ловилась рыба, это было известно многим.

Особого внимания достойны малоизвестные рассказы о николаевской крепости — Новогригорьевской — целого редута, который обозначен на «Генеральной карте Новороссийской губернии, сочиненной в 1779 г. Иваном Исленьевым». Как старое землебитное укрепление (по Ю. Крючкову) оно значится и на плане, подписанном полковником Кретшмаром около 1832 г. Краеведы считают, что предположительно в районе между улицами Шевченко, Адм. Макарова, Малой Морской, К. Либкнехта. По версии Юрия Семеновича, естественная низина находилась на территории улицы Гражданской и когда-то была старым руслом Ингула. Она шла от самой реки до Бугского лимана и использовалась в качестве рва. Известно, что М. Фалеев менял русло самого Ингула, которое отсекало нынешний полуостров, бывший тогда островом. Талантливый человек уже тогда был известен своим мастерством обустраивать каналы, покорять не-

приступные пороги Днепра. Неслучайно его называли их директором.

Но нельзя забыть и об австрийце по происхождению, Санкт-петербургском купце Франце Яковлевиче-Андреевиче Фабре, который уже 29 июля 1784 г. «бил челом» и подал на Высочайшее имя прошение на владение землей. В нем сообщалось, что «по повелению его светлости... князя Григория Александровича Потемкина в Херсонском уезде при реках Буге и устье Ингула отмежеван большой участок земли». Скорее всего, уже в 1782–1783 годах купцом была хорошо изучена вся эта территория.

Облюбованная земля новому помещику Херсонской губернии представлялась для «его семьи и компании». Но 27 августа 1784 г. к уже полученным 500 десятинам Фабре попросил еще 1000 десятин «удобной земли». А это немало! Весь полуостров да еще и окраины. Ведь площадь этой николаевской территории составляет около 15 км², а согласно документам, тогда все поместье нового поселенца равнялось почти 16,35 км². Судя по всему, Фабре был хорошим хозяином, поэтому довольно скоро приобретенное поместье быстро застраивалось.

По материалам, опубликованным в «Записках Одесского общества истории и древностей» (ЗОИД), «дача Фабре», как принято ее называть в краеведении, состояла из трех хороших усадеб, разбросанных по всей территории. Семейный дом стоял в самом Спасске (ныне яхт-клуб), другие постройки — в районе Спасского мыса. Известно, что несколько сооружений располагались у нынешнего Ингульского моста.

Благодатная земля радовала: плодородные пахотные поля, хорошие Лесковские леса. Еще при Потемкине здесь росло несколько десятков густых рощ, ветки которых, переплетаясь, создавали тень и прохладу (835 десятин). Хорошая подземная вода, всего на глубине около двух метров, небольшие озера, многочисленные родники с питьевой водой давали отличные надежды на будущее.

Счастливый Фабре соорудил свой главный дом с хозяйственными постройками в урочище Виноградной косы (Спасск). Воду брали из лучшего источника, который был известен издавна. И сегодня бытует немало воспоминаний, рассказов и легенд о целебных свойствах этой воды. А позже управленцы городом и зажиточные николаевцы построят в этом уголке свои дачи.

Уже в те годы у Фабре от Спасского источника работала мельница. Им использовалась и северная часть надела — место, известное в истории как Казачий перевоз, Казацкая переправа. Хороший каменный дом на четыре комнаты, две землянки, изба, кузница и добротный шинок, очевидно, приносили солидный доход. Ведь именно здесь проходила старинная дорога — единственная удобная южная переправа, где постоянно могли останавливаться отдохнуть и переночевать государственные и почтовые люди, купцы и простые путники. Не случайно в перечне имущества Фабре обозначены пять скирд сена, которые были припасены для лошадей.

Проанализировав планы и развернутое большое хозяйство Фабре, трудно не восхититься рачительным и предприимчивым купцом допотемкинской истории, так быстро освоившим эти большие просторы. Мы видим, как за короткое время земли были обработаны и засажены. А на Спасском мысе он получал хорошие урожаи зерновых. Эти особенности потом учтут последующие поколения николаевцев. Старинная переправа (сегодня археологи считают, что она существовала еще в далекие времена Римской империи) помогала всем, кто шел по тракту, а сам Фабре имел и доход, и полную осведомленность обо всем, что происходило в мире.

За всю нынешнюю землю полуострова Российское правительство получило всего немногим более... 45 рублей. Правда, чиновники довольно долго тянули с оформлением аренды — как с планами, так и с межевыми книгами. Но это не помешало Фабре в его деле. Мы сегодня можем только догадываться, скольких мастеров ему удалось пригласить для сооружения построек, обработки земли и уборки урожая. Учитывая размах и скорость строительства, этим занималась, очевидно, не одна сотня людей.

Это сегодня мы видим ровные улицы, срезанные холмы, засыпанные балки и т.д. Старые рисунки и первые фотографии показывают эти просторы совсем другими. Думается, что уже тогда один из первых хозяев местности во второй половине XVIII в. много потрудился, создавая удобное место для жизни и своего хозяйства.

Но судьба не была благосклонна к семье Фабре. Через три года после удачного поселения группа турок напала на главный хозяйский дом. Это случилось летом 1787 г. В то время Бугский лиман служил границей между Османской импери-

ей, землями казаков и России. И переплыть его не составляло большого труда.

В истории края это нападение вызывает немало вопросов. Что случилось? Что вызвало недовольство турецкой стороны? Где в это время была семья Фабре, если известно, что после турецкого набега погибла только служанка? И где находилась остальная прислуга и помощники Фабре (ведь это был семейный дом хозяина)? Таких вопросов десятки, а ответов...

Чаще всего ситуацию принято объяснять легко и просто: была граница, часто нападали и пр. Но исторические документы свидетельствуют, что обращение Фабре к российским властям имело последствия. Почему-то «утрясалось с турецкой стороной приграничное происшествие» и т. д. И сам Фабре с семьей как-то неожиданно уехал. Насовсем...

Во всем этом князь Потемкин поручил разобраться М. Фалееву: оценить убытки, уладить инцидент. И одновременно решить, что делать с оставленными землями Фабре.

Последнее задание было довольно важным для всех. 10 лет работы Херсонской верфи себя не оправдывали, и это вызывало постоянное недовольство Потемкина.

Причины этому серьезные: 30 верст (верста — 1,7 км) до лимана, узость в этом месте русла Днепра, огромное количество островов и плавней, постоянно покрытых высокими камышами, систематическое заиливание дна, из-за мелководий затруднение в маневренности военных кораблей и катеров — все это не отвечало грандиозным планам Потемкина. А к этому всему еще добавлялись непредсказуемые паводковые затопления, избежать которых было невозможно.

Князь спешно искал выход из создавшегося положения, направляя специалистов для поиска удобного места для новой верфи. Поэтому не случайно работа М. Фалеева по изучению и ликвидации последствий «Фабрового конфликта» помогла достаточно хорошо освоиться с землями полуострова. Все историки одновременно рассказывают и о беде поселившегося купца, и о докладах Фалеева про «удобное хорошее место для корабельной верфи». К этому времени уже был осмотрен полуостров, обследованы устья рек, особенно Ингула. Да и земли совсем рядом, всего-то в 60 км от Херсона.

Преградой для осуществления новых планов становилась аренда купца Фабре. Но ее устранили быстро. Уже 2 сентября

1787 года, по распоряжению Светлейшего, екатеринославские чиновники отменили договор. С этого времени земли вернулись в государственную казну, а все купчие документы арендатора аннулировали. Дабы избежать просчетов, которые случились в Херсоне 27 июня 1788 г., согласно ордеру (распоряжению), штурман Н. Гуриев дополнительно перемерял глубину Ингула «от устья его до того места доколе оный судоходен». И не только. Исследователи береговых линий тщательно изучили места, «где эллинги быть с удобством могут». До большой Очаковской битвы — 6 декабря 1788 г. — оставалось еще немало времени. А тут уже кипела работа. Свидетельством тому — многочисленные распоряжения и переписка князя.

Ордером от 21 июля 1788 г., подготовленным в лагере под Очаковом, утверждалось место, пригодное для заложения верфи на р. Ингул, и предписывалась заготовка леса для двух 56-пушечных кораблей. «Оговаривалось и сооружение пакгаузов», — сообщал краевед первой половины XX в. Н. Лагута. В документе говорилось и об «апробированных рисунках».

Уже через месяц подрядчик Постоев заложил каменную кузницу. Для мастеровых и рабочих срочно строились землянки, временные жилища. Они и стали первыми строениями нового южного города на землях с богатым и до сих пор нам малоизвестным прошлым...

Начало Николаева и судостроения в городе

(Отрывок из статьи)

Крючков Ю. С.

Облик старого города

Каким же был город в первые годы его существования? Как он развивался? Как выглядел? Для ответа на эти вопросы обратимся к документам и воспоминаниям современников.

Служивший на юге немецкий врач Э.В. Дримпельман так описывает свои впечатления о первых днях будущего города: «...Но как сильно я был удивлен, когда извозчик, которого я подрядил из Елисаветграда, вдруг остановился, и хотя я

не видел ничего, кроме отдельных хижин из тростника и часовых, объявил мне, что тут и есть Николаев...»¹.

Право скажем, нечего и удивляться.

Дримпельман приехал в Новую Верфь 20 мая 1787 года, когда еще не существовало не только «...города Николаева», но не могло возникнуть даже слабого представления о будущей верфи и самом имени города: до штурма Очакова оставалось еще более полугода, и Святой Николай еще «...не помог» его взять. В это время только лишь забивались первые сваи под самые первые постройки верфи. Память подвела мемуариста.

Из документов первых лет существования города² приводим следующую выписку:

«Сведения о Николаеве.

а) Состояние его в 1791 году:

Дворов	— 26
Жителей мужского пола	— 105
женского пола	— 42
Земли под усадьбою	— 1200 дес.».

Как видим, «город Николаев» виделся Г. А. Потемкину еще только в грезах: таким, каким его представил на генеральном плане архитектор И. Е. Старов. Согласитесь, что 26 дворов и 147 «душ» обоего пола маловато не только для города, но и для приличной деревушки. Даже спустя два года после наименования Николаева «городом» он представлял только верфь и возле нее несколько разбросанных домов, а скорее — мазанок, крытых камышом. Это была верфь с обширными сельскохозяйственными угодьями, занимавшими весь полуостров.

Нужно было иметь гениальную прозорливость, чтобы сквозь это убожество увидеть контуры будущего центра судостроения и флота на Черном море. И Г. А. Потемкин не ошибся: уже в следующем, 1792 году, Николаев резко изменился. Из того же документа:

«б) в 1792 году:

Церковь — 1

¹ Дримпельман, Э. В. Записки немецкого врача о России в конце прошлого века // Русский архив. — 1881. — Кн. 1. — С. 48.

² Ляликов, Д. И. Занятия общества по поручению правительства // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1848. — Т. 2. — С. 832.

Казарм	— 100
Магазинов	— 13
Домов (каменных и деревянных)	— 158
Мазанок	— 209
Землянок	— 61
Лавок	— 149
Погребов	— 23
Жителей обоого пола	— 1566».

Как видим, город существенно вырос, в нем появилась внутренняя и внешняя торговля, о чем говорит обилие хлебных магазинов (складов), лавок и погребов (в общей сложности 185!). Началась заморская торговля, в которой важную роль играл первый помощник Потемкина по строительству городов Херсона и Николаева бригадир М.Л. Фалеев: его суда ходили во Францию и даже далее — в «западный океан». В Николаеве были открыты обширные «Торговые ряды», получившие впоследствии название «Греческих», поскольку во внешней торговле монополию держали греки-переселенцы с островов Архипелага.

К сухим цифрам этой таблицы добавим живое впечатление людей — современников молодого города.

Вице-адмирал Н.С. Мордвинов, назначенный в начале 1792 года на пост председателя Черноморского адмиралтейского правления, осмотрев Николаев, доносил императрице:

«Город Николаев, хотя еще и при начале своем, но, занимая нарочитое пространство, является ныне селением уже знаменитым. Главнейшие публичные строения уже сооружены, а другие заканчиваются. Многие партикулярные дома своими размерами и архитектурой украшают оный...»³.

Николаев виделся Мордвинову Новыми Афинами, а Очаков — Черноморским Пиреем. Конечно, на такой характеристике нового города сказались, скорее, возвышенность души Н.С. Мордвинова и стремление нового начальника видеть процветающими подвластные земли. Это был взгляд в будущее, которому, к сожалению, как и многим другим предначертаниям Потемкина на Юге, не удалось осуществиться.

А вот что пишет екатеринославский губернатор В.В. Каховский в своем письме личному секретарю Екатерины II, тайному советнику В.С. Попову:

³ Архив графов Мордвиновых. Т.1. — СПб., 1901. — С. 278.

«20 числа был в Николаеве, виделся с Николаем Семеновичем (Мордвиновым) и Михайлою Леонтьевичем (Фалеевым). С первым говорил по предписанию вашему о Николаеве... Мы (кроме Иосифа Михайловича, страждущего лихорадкою) осматривали весь город и окрестности оного. Строений кончено и начато много. Вода в колодцах хороша, а в фонтанах отменно хороша. Деревья посажено много. По хуторам разводятся огороды для поваренных растений и распахиваются земли под посев хлеба. Михайло Леонтьевич показывал нам все сие, будучи сам в восхищении. Признаюсь в п-ву, что я пришел в изумление, увидя столь много строений на том месте, где два года тому назад видел я два только шалаша, из камыша зделанных. Все таковые события свойственны только России...»⁴. Письмо отправлено из Очакова 23 апреля 1792 г., то есть в тот же год, для которого выше приведены статистические сведения, и вскоре после донесения Н. С. Мордвинова.

Из этого письма можно усмотреть ряд интересных фактов. Во-первых, по-видимому, Екатерина II интересовалась, как развивался Николаев, совсем недавно созданный волей ее любимца Г. А. Потемкина, и только что получивший права города, поэтому она, возможно, просила В. С. Попова собрать сведения о городе. Кроме того, она располагала полученным донесением Н. С. Мордвинова и, вероятно, хотела проверить точность его оценки.

Учитывая, что В. В. Каховский по должности был одновременно и главнокомандующим Черноморским флотом и совершал инспекционную поездку, вряд ли его можно заподозрить в неискренности. Видимо, город действительно приобретал хороший (по провинциальным понятиям) вид: официальные здания были красивой архитектуры (творения И. Е. Старова), было много зелени, столь усердно разводившейся Г. А. Потемкиным и М. Л. Фалеевым.

⁴ Письма Екатеринославского губернатора Василия Васильевича Каховского, состоящего при делах ее величества Екатерины II, Тайн. сов. В. С. Попову...// Записки Одесского общества истории и древностей. — 1881. — Т. 12. — С. 352–353.

Старый Николаев глазами очевидцев

Крючков Ю. С.

История города формируется из двух пластов материалов: архивных и мемуарных.

Если историк, добывая в архивах сведения по развитию города, воссоздает документальный, но сухой его исторический облик, то мемуаристика позволяет сотворить живой образ города, более близкий читателю, чем свод формальных сведений о нем. Чтобы читатель мог образно представить себе старый Николаев в его историческом развитии, я приведу отрывки из писем, воспоминаний и других документов лиц, проезжавших через Николаев или живших в нем.

Во избежание моего влияния на впечатления читателей привожу эти материалы без комментариев.

Итак, ранний Николаев, со дня его основания до конца XVIII в. Город только начинает строиться.

В 1789 г., т. е. в первый год существования Николаева, немецкий врач Э. Дримпельман, бывший на русской службе, жил некоторое время в городе и дал его образное описание:

«Но как сильно я был удивлен, когда извозчик, которого я подрядил из Елисаветграда, вдруг остановился и, хотя я не видел ничего, кроме отдельных хижин из тростника и часовых, объяснил мне, что тут и есть Николаев.

Мне показалось это тем невероятнее, что еще два года тому назад я слышал, что основывается на Буге новый город, который будет носить имя Николаева. Что же могло быть естественнее, как предполагать и ожидать здесь домов и жителей.

Вокруг все было пусто. Единственные живые существа, которые здесь можно было встретить, — были змеи. Доселе ни одно человеческое существо не могло жить в этом месте, где в несколько месяцев возник город, который уже в первые годы своего существования обещал счастливое процветание и где теперя селятся люди всех стран».

Из «Ведомости», составленной землемером Херсонского уезда поручиком Редильским, узнаем, каким был «город Николаев» через два года, в 1791 г:

«Дворов 26, мужского пола 105 человек, женского пола — 42, десятин земли — 1000.

На левом берегу Буга и в устье Ингула с левой стороны на возвышенном месте. В этом городе публичных строений

по новости еще не имеется. Жители большею частью из других мест разного звания пользуются вольной продажей съестных и питательных припасов. Водами этот город изобилен и вода здорова. В реке Буг ловится рыба: осетр, белуга, стерлядь, севрюга, сазаны, вырезуб, щука, окунь, ерш и других родов довольно».

Каким показался Николаев только что назначенному главному командиру Черноморского флота вице-адмиралу Н.С. Мордвинову (1792 год), можно узнать из его рапорта императрице Екатерине II:

«Город Николаев, хотя и при начале своем, но, занимая нарочитое пространство, является ныне селением уже знаменитым. Главнейшие публичные строения уже сооружены, а другие заканчиваются. Многие партикулярные дома своими размерами и архитектурой украшают оный».

Ему вторит екатеринославский губернатор В.В. Каховский, изливая свой восторг в письме тайному советнику В.С. Попову (1792 г.):

«Мы осматривали весь город и окрестности оного. Строений кончено и начато много. Вода в колодцах хороша, а в фонтанах отменно хороша. Деревья насажено много. По хуторам разводятся огороды для поваренных растений и распахиваются земли под посев хлеба... Признаюсь в пр-ву, что я пришел в изумление, увидя столь много строений на том месте, где два года тому назад видел я два только шалаша, из камыша сделанных».

Не менее восторженно отзывалась о раннем Николаеве и дочь Н.С. Мордвинова Н.Н. Мордвинова, проживавшая в городе с 1794 по 1797 годы: «Многие путешествующие останавливались в Николаеве, проживали месяцами в этом счастливом уголке, увлекаясь приятным обществом и жизнью, которую тут проводили, и называли его маленьким оазисом в степи в новом нашем малонаселенном крае».

В 1798 г. Николаев посетил французский путешественник Б. Аке (Гакет), совершавший поездку по Северному Причерноморью. Он оставил краткие, но яркие воспоминания о городе:

«Сначала я хотел отправиться в русскую Мекку — Киев, чтобы посетить Печерскую лавру, но не нашел в себе сил переносить запах гниющей падали и отказался от своего намерения. Пошел прямой дорогой в Николаев, красивейший город сред степей всей Таврии: в нем множество больших

улиц с отдельно стоящими домами, с колоннами, красивыми площадями и большим зданием Адмиралтейства вместе с корабельной верфью».

Каким был Николаев в 1799 г., мы узнаем из книги П. И. Сумарокова «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии...»:

«Николаев привел меня в изумление. Надо быть на месте, чтобы иметь понятие о чудотворном преобразовании глухой и необитаемой степи в течение 3 лет в хороший город. Николаев довольно обширен, расположен в новом вкусе, имеет 800 домов, построенных из камня и большей частью с колоннами, коих 3 дома принадлежит казне, но за не окончанием построений по плану приходится в нем многие пустыри. Улицы прямые без переулков, одинаковой ширины 15 сажень и все сквозные. Две церкви: собор с весьма хорошей внутренностью, богатою утварью и деревянная греческая, при том двое рядов — для Российских и Греческих купцов.

Местонахождение Николаева величественно и красиво на высокой утесистой горе, при подошве которой сходятся две большие реки Буг и Ингул. Худой запах, происходящий от топления кизяком и тростником».

Сохранился ряд воспоминаний и очерков о Николаеве первой половины XIX в., когда городом и флотом управляли адмиралы И. И. де Траверсе, А. С. Грейг и М. П. Лазарев.

Вот несколько впечатлений о городе времен маркиза де Траверсе.

Из книги В. Измайлова «Путешествие в Полуденную Россию...» (1805 г.):

«Николаев стоит в долине, окруженной пригорками при впадении Ингула в Буг, в нескольких верстах от Черного моря. Адмиралтейство, крепость, суда, стоящие на якорях, служат главным украшением города. Соборная церковь во имя Св. Григория есть здание вкуса и нежности».

Воспоминания французского купца Сикарда, побывавшего в Николаеве в 1808 г.:

«Николаев стоит на левом берегу Буга. В сем городе находятся складни и магазины Черноморского флота. Когда мы приезжали, то еще в гавани не было ни одного линейного корабля в отстройке; как скоро они отделаются, немедленно отправляют их в Севастополь. Жителей города около девяти тысяч, почти все — служащие во флоте или жиды: последние имеют отвратительный вид. Положение Николаева

не так хорошо — улицы широки, а дома низкие и выстроены по большей части из дерева или глины».

А вот очень краткий отзыв о Николаеве из книги князя Н.М. Долгорукова «Славны бубны за горами...», вышедшей в 1810 г.:

«Все это пространство (до Богоявленска) было уже разбито на кварталы. Поживи Потемкин — Николаев стал бы шире Москвы. Места вдоль дороги (из Николаева до Богоявленска) были розданы приближенным».

Очень скупы мемуарные материалы о Николаеве времен правления А.С. Грейга. В 1818 г. английский путешественник Р.К. Портер посетил Николаев и дал такую краткую характеристику: «В Николаеве много церквей, но мало архитектуры».

В дневнике Михайловского-Данилевского, сопровождавшего императора Александра I в его поездке в Николаев, имеется такая запись: «6 мая 1818 г. приехали часу в седьмом в Николаев, где были встречены командиром Черноморского флота адмиралом Грейгом. Государь (Александр I) остановился в его прекрасном доме... 7 мая. К утру мы были в Адмиралтействе, где спускали фрегат «Флору», потом в разных казенных заведениях и между прочим в Штурманском училище».

Несколько больше мемуарных материалов относится ко времени правления адмирала М.П. Лазарева. Интересны строки из дневника В.А. Жуковского, бывшего проездом в Николаеве: «1837 г. 1 сентября. В 7 часов утра в Николаеве. Широкий Буг. На месте переправы верфи. Сад из тополей и верб, дубов, обнесенный белою стеною... Вблизи обсерватория, прекрасное здание в стороне, окруженное лесом тополей и верб. Город красивый. Есть здания довольно огромные, все прочие приятной архитектуры. Остановились пить кофе в Николаеве. Прекрасный чистый город, до 40 тысяч жителей, считая 13 тысяч войска. До 50 (тысяч) капиталов. Удачная постройка кораблей..., которая стоила более миллиона».

Из статьи К.Х. Кнорре, главного астронома Черноморского флота, прожившего в Николаеве 50 лет.

«Город сей, расположенный на левом возвышенном берегу р. Ингула, по устройству и положению почитается в числе лучших Новороссийского края. В нем Соборная Адмиралтейская церковь во имя Св. Григория Армянского обращает на себя особое внимание, с одной стороны, как памятник Ве-

ликой Екатерины, а с другой — как место, где находятся... редкости... Из прочих зданий замечены: присутственные места города Николаева, обсерватория, дом благородного собрания, чертежная, словолитная и переплетная... Для увеселения жителей на возвышенном берегу Ингула устроен отличный бульвар...» («Новороссийский календарь», 1843 г.).

Любопытно высказывание о Николаеве В.Г. Белинского, побывавшего в городе в 1846 г.:

«Жить в Николаеве довольно скучно. Это первый город, в котором у нас не нашлось ни одного знакомого. Город этот флотский и набит матросами и офицерами. Спектакли идут плоховато... В Николаеве такая труппа, какой подобной нет нигде под луной, а если и есть, так, может быть, на луне, где, как известно, вообще нет людей и, стало быть, никто не знает грамоты...».

В начале второй половины XIX в. Николаев переживал трудные времена: поражение в Крымской войне практически остановило судостроение и всю деловую жизнь, связанную с флотом. Вот как об этом пишет историк города Г. Н. Ге в своей книге «Исторический очерк... Николаева...»:

«В опустевшем, обезлюдневшем городе жизнь совсем остановилась, не предьявляя уже никаких запросов. Между тем на окраинах города безработица более и более деморализовала население. И это печальное положение вещей дошло до того, что по заходе солнца в Николаеве стало опасно выходить из дому.

Седьмой десяток существования Николаева, с 1850 по 1860 годы, не оставил по себе уже никаких следов чьей бы то ни было горячей деятельности в городе на пользу благоустройства».

Первый историк города контр-адмирал Н.М. Кумани в своей обширной статье «Николаев», опубликованной в 1861 г., дает нелестную характеристику городу:

«Но все-таки нельзя не жалеть о том, что все эти средства не были употреблены на что-нибудь более полезное для города, например, на мощение улиц, в котором стояла всегда вопиющая надобность. Николаев, в этом отношении, не изъясняется из категории общей большей части и наших городов, о которых какой-то остряк очень удачно сказал, что они представляют зимой чернильницы, а летом песочницы...».

С 1862 г., с приходом к управлению городом адмирала Б.А. фон Глазенапа, Николаев стал оживать. Ликвидация его

«закрытости», открытие морского порта, положившего начало заморской торговле, привели к возрождению экономики города и его быстрому развитию. Вот как об этом периоде пишет в своей статье первый журналист Николаева Е. Павловский (1862 г.):

«Не знаем, будут ли приняты меры к окончательному за-
прещению подобных уродливых построек (сараяв), наводящих постоянный ужас на соседей, но покамест, во многих местах, среди прекрасных каменных зданий, крытых черепицей и железом, торчат камышовые крыши сараяв, и что удивительнее, многие из построек принадлежат людям достаточным и построены в недавнее время...

Между прочим, город строится и не на шутку: повсюду сложено много камня, огромные промежутки между домами пополняются новыми и по большей части красивыми зданиями, вместе с тем и цены на квартиры повышаются и, надо правду сказать, возвышаются без расчетно, без всякого соображения — Николаеву предстоит много хорошего впереди, а покамест он все прежний тихий, спокойный Николаев...».

Очень детальную и живую характеристику Николаеву дал в своей книге «Материалы для географии России...» (1863 г.) подполковник генерального штаба А. Шмидт:

«Подъезжая с этой стороны к Николаеву, после огромного пространства безводных и безлесых степей, к северу от него лежащих, открывается направо вид на Бугский лиман от 1 до 3 верст шириною и до 9 верст вдаль по длине двух колен его; между ними, на противоположном берегу, находится местечко Варваровка с обширными плантациями. После этой массы воды, вдоль дороги, встречаются кое-где небольшие сады, и впереди заканчивает вид крутая гора. На ней, вправо, целые линии пирамидальных тополей и белых акаций, за которыми виднеется город, распространяющийся влево, по горе, на несколько верст. Внизу этой горы, под бульваром и домами, стоят, как бы на суше, корабли, пароходы и разного рода военные суда. Подъехав к ним, видишь только, что они находятся у самого берега, в Ингуле, который омывает здесь подошву горы и, неподалеку, вливается в лиман. С моста ведет крутой подъем на гору, откуда выезжаешь прямо на площадь, с обширной гауптвахтою. С трех сторон эта площадь окружена высокими домами, в которых помещаются присутственные места города и черноморского ведомства, а с четвертой — находится адмиралтейская соборная церковь Св. Григория,

она замечательна тем, что внутренность ее украшена иконостасом, с иконами превосходной живописи, выписанными князем Потемкиным из Италии.

На этой площади лучшая гостиница; неподалеку от нее театр, почтовая контора, лютеранская церковь, а выходящая к ней адмиральская улица, лучшая в городе, пользуется еще тем преимуществом, что она одна только и освещается по ночам, и притом довольно оригинально — сальными свечами.

Улицы в Николаеве очень широки и доходят иногда до 15 и 40 сажень, некоторые из них обсажены тополями и белою акацией, но нигде почти не заметно посадки новых деревьев, через что это лучшее украшение города постоянно приходит в упадок. Улицы шоссированы на самом небольшом протяжении, в ненастье город очень грязен.

Николаев имеет совершенно оригинальную наружность: двухэтажных домов в нем очень мало, между тем, все постройки, в главной части города, каменные, и отличаются довольно изысканною архитектурю, опрятностью, множеством надворных, хозяйственных помещений, построенных точно так же с большим изяществом, и почти в каждом дворе есть хоть небольшой садик, тщательно поддерживаемый и украшаемый владельцем его. Каждый дом носит на себе отпечаток некоторой комфортабельности.

Отчетливость и щегольство внутренней отделки поразительны и везде доказывают положительные сведения в строительном искусстве. Между частными домами видны архитектурные особенности, свойственные полуденным странам».

Очень непривлекательным описан Николаев в первом путеводителе, выпущенном Е. Павловским и В. Ильиным в 1869 г.:

«Дома в городе большею частию каменные, вследствие обильных каменоломен в окрестностях и даже в черте города... Небольшая часть домов покрыта железом, остальные черепицей, выделяемого на месте, а многие крыты тесом. Дома бедных жителей, находящихся преимущественно в Адмиралтейской части города, почти все построены из землелитного кирпича и покрыты камышом и соломою...

Улиц продолжных с востока на запад 42, поперечных с севера на юг 39. Улицы прямые, шириною от 15 до 40 сажень, пересекаются под прямыми углами... и делят город на пра-

вильные кварталы. Из всех мощеных только две: Адмиральская и Соборная, но на первой мостовая занесена таким толстым слоем песка, что сделалась в последнее время хуже немощеных. На Адмиральской сделаны тротуары для пешеходов, но ничем не вымощены и нисколько не возвышенные над уровнем улицы, они почти не избавляют пешеходов от повсеместной грязи...».

Итог столетнему развитию города подвел Г.Н. Ге в своей книге, выпущенной в 1890 г.:

«Трудно найти в России город, равный с Николаевом по населению, в котором бы было так же мало церквей и в котором бы церкви были так же убоги...

С каждым годом Николаев, не изменяя своего облика, т. е. оставаясь без мостовых и с массою камышовых крыш, стал более и более изменяться в своем внутреннем содержании».

И наконец, в заключение привожу краткие впечатления о городе николаевского писателя Д. Айзмана из книги «Редактор Солнцев», вышедшей уже в начале XX века, в 1914 г.:

«Город этот широкий, разбросанный, пыльный, со множеством садов и огромных пустырей — «левад». Население по преимуществу русское, много военных и особенно моряков. Есть в городе две реки — Буг и Ингул. Берег в том месте, где Ингул впадает в Буг, высок и крут и в пору моего детства покрыт был густым кустарником».

На этом я обрываю воспоминания очевидцев о старом городе. Началась революция, и город стал другим. Думаю, что каждый читатель, прочтя эту подборку мемуаров и воспоминаний, составит свое впечатление о старом городе и его развитии.

1.2

Початок «зеленої історії» міста

В тени английского сада

Гаврилов С.

«Кавалер и бригадир Фалеев указал по карте, что Бого-
явленское владение Светлейшего князя и устроителя новых
земель Потемкина состоит из 420 десятин... Ровная степь
в оном поместье клонится к лиману, перемежается оврагами,
малыми реками, пустошами солеными с кустарником
и дикими деревьями. Надобно устроить здесь парк на манер
английского, чтоб без террас и дорог мощенных... Поставить
беседки и вывести фонтаны, реку запрудить камнем рваным,
чтоб вода падала... насадить дерев разных и трав... Светлей-
ший пожелал на лугах овец видеть с тонким руном. Надобно
и об этом подумать».

(Ливанов М.Г. Наставление к умозрительному
и делопроизводному земледелию. Руководство
к разведению и поправлению домашнего скота.
Ч. I, Курбатов В. Я. Сады и парки. Пг., 1916, С. 11)

В 1789 году в Николаев прибыл надворный советник
и профессор земледелия Михаил Григорьевич Ливанов.
Его командировка на юг Российской империи была связана
с планами Потемкина основать в Екатеринославе универси-
тет «для распространения просвещения» и подготовки ква-
лифицированных кадров в Новороссии.

Профессор должен был занять кафедру и читать молодым
аграриям лекции по восьми (!) дисциплинам: ботанике, прак-
тическому земледелию, садоводству, выведению приживае-
мых растений (акклиматизации агрономических культур),
устроению живописных парков, разведению домашнего скота
и птицы, практическому орошению земель и обустройству
полезных лесов. Этот перечень предметов был обязательным
в старейших сельскохозяйственных школах Европы.

Открытие Екатеринославского университета затягива-
лось, и Михаил Ливанов по приказу Потемкина стал разби-
вать английский парк в имении фельдмаршала.

Богоявленское — древнее село. Его биография начинается с XIII века. Сначала здесь был женский христианский монастырь, который разрушили татаро-монголы, затем в 1399 году литовский князь Витовт основал тут крепость.

География тусклая. Причерноморская низменность, где земля под небольшим углом спускается к лиману. Равнина перерезана руслами древних рек. Грунтовый покров состоит из среднегумусных черноземов, очагами разбросаны солончаки и пересыхающие водоемы.

Длительное и малодождевое лето, почти бесснежная зима, короткие весна и осень. Вот такие природно-климатические условия для английского парка. Профессор земледелия Михаил Григорьевич Ливанов крепко задумался.

Парк французский и английский

В начале XVIII века ландшафтный дизайн в Европе переживал свой запоздалый Ренессанс. Классические «версальские» парки ранних Бурбонов уходили в прошлое, на смену им пришли английские «пейзажные» ландшафты.

Французский и английский стили представляли собой разные грани эстетики садово-паркового искусства. Парк версальского типа с прямолинейными дорожками и фигурными формами обрезанных кустарников подчеркивал абсолютный контроль человека над природой. Английский сад, напротив, утверждал наивысшую ценность того искусства, которое неотличимо от божественной действительности.

Больше природы хорошей и разной — девиз британских дизайнеров и насущная потребность новой буржуазии. В Англии закончился промышленный переворот, страна обрела новый урбанистический ландшафт. Природа стала дефицитом и... товаром. Только богатые люди могли позволить себе купить ухоженные поля, рощи и водоемы.

Естественность парков культивировалась британскими дизайнерами и становилась самостоятельным стилем. В континентальной Европе разбогатевшие промышленники еще продолжали по инерции разбивать прямоугольники версальских садов. На туманном Альбионе уже в середине XVIII века отказались проводить ландшафтную границу между парком и «не парком».

Концепция планировки сада строилась на утверждении, что природе не свойственна прямая линия. Симметричные водоемы заменялись прудами неправильной формы, пря-

мые дорожки — извилистыми тропами. На смену подстриженной живой изгороди пришли свободно расположенные группы растений. Ручьи и водопады размещались таким образом, что представляли собой непрерывно движущуюся панораму. Газон начинался у самого дома. Человек, по мнению английских дизайнеров, должен был раствориться в этой рукотворной естественности и... стать совершенной.

Изменения ландшафтов в Британии проходило масштабно. Высаживались целые лесные массивы, создавались искусственные водоемы, засеивались экзотическими травами луга. Разбогатевшие банкиры и торговцы колониальными товарами интенсивно меняли природу своей страны. Французский классический сад постепенно становился анахронизмом.

В третьей четверти XVIII века европейская мода на английские парки пришла в Российскую империю. Русские аристократы начали «выписывать» британских садовников в свои имения. Английские парки стали разбиваться в Петергофе, Ораниенбауме, Царском Селе и Павловске. Новые пейзажные ландшафты появляются в московской усадьбе Демидовых, на даче Нарышкиных, в имении Орлова и доме Остерманов. Екатерина II приглашает в Россию знаменитых английских дизайнеров и отправляет учиться в Европу своих дворян.

В 1772 году Михаил Григорьевич Ливанов окончил Московский университет с золотой медалью и был отправлен на стажировку в Англию для углубления сельскохозяйственных знаний и обучения «разведению разных увеселительных садов и парков». В 1778 году он вернулся на родину и участвовал вместе с архитектором Джеймсом Мидером в проектировании и разбивке парков Царского села (Эрмитажная кухня, Верхний сад и Малый каприз).

Ливанов быстро становится популярным. Высокие сановники и вельможные аристократы заказывают у него проекты частных садов. В 1784 году он получает звание профессора земледелия, а в 1786-м выходит его книга «Наставление к умозрительному и делопроизводному земледелию». Через два года ученый-аграрий соглашается на предложение от князя Щербатова разбить английский парк при фамильном особняке в Санкт-Петербурге. Он принимается за работу, но... внезапно размеренный быт рушится. Могущественный Потемкин истребовал Михаила Ливанова к себе на юг.

Английский парк на Бугском лимане

Светлейший князь хотел создать в Екатеринославе университет. Для этого он вызвал к себе целых четырех преподавателей. В марте прибыли профессор земледелия Ливанов и три адъюнкта: Степан Гребницкий, Герасим Козлов и Иван Степанкевич. Все прошли обучение в английских сельскохозяйственных школах и были готовы преподавать свои дисциплины.

Однако открыть университет не получилось. Традиционная русская волокита мешала фельдмаршалу оперативно претворять замыслы в реальность. Потемкин подумал и... поручил надворному советнику Михаилу Ливанову возглавить школу практического земледелия, которую нужно было разместить в Богоявленском. Хороший менеджмент. Князь решил сразу две проблемы: аграрии задействовались в преподавании и одновременно проектировали английский парк.

Согласно планам Г.А. Потемкина, при школе должно быть создано образцовое хозяйство, которое включало плантации для выращивания лекарственных растений на нужды богоявленского госпиталя, фруктовый сад и опытный огород для приживления плодовых деревьев.

Практическое руководство строительства школы фельдмаршал поручил кавалеру и обер-штер-кригс-комиссару Михаилу Фалееву. Стараниями последнего в 1790 году опытное учреждение в Богоявленске начало свою работу. Это было первое в Российской империи учебное заведение аграрного направления.

27 августа 1789 года Потемкин издал ордер, согласно которому древнее село Витовка было переименовано в Богоявленское. Именно тут князь «нарезал» имение для своей племянницы графини Браницкой и решил создать диковинный сад. В помощь русским ученым он пригласил настоящего английского садовника Чарльза Гуля.

Интернациональная «творческая группа» выехала на место работ. Было решено визуально разбить всю территорию будущего парка на две части по древнему руслу реки, которое весной наполнялось тальми водами. Наклонный угол рельефа подсказал проектантам решение: посадить в низкой пойме рощу польской ивы, а берега будущего потока ограничить вязом и акацией. Несколько разновысоких плотин из дикого ракушечника должны были образовать искусственные каскадные водопады.

На самой высокой точке природного канала запланировали накопительный пруд, который должен питать русло реки в засушливое лето. Кустарники жимолости окаймляли несколько резервуаров, наполняющих боковыми протоками каскадную лестницу.

Планировалось построить восемь «глухих» беседок и соорудить четыре холма из природного гранита для укоренения горных кустов». Природные террасы, образовавшиеся вокруг искусственных плотин, превращались в поливные луга. Здесь нужно было посадить многолетние травы (лисохвост, гребенник, чабрец) и цветущие кустарники.

Две десятины отдавались под сосновый бор и одна — под дубовую рощу. К дворцу графини вели несколько замощенных дорог, обсаженных по краям рядом лип. Завершали общую картину крымский можжевельник, кусты кизила и боярышника, которые цветными пятнами должны были контрастировать с лиственными рощами и зеленью соснового бора.

Замысел садоводов понравился графине Браницкой. Начались земельные работы. Было расчищено русло реки, построены две каскадных плотины. Из Елисаветграда и Новомиргорода выписали 13450 саженцев деревьев и кустов, из Крыма прибыл можжевельник.

Ландшафт северо-восточной околицы Богоявленского менялся на глазах. Глубокой осенью 1790-го высадили саженцы акаций и сосен, чуть позже заложили фундаменты беседок, но... 5 октября 1791 года Потемкин по дороге в Николаев умирает прямо в степи. Все работы по строительству парка были приостановлены. Графиня утратила интерес к поместью. Парк стал медленно хиреть и бесконтрольно разрастаться.

Профессор Ливанов и его коллеги лишились своего главного покровителя. Через год умер и Михаил Леонтьевич Фалеев, проявлявший большую заботу о школе и парке. Богоявленское спустя несколько лет отошло к флотским землям и превратилось в адмиралтейское поселение.

Военные не проявляли интереса к практическому земледелию, и в 1797 году школу перевели из Богоявленска в Павловск под Петербургом. Михаил Григорьевич Ливанов, который был к этому времени болен, тяжело пережил расставание с любимым детищем. Он остался коротать свой век в Николаеве. По мнению местных краеведов, ученый прожил

оставшиеся годы в доме, который находился на современной улице Спасской, рядом с домом Поджою.

Михаил Ливанов до конца дней продолжал активную работу по пропаганде сельскохозяйственных знаний. В 1799 году в Черноморской штурманской типографии Николаева была опубликована его последняя книга «О земледелии, скотоводстве и птицеводстве». Ученый написал эту книгу, выполняя последнее поручение князя Потемкина. Умер он в 1800 году и был похоронен на городском кладбище. Могила не сохранилась.

Английские парки, как способ масштабного изменения природных ландшафтов, не прижились в корабельном крае. В XIX веке удачную и последнюю попытку создать рукотворный парк предпринял Виктор Петрович Скаржинский.

Предводитель херсонского дворянства и знаменитый лесовод создал знаменитую пейзажную панораму в своем имении Трикраты (Вознесенский район Николаевской области) на Актковском каньоне. Он пользовался книгами Михаила Ливанова, как учебным пособием. Больше никто в Херсонской губернии не пытался разбить английский парк.

Сегодня несколько старых акаций древнего рукотворного ландшафта Потемкина напоминают нам о грандиозных замыслах правителя Тавриды. Деревья двумя рядами расположились по берегу пересохшего русла реки и находятся недалеко от Октябрьского проспекта при въезде на территорию Корабельного района.

В топонимике Николаева имя устроителя английских парков осталось. У нас есть улица Ливанова, она находится рядом с тем местом, где когда-то была первая в России школа практического земледелия.

Історичний нарис

(Уривок зі статті)

Касьяновський В. О.

...Починаючи з весни 1788 року в Вітовці розпочинається велике казенне будівництво госпіталю, штабу, казарм, палаців Потьомкіна та його племінниці Браницької, лазень, будинків

для офіцерів та медичних працівників, флігелів, конюшень, сараїв та ін. Для цього сплавляли ліс по Дніпру до Херсона, а далі — в Вітовку — проводив лоцман. Велика кількість дощок, балок та інших пиломатеріалів надходила від польської торговельної компанії. Головний будівничий М.М. Фалеев підписував багато контрактів на доставку ламаного та пиляного каменю. Окрім майстрів, солдат, на різноманітних будівництвах Вітовки працювали каторжні колодники, полонені турки та шведи. В цей час за наказом князя до Богоявленська прибуває знаменитий петербурзький архітектор Іван Старов. Він складає генеральний план забудови Богоявленська і проектує палаци для Потьомкіна та його наближених, зокрема племінниці Олександри Браницької. Голландський архітектор Вікентій Ванрезант також був активно задіяний в плануванні та розбудові Богоявленська.

В 1789 році Потьомкін перейменовує улюблену ним Вітовку в Богоявленськ. Ордер князя Потьомкіна за № 1065 від 27 серпня 1789 року проголошує: *«Фаберову дачу именоватъ Спасское, а Витовку — Богоявленское, нововозводимую верфь на Ингуле — город Николаев»*.

Вперше ім'я Миколаїв в якості топоніма з'являється, вказуючи на нашу місцевість. В донесенні № 34 від 26 червня 1789 року Потьомкін звертається до імператриці Катерини з проханням запровадити *«на Витовке, что близ устья Ингула»*, Спасо-Миколаївський монастир для інвалідів з офіцерів та солдат.

«...От города до Богоявленска 12 верст, а все это пространство было уже разбито на кварталы. Поживи Потемкин, Николаев стал бы шире Москвы. Места вдоль дороги были розданы приближенным», — так написав у своїх спогадах про мандрівку до Богоявленська князь І.М. Долгорукий.

У цей час за наказом Потьомкіна в балці, де ще з литовських часів залишались обширні гаї та фонтани, розбивається розкішний парк на площі 11 десятин. Упорядкування парку князь доручає англійському садівнику Гульду. Окрім диковинних декоративних рослин, було посаджено понад 1 000 саджанців груш; 15 500 саджанців яблук, слив, черешні, вишні, абрикос, привезених з Криму поручиком Степаном Гребницьким; 8 800 саджанців, привезених з Кременчука Філіпом Демським. Решту саджанців фруктових дерев та винограду було висаджено навколо Богоявленська, який потопав у садах понад сторіччя.

«Потемкин любил это место и разводил здесь сады. Всякое растение и дерево, какое в том климате достать можно около Крыма, все сюда перевезено и посажено без пощады человеческого пота», сказав в «Описании Богоявленского» князь Долгорукий, відвідавши наш край у 1810 році.

Ось що пише в своїй книзі «Жизнь и смерть светлейшего князя Потемкина» головний хранитель фондів Миколаївського краєзнавчого музею Н. О. Кухар-Онишко:

«В південно-східному кутку саду, на пагорбі, височів палац Потьомкіна. Довгий час вважалось, що палац взагалі не був завершений і в подальшому розібраний. Але Відомості, плани та переписка Фалеева говорять на користь того, що будівлю було завершено, це підтверджують архіви. Навесні 1791 року в листі Фалеева з Кременчука до архітектора Ванрезанта він підганяє його поквапитися *«... с отделкою богоявленского дома Его Светлости, чтоб в половине будущего месяца можно было жить в нем...»*.

Із Брянська по Дніпру на суднах були відправлені дзеркала для Богоявленського палацу, Фалеев переймається в листі, щоб їх часом в дорозі не пошкодили.

Безперечно, ансамбль Богоявленського палацу з парком був дивним пам'ятником. І не тільки тому, що автором проєкту палацу був знаменитий зодчий І. Є. Старов, а парк проєктував і впорядковував не менш відомий садових справ майстер англієць Вільям Гульд. Саме місце сприяло згуртуванню талантів. Ми не можемо побачити це самі. Але, окрім захоплених описів мандрівників, залишилися ще плани, котрі дають деяку уяву про ту красу. На плані Богоявленська, складеному в 1795 році, показано: *«Докончанный каменный дворец»* — палац Потьомкіна та *«Прежде заложенный каменный дом»* — палац графині О. В. Браницької. В першому з них закінчувались внутрішні роботи влітку 1791 року в очікуванні приїзду ясновельможного князя.

Це була майже квадратна будівля, всі кімнати якої були згруповані навколо великої квадратної зали в центрі. Над ним був встановлений для освітлення купол з вікнами, покритий молдавським гонтом. В середині було встановлено 6 голландських кахельних печей та 4 каміни. Ще в грудні 1790 року Фалеев писав князю, що майстер Трикет знайшов в околицях Богоявленська дуже гарний камінь — якийсь різновид мармуру, з якого майстер зробив камін для кабінету ясновельможного. А потім з цього каменю робили трубки для куріння. В одному

з листів Фалееву князь наказував: *«О доме в Богоявленском — гонт на крышу, стены ровные под письмо»*, тобто під художній розпис. 25 вересня 1791 року Михайло Леонтіївич Фалеев доповідав: *«В доме Вашей Светлости спальня, уборная и бильярдная со всем отделаны, оканчивается живопись и оба Ваши кабинеты. Прекраснее и в Санкт-Петербурге нет. Остается службу сделать»*.

Парк в Богоявленську за часів Потьомкіна та Фалеева розташовувався між рікою Південний Буг та дорогою на Миколаїв, вздовж Вітовської балки, якою протікає невеликий струмок. З допомогою струмка й були створені ці живописні канали, де князь плавав на роззолочених човнах, про які згадували мандрівники. Вся площа парку, як видно на плані, вкрита павутинками звивистих стежок, а через звивисті канали були перекинуті ажурні містки».

І це при тому, що вся ця велична краса була зафіксована через 2 роки після смерті Потьомкіна, а через рік і Фалеева, в 1793 році, коли генерал-майор В.В. Каховський надсилав ордер херсонському землемірному помічнику Полозову: *«...описать в натуре значащие по сей описи дома, сады, роуци, прилегающие к дому светлейшего князя Потемкина и составит особый план»*, коли за парком не було вже такого догляду.

А сьогодні, в ХХІ сторіччі, парк взагалі зник, нікому не потрібний, а залишки його та саме колись величне місце мають жалюгідний вигляд. Але людей як магнітом притягує цей мальовничий куточок природи, особливо біля залишків фонтана завжди людно і нині.

У 1789 році через неврожай в Північному Причорномор'ї та далекоглядні плани щодо розбудови флоту і стабільного постачання його провіантом місцевого виробництва Потьомкін змушений звернути увагу на вдосконалення землеробства в Новоросійському краї. Він доручає заснувати в Богоявленську першу в Росії сільськогосподарську школу практичного землеробства і тваринництва. Очолити цю школу пропонує російському вченому в області агрономії і тваринництва професору Ліванову. В Англію були послані для навчання і набуття досвіду спеціалісти разом з Лівановим. З Петербурга приїхали учні, і в 1790 році в школі розпочалось навчання. Школа проіснувала в Богоявленську до 1797 року і була переведена в передмістя Петербургу.

Для заохочення старанних землеробів Г. О. Потьомкін за- купив в Англії 1000 металевих плугів, частина яких була пода- рована кращим землеробам Новоросійського краю. І вперше в Росії, в Богоявленську, в казенному саду, в 1790 році був за- стосований С. Гребницьким металевий плуг, а потім ним ора- ли землю під сади навколо села. Взагалі, як свідчать архіви, Потьомкін та Фалеев вкладали, не вагаючись, свої особисті кошти в розбудову Миколаєва та Богоявленська, коли спра- ви цього конче потребували, а надходження казенних ко- штів з Петербургу затримувалось. Далекий і тяжкий був шлях кур'єрської карети з Петербургу до Богоявленська.

З 1789 по 1797 роки тривало будівництво фонтана. Від джерела, що било зі скелі (70 м від магазину «Садовод»), про- кладено кам'яний тунель з жолобом в найнижчому місці, де були побудовані фонтан, мийка і водовозний колодязь. Із ту- нелю вода по трубах текла у водовозний колодязь і фонтан — квадратний чавунний розподільник з чотирма трубами. Вра- жала форма споруди: у центрі перебував розписаний іконами циліндр (чотиригранна усічена піраміда, з довгої сторони основи близько 1 м, що розташовувалась у невеликому по- глибленні 1,5 м). До самого фонтана, який ще називали Ту- рецьким, було два спуски кам'яними сходами. Вода виходила самопливом під великим тиском через 4 труби, розташовані за сторонами світу. Фонтан наповнювався водою із двох під- земних збірних галерей, розташованих за 20 і 62–64 м від нього. Невикористана населенням вода потрапляла в басейн, що був за 12 м, де, як правило, ще й прали білизну. *«Фонтан видавав щодоби 61 000 відер води, з яких використовують 16 000, а 45 000 — витускаються в Буг»,* — сповіщалося в га- зеті «Николаевский вестник» 24 липня 1874 року.

На самому циліндрі, як це видно зі збережених фото- графій, зроблених в 30-ті роки ХХ ст., були зображені лики святих (швидше за все, заступників води). Верхівку циліндра вінчала куля з хрестом (демонтована в 1936 році). Символі- ку всієї архітектурної композиції, мабуть, було запозичено зі старого герба Миколаєва. Ікони на самому циліндрі, безпе- речно, грали свою неповторну роль: вони були справжніми хранителями води. У цій невеликій історії є й часточка міс- тичного. Кажуть, що голубів і ангелів зі святими, зображених на циліндрі, замалювали блакитною фарбою. Але відбулося чудо: згодом ікони проступили крізь олійну фарбу, і люди по- бачили своїх святих знову.

Вода у фонтані мала славу в народі як дуже цілюща, лікуюча важкохворих і навіть сліпих (!), і ніколи не замерзала, навіть в люті морози. Заради такого чудотворного лікування сюди приїжджали з багатьох куточків Російської імперії. Це була не тільки практична, а й кульгова споруда, відновлення якої нащадками XXI сторіччя буде означати розуміння і спокуту гріхів наших предків, що допустили зруйнування такого дивного й корисного людям витвору мистецтва.

В 1790 році в краї було запроваджено землеустрій, і поселенцям було відведено 4 000 десятин землі з порожніх казенних земель і куплено 3 000 десятин у Ф. Демського, що становило по 15 десятин на душу населення. В цей час тривало посилене заселення Богоявленська з Київської, Чернігівської, Новгород-Сіверської, Могильовської, Московської, Нижегородської, Калузької, Саратовської та інших губерній і біглих селян, які шукали кращої долі.

Сімейним майстрам різних спеціальностей та ремесел давали землю для заведення господарства. Але основну роботу вони виконували в адміралтействі, навчались корабельної справи, щоб будувати кораблі.

Передчасна смерть Потьомкіна та його найближчих соратників та однодумців не дала збутися їх величним планам щодо Богоявленська. Не виконалось і бажання князя щодо місця вічного упокоєння. Фалееву у клопотанні *«зробити склеп в Херсоні, в який тимчасово покласти тіло, поки в Миколаєві освятиться церква»*, — цариця відмовляє й повеліває поховати Потьомкіна в нелюбому ним Херсоні. Тільки завдяки сприянню архієпископа Катеринославського Амвросія маршрут траурного кортежу вдалося змінити, і після траурних церемоній в Миколаєві труну з тілом покійного завезли в Богоявленськ, де здійснились прощання й панахида в будинковій церкві О. Браницької. А далі — на Херсон, найкоротшим шляхом, що також пролягав через Богоявленськ.

Після смерті Потьомкіна Богоявленськ залишається військовим адміралтейським поселенням аж до 1861 року, але не перестає бути улюбленою замиською резиденцією для знаті, чиновників та високопоставлених морських офіцерів.

У 1794 році в Причорномор'ї знову був неврожай, що призвів до голоду населення і падіння худоби через нестачу сіна та зерна. Доглядач Богоявленська поручик С. Гребницький звертається в канцелярію міста Миколаєва, щоб поселенцям

видали з казенних крамниць провіанту до майбутнього врожаю, що й було зроблено.

В 1795 році херсонським землеміром Полозовим з богоявленських земель була відмежована краща частина поміщику генерал-майору Неранчечу, що ще більше погіршило земельне становище поселян. У цей час в Богоявленську проживало 864 мешканці — 452 чоловіка, 412 жінок.

Кількість населення постійно поповнюється за рахунок прибулих з різних кінців Російської імперії. Із канцелярії М. С. Мордвінова, що був на той час командуючим ЧФ і портами, на кожну сім'ю були виділені гроші для закупівлі пари волів з наступним поверненням після заведення господарства. Переселенці самі будували свої будинки та одночасно працювали по три місяці на рік на миколаївській верфі або в Богоявленську — на канатній та парусній фабриках. Чоловіки віком від 12 до 60 були розбиті на 3 частини, одна третина працювала в адміралтействі, одержуючи заробітну плату від 1 руб. 56 коп. до 4 руб. 16 коп., а дві третини в цей час працювали в своїх господарствах.

В 1796 році Богоявленськ навідав адмірал Ф. Ф. Ушаков, добре відізвавшись про нього.

В 1797 році архітектор В. А. Вунш добудовував колодязь фонтана і просив відпустити цегли і скла для палацу Потьомкіна — 20 білих, 40 напівбілих листів скла та замазки 1 пуд 26 фунтів; а капітан Фесенков просив відпустити 20 чвертей вапна для штукатурки стін фонтана.

У ці часи населення Богоявленська обкладалось натуральними повинностями: перевозили пошту, війська; надавали квартири для солдат та офіцерів, ремонтували дороги, колодязі, платили оброк. Вони були підсудні військово-морському суду і підлягали тілесним покаранням.

Влітку 1795 року навколо казенного саду поставили кам'яну стіну та встановили зі сходу та заходу ворота...

Історія Спаського урочища

***Кісельов А. Ф., Бондаренко М. П., Чеботарьов І. А.,
Тараненко І. А.***

Територія Спаська та його урочища на лівому березі річок Інгул та Південний Буг була кордоном між Росією та Туреччиною. В 1784 р. її продано Санкт-Петербурзькому купцю,

австрійцю за походженням, Францу Фаберу для ведення сільськогосподарства. На честь Ф. Фабера це місце стало називатися «Фаберовою дачею». У статті XXII тому «Записки Одеського общества истории древностей» під назвою «Фаберова дача» було написано, що вона займала територію Миколаївського півострову (біля 1500 десятин землі) і мала житлові та господарські споруди, козацький перевіз (тепер у Інгульського мосту), орні землі і палац Фабера, які ще є на старих картах Литовсько-Польського часу XIV–XVII ст. [3; 4].

У 1767 р. стався прикордонний напад турецького гарнізону, який розміщувався на правому березі, на «Фаберову дачу» і «Виноградну косу». Палац було зруйновано, все майно пограбовано. **Г.О. Потьомкін, розглянувши цей інцидент, вирішив викупити у Фабера для державної казни ці землі, передбачаючи в них затишне місце для будівництва кораблів.** За його наказом підполковник Каспаров склав докладний опис всіх будівель «Фаберової дачі», що збереглися на той час. В його доповіді було записано: «...место имеет небольшое количество яблоневых и вербовых деревьев, груш и разных деревьев, из строений мельница, для работы которой используется мощный источник, бежавший из верховья оврага. Мельница с камня о двух колесах с чашкою небольшою, в ней два мольных камня и три просяных товкачей».

На землях, що перейшли до державної казни, **Г.О. Потьомкін дав розпорядження закласти суднобудівельну верф і місто Миколаїв.** У районі Спаського урочища передбачалось побудувати для відставних офіцерів армії і флоту Спасько-Миколаївський монастир, саме на місці зруйнованої «Фаберової дачі». Ордером за № 1065 від 27 серпня 1789 р. **Г.О. Потьомкін наказав «Фаберову дачу» іменувати Спаське.** У перші роки свого існування Спаськ був літньою резиденцією Головного Командира Чорноморського флоту. На цьому місці в 1789–1790 рр. під керівництвом інженер-поручика **С.С. Григор'єва велось будівництво палацу для Г.О. Потьомкіна.** Перший поверх був кам'яним, другий дерев'яним. З трьох сторін палац оточувала галерея, що за стилем зріднювало його з «Молдавским домом» морських зборів. У 1830-ті роки палац був перебудований у східному стилі з баштами, мінаретами, галереями з ажурними ґратами. В ці ж роки був збудований і «Турецький фонтан» чистої питної води. Палац **Г.О. Потьомкіна був зруйнований у 1919 р.** В деяких джерелах описується, що палац згорів у 1920 р., а фонтан зберігся

до наших часів, але в нього подається зараз вже не джерельна вода, а звичайна вода міського водопроводу [1].

Що ж собою представляв палац Г.О. Потьомкіна? Під час його будівництва Г.О. Потьомкін запросив англійського садівника Вільяма Гульда, який служив в російській армії, і до ручив йому скласти план саду. В середині 1790 р. Фалеев М.Л. (полковник, засновник і будівельник Миколаєва) доповідав Потьомкіну, що для саду закуплено 30 тисяч фруктових дерев, 4,5 тис. молодих дубів, винограду, кущі смородини і малини. В місто був направлений за закупками троянд, і в Москву за городнім насінням [6].

За словами В. Измайлова на створення саду були затрачені великі гроші, на жаль, сад після смерті Г. Потьомкіна був знищений. У 1803 р. слідів саду не залишилось. Лише при головному командирові Чорноморського флоту О.С. Грейгу стали відроджувати сад на тому ж місці, але вже під назвою «казенний сад» на Сухому фонтані, який був розміщений на березі Бузького лиману в північній частині Спаського урочища. Сад належав Миколаївському адміралтейству. В 1841 р. було зроблено планування саду в англійському типі, до якого приєднується зі сторони Лісків фруктовий сад з паралельними рядами насаджень. Сад Сухого фонтану був розбитий на 24 невеликі квадратні ділянки.

В 1881 р. виникло товариство садоводів, яке взяло на себе функцію упорядника саду та збереження його для масових замських прогулянок міського населення та вживання цілющої води з джерела «Сухого фонтану», вода якого поступала в палац Потьомкіна та інші будівлі Спаська. За наказом адмірала М.П. Лазарева джерельна вода стала використовуватися населенням Миколаєва. Для цього був збудований спеціальний басейн для водоводів та спеціальний пристрій для заправки водою кораблів. У місці заправки суден була збудована «Спаська пристань» у вигляді спеціального мармуровогоobelіска, який служив і орієнтиром для суден [7].

У Спаському урочищі були збудовані три фонтани джерельної води, звідки був проведений перший водопровід у місто для будинку головного командира Чорноморського флоту адмірала А.С. Грейга і в 1860 — в окремі будинки чиновників. Внаслідок діяльності людей та тектонічних змін, викликаних землетрусами, джерельна вода «Сухого фонтану» припинила свою діяльність, вона знайшла інше місце для

течії, залишивши після себе лише пам'ятні споруди та народну назву «Сухий фонтан».

На початок ХХ століття «Сухий фонтан» з розміщеним на ньому садом був переданий повністю імператорському російському товариству садоводів, а згодом повністю втратив свою славу та привабливість. Нині від нього залишилися лише спогади, п'ять трьохповерхових будинків та прямокутні ковши, до стійок яких швартуються пасажирські судна Миколаївського річкового вокзалу.

Зберігся і спуск до Спаська. Для забору води у 1848 р. побудував фонтан чиновник з особливих доручень Головного командира Ф. В. Паразін.

Ця дорога до води через рік після будівлі була передана адміралтейством міській управі. З 1874 р. Морське міністерство продає управі і інші землі, де мешканці Миколаєва будували дачі для відпочинку. Одна з дач належала Д. Кудрявцеву, де зараз розміщується Будинок відпочинку «Комунар». Його дочка Ольга Дмитрівна вийшла за голову міської управи Леонтовича, який заснував і нині діючий Миколаївський зоопарк. Нині йому 100 років. Зоопарк увійшов до складу асоціації зоопарків світу і є одним з кращих на Україні [2].

Закінчити розділ про історію Спаська і «Сухого фонтану» можна словами автора путівника і адрес-календаря м. Миколаєва на 1869 рік: «Урочище Спаське» — рів, який оточений садами, у вершині нього знаходиться джерело питної води, яка проведена на пристань і в басейн, алея верб іде до Бугу і закінчується кам'яною пристанню. При кінці рову на великому пагорбі дерев'яний дім, побудований для Г. О. Потьомкіна, в якому відбувались бали Благодійних Зборів» [5].

Література

1. Алешин, В. Э. Николаев : архитектурно-исторический очерк / В. Э. Алешин, Н. О. Кухар-Онышко, В. А. Яровой. — Киев : Будівельник, 1988. — С. 3–7.

2. Ге, Г. Н. Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790–1890) / Г. Н. Ге. — Николаев, 1890. — 128 с.

3. Голубов, А. Двадцатилетие речного яхт-клуба города Николаева : краткий исторический очерк / А. Голубов. — Николаев : [б. и.], 1907. — 26 с.

4. Крючков, Ю. С. Старый Николаев и окрестности : топонимический словарь-справочник / Ю. С. Крючков. — Николаев : Дикий Сад, 1991. — 127 с.

5. Путеводитель и адрес-календарь города Николаева на 1869 год. — Николаев : Типогр. упр. Николаевского порта (Е. С. Павловского), 1868. — 115 с.

6. Центральний державний архів Военно-Морського флоту СРСР. Фонд 197, оп. 1, спр. 12, арк. 36, 253.

7. Этингер, Я. Садоводство города Николаева Херсонской губернии и его окрестностей / [Соч.] Я. Этингера. — Одесса : «Славянская» тип. Н. Хрисогелос, 1897. — 35 с.

Главы из книги «Град святого Николая»

Крючков Ю. С.

Ближние Лески

Вот краткое описание Ближних Лесков из статьи М. Н. Кумани: (1) «Съ югозапада роща изъ дикихъ деревь и кустарниковъ вокругъ обсерваторіи, посаженныхъ при адмиралѣ Грейгѣ. Это возвышенное мѣсто изъ сыпучихъ песковъ.

Прежде, бывало, лѣтомъ во время засухъ, вѣтеръ, подымая песокъ, несетъ его на городъ тучами и засыпаетъ ближайшія зданія. Съ разведеніемъ растительности около обсерваторіи, гдѣ, не смотря на неблагопріятную почву, деревья принялись какъ нельзя лучше, и эта часть города, въ настоящее время, пользуется самымъ здоровымъ и благораствореннымъ воздухомъ. Это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что, вопреки неблагопріятнымъ условіямъ климата, вслѣдствіе частыхъ засухъ, лѣса могли бы быть заведены въ Новороссійскомъ краѣ: тогда и самый климатъ перемѣнился бы къ лучшему».

Замечу, что адмирал М. Н. Кумани вырос в Николаеве и видел его развитие в первой половине XIX в.

Спасск

Хотя о Спасске я уже коротко рассказал в разделе «Спасское урочище», считаю полезным привести описание этого уголка Николаева со слов очевидцев. Вот что пишет А. Шмидт [2]:

«Спасское находится над Бугским лиманом, у спуска к наплавному мосту через лиман, по которому проходит почтовая дорога в Одессу. Здесь же военная пристань, а выше ее верфь военных кораблей. Лиман в этом месте суживается всего на 11/4 версты, но отсюда он виден вверх и вниз

на 5 и 7 верст. Военные корабли, самых больших размеров, с грузом, свободно плавают по нем — под парусами. По ска-ту берега, в лощине, разведен сад, наиболее отличающийся растительностью дерев в нижней своей части. Здесь он настолько тенист, что доставляет убежище во время самой сильной летней жары, к чему жители здешних южных уездов не привыкли. Тут устроены беседки, гроты, и изящный двух-этажный дом, в готическо-мавританском стиле. В нем быва-ют собрания, клуб; тут же можно найти газеты и буфет».

А это из статьи М. Н. Кумани [1]:

«Въ разстояніи отъ крайнихъ строеній въ западной части города на 1/2 верст спускается къ Бугу оврагъ, окруженный садами; въ вершинѣ его, въ 100 саженьяхъ отъ рѣки, вытекаетъ источникъ превосходной воды, о которомъ было сказано выше.

Отъ источника, по низменности, тянутся между осо-коровъ, тополей и вербъ, алеи къ Бугу. При концѣ оврага въ 30 саженьяхъ отъ рѣки на небольшой возвышенной пло-скости, деревянный загородный домъ, выстроенный для По-темкина; онъ приходилъ было въ разрушеніе, но при адми-ралѣ Лазаревѣ въ 1842 году реставрированъ въ мавритан-скомъ вкусѣ и теперь лѣтомъ въ немъ бывають тонцоваль-ные вечера въ праздничные дни».

Это описание можно дополнить сведениями из адрес-календаря [3]:

«Урочище Спасскъ — оврагъ окруженный садами; въ вер-шинѣ его, которая отъ Буга отстоятъ на 100 сажень, нахо-дится источникъ лучшей воды, которая проведена къ берегу на пристань и въ бассейнъ. Отъ источника, по низменности, между осокорей и вербъ, идетъ алея къ Бугу и оканчивает-ся каменною пристанью. При концѣ оврага, на небольшой возвышенности, деревянный домъ выстроенный еще для Потемкина. Лѣтомъ въ этомъ зданіи бывають балы Благород-наго Собранія. Спасскъ — одно из лучшихъ мѣстъ для заго-родныхъ гуляній: здѣсь часто собираются гуляющіе; иногда играть музыка. Главное народное гуляніе бываетъ 1-го мая. Рано утромъ и въ особенности въ апрѣль и маѣ, здѣсь всегда можно встрѣтить нѣсколько человекъ, гуляющихъ со стака-нами въ рукахъ; находятъ, что Спасская вода оказываетъ бла-готворное вліяніе на здоровье. Но и помимо воды, здѣсь по утрамъ пріятно наслаждаться благоарствореннымъ весеннимъ воздухомъ и послушать соловьиною песню».

Из адрес-календаря 1904 г. [4]:

«В Спасске. Здание Летнего морского собрания, нижний этаж каменный, а верхний деревянный, с бельведером и террасами, построено в 1842 г.

Деревянная пристань, называемая Царскою. На каменной набережной пристани мраморный обелиск, под обелиском мраморный бассейн. Обелиск установлен в 1849 году».

Каким был первый дом, построенный для Г.А. Потемкина, можно узнать из архивного документа [5]: «Большой дом о двух этажах, первый этаж каменный, а второй деревянный, с галереями с трех сторон, выштукатуренный снаружи и внутри, в третьем этаже бельведер, длиною дом 13, шириною 10 сажень, покрыт шелеванками, внизу из тесанного камня лестницы».

Лески

Наиболее подробное описание Лесков приведено в адрес-календаре [4]: «Отъ Обсерваторіи и Спасска, къ югу, на низменномъ песчаномъ пространствѣ занимающемъ до 833 дес. земли, омываемой Бугомъ, раскинуто болѣе 35 роцѣ дикихъ деревь подѣ общимъ названіемъ Лѣски. Сюда ведетъ отъ Спасска отличная шоссейная дорога; тутъ растутъ: вязъ, береза, осина, берестъ, дубъ и проч. При нѣкоторыхъ изъ этихъ роцѣ есть лѣтніе домики, фруктовые сады и колодцы съ весьма хорошею прѣсною водою; здѣсь же расположены красивые сельскіе домики морскихъ инвалидовъ, со многими хозяйственными постройками, колодцами и садами. Вообще на всемъ пространствѣ, занимаемомъ лѣсками, вода по балочкамъ (мѣстное названіе впадинъ и лощинъ) вездѣ близка къ поверхности земли, до двухъ сажень. Лѣски почти всѣ принадлежатъ морскому вѣдомству. Изъ другихъ участковъ, роздынныхъ еще при Мордвиновѣ частнымъ лицамъ, для разведенія на нихъ лѣсовъ и садовъ, наиболее обращаетъ на себя вниманіе хуторъ Кривопускова (бывшій Языкова). Здѣсь лучшая роща и озеро; растутъ камышъ, разводятся огороды и въ послѣднее время предпринято разведеніе табаку, который бываетъ довольно хорошаго качества и доставляетъ хорошую прибыль».

Лески, принадлежавшие Морскому ведомству, занимали 833 десятины земли.

В Лесках находились: деревянный летний павильон на каменных столбах с крытыми галереями со всех сторон; одно-

этажный деревянный дом, окруженный со всех сторон крытой галереей, который был построен в 1802 г. для адмирала И. И. де Траверсе в качестве дачи, и два одноэтажных флигеля при нем; каменный колодец в виде беседки, построенный из белого инкерманского камня в 1863 г.

Название Лески появилось еще в 1790 г. в переписке между М. Л. Фалеевым и Г. А. Потемкиным.

В конце XIX в. часть земель Лесков была продана под хутора горожанам (например, хутор И. Барбе). Лески регулярно очищались и подновлялись; со дня основания города в штате Морского ведомства Николаева был вальдемейстер (лесничий) и его помощник.

В конце XIX в. часть Лесков была сдана «во временное пользование» Черноморскому заводу, заводу «Наваль» и РОПиТу, что положило начало их запустению и вырубке. В настоящее время существует лишь небольшая посадка сосен в районе бывшей дачи Барбе. Вся остальная территория застроена, образовав новый микрорайон города Лески.

Сады горожан

Из адрес-календаря Николаева [4]:

«Вообще въ окрестностяхъ города много фруктовыхъ садовъ казенныхъ и частныхъ, занимающихъ до 150 десятинъ земли. Въ самомъ же городѣ, рѣдкій домъ не имѣетъ своего хорошаго небольшого садика, а на улицѣ почти предъ каждымъ домомъ устроенъ полисадникъ и растутъ дикія деревья преимущественно бѣлая акація. Растутъ здѣсь и могутъ быть удобно разводимы изъ дикихъ деревьевъ: акація бѣлая, бобковое дерево (*Citrus saburuum*), акація желтая, боярышникъ, вишня горькая (*Prunus mahalep*), вязъ (*Ulmus campestris*), клены разные, тополь: бѣлая, итальянская, крупнолистая, серебристая, черно-кленъ. Не такъ удобно, и болѣе требуютъ труда и приличнаго выбора мѣста для своего разведенія: береза, грабъ, дубъ, сосна, ясень, каштанъ дикій, верба и грецкій орѣхъ.

Изъ кустарниковъ весьма удобно принимаются: дикій жасминъ, роза, сирень, сумакъ, бузина.

Изъ фруктовыхъ деревъ и кустарниковъ удобно разводятся: абрикосы, вишни, груши, сливы, черешни, шелковица, яблоки, виноградъ, крыжовникъ, малина, смородина.

Выростаетъ, но не даетъ плодовъ: миндальное дерево.

Если и нельзя сказать того, что садоводство и лѣсоводство здѣсь благоденствуютъ, и неоспоримо, что частыя

и продолжительныя засухи и жары много вредить имъ, то все же возможно разведеніе не только садовъ но и лѣсовъ; надо замѣтить еще и то, что послѣ Потемкина не было тѣхъ постоянныхъ и настоятельныхъ усилій, личной заботливости, какие нѣобходимы во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ къ достиженію желанной цѣли».

Спасское урочище

Спасск, Спасский сад, Спасская роцца, Спасское урочище, Спасское — под такими названиями был известен обширный участок земли на западе Николаевского полуострова, прилегающий к Бугскому лиману и простирающийся от мыса Порохового Погреба, который вначале назывался Спасским, до Лесков. Был покрыт кустарниками и деревьями и богат источниками воды — «фонтанами».

До основания Николаева эту местность облюбовал санкт-петербургский купец Ф. Фабре, которому она была отмежевана в 1774 г. (площадь 500 десятин). На Спасском мысе и в районе Виноградной косы (совр. Яхт-клуб) Фабре основал хозяйственные постройки и сады. С этого времени весь участок земли получил название Фаброва или Фаберова дача.

В 1787 г. после пограничного инцидента, когда очаковские турки переправились через Бугский лиман у современной Варваровки на Виноградную косу, разграбили часть Фабровой дачи и убили там экономку, Потемкин выкупил все эти земли в казну, так как выяснилось при двухстороннем разбирательстве инцидента, что эта часть очень хорошо подходит для постройки верфи (князь Потемкин искал новое место для верфи вместо Херсона). Орденом № 1065 от 27.08.1789 г. Потемкин повелел «Фаброву дачу именовать Спасское». Название дано по несостоявшемуся Спасско-Николаевскому монастырю, который Потемкин предполагал основать на этом месте.

С тех пор эта местность в официальных документах и на планах именовалась Спасским урочищем. Спасск был летней резиденцией главного командира Черноморского флота, который жил в доме, построенном в 1793 г. для князя Потемкина (на месте нынешнего теннисного корта).

С первой половины XIX века Спасское урочище стало распадаться на ряд хозяйственных и военно-административных участков, сокращая собственно часть самого урочища.

Так появились на его территории постройки Военного ведомства в районе мыса Порохового Погреба, урочище Сухой фонтан, Воловий двор морского ведомства, Спасская верфь, Спасские казармы и т.д. В конце XIX в. обширная береговая полоса была отдана под дачи №№ 1–31, яхт-клуб, пристани и постройки РОПиТа и т.п. Территория официального Спасска сократилась до полосы берега от Варваровского спуска до Спасской балки. Именно за этим участком и закрепилось потом название Спасск.

Согласно генеральному плану, подписанному Н.С. Мордвиновым (около 1795 г.), на самом краю мыса Порохового Погреба был сооружен пороховой погреб для хранения боеприпасов, давший впоследствии название мысу (вместо Спасского). Здесь же по плану предполагалась городская застройка и планировалась обширная полукруглая площадь, однако опасное соседство с пороховым погребом остановило развитие города в этом направлении, повернув его на юго-запад, а земли в районе порохового погреба были отданы Морскому и Военному ведомствам.

На Спасском мысе в 1820 г. было построено красивое здание Штурманского училища, окруженное оградой и садом. Впоследствии в этом здании располагалось Артиллерийское училище, а со времен Крымской войны, когда вокруг Николаева был создан крепостной район, здесь находилось Управление и арсенал крепостной артиллерии. Впоследствии вдоль окружной железной дороги построили военные казармы. Часть местности была отдана под «Лагерное место», на котором летом разбивали военные лагеря. Севернее в нескольких местах находились артиллерийские склады. Примерно в 1915 г. здесь же построили городскую каторжную тюрьму.

По берегу Спасского урочища располагались три Спасских источника, называвшиеся фонтанами, родниками, ключами. Наиболее мощный источник № 1, собственно, за которым и закрепилось в народе название Спасский, имел слегка минерализованную воду и истекал из вершины Спасской балки. Родник бил сильной струей, потому назвался на планах и в документах «фонтаном» или «водометом». От этого источника вода поступала к Потемкинскому дому, в баню, кухню, к фонтанам и другим постройкам Спасска. Еще два отвода подводили воду к бассейну у Царской пристани и к городскому бассейну у Варваровского моста. От этого источника еще при адмирале Мордвинове планировалось

провести водопровод в город. В начале 60-х годов XIX в. этот источник давал 11 500 ведер воды в сутки.

Второй Спасский источник располагался у вершины балки, по которой впоследствии проложили Варваровский спуск к Бугской переправе. Но в конце 20-х годов XIX в. этот источник уже иссяк, и воду приходилось добывать с помощью водокачки, башня которой находилась на углу Шоссейной улицы и Спасского спуска.

Третий водомет находился в том месте, где по плану Мордвинова предполагалось построить дворец для главного командира с фруктовым садом. Тогда же посадили обширный фруктовый Казенный сад. В 1820–1823 гг. от этого источника провели водопровод в дом главного командира, в связи с чем был заглушен привычный глазу сток в бассейн, расположенный на обрыве берега. Поэтому источник в начале 30-х годов XIX в. стали называть сухим фонтаном. Впоследствии вся местность получила название Сухой фонтан. В конце XIX в. урочище Сухой фонтан и его Казенный сад были переданы в пользование Императорскому русскому обществу садоводства.

Между Сухим фонтаном и Варваровским спуском вся береговая территория была занята постройками Спасского адмиралтейства (1828 г.). Здесь были два эллинга, достроечный причал, двухэтажный дом чертежной, мастерские и т. п. На этой же территории располагались Спасские казармы, склады артиллерийских снарядов, Училище флотских малолетних юнгов.

Далее к юго-западу находилась Городская пристань (1867 г.), Одесская застава, Бугская переправа, а после нее — Варваровский мост.

В районе Спасской балки, богатой водой, существовал природный густой парк, за которым впоследствии и осталось название Спасское урочище. Именно здесь был Спасский фонтан, находился дом Потемкина со всеми службами и фонтанами, Царская пристань, а впоследствии построена пристань РОПиТа. В конце 40-х годов XIX в. обветшалый дом Потемкина был разобран и на его месте построен изящный двухэтажный дворец в готико-мавританском стиле (архитектор — К. Акرويد). Здание использовалось как летнее Морское собрание. Рядом с ним архитектор поставил «фонтан», стилизованный под восточный источник (Султанский родник). После окончания реконструкции Спасска архитектор

К. Акройд установил возле Царской пристани мраморный обелиск с указанием даты завершения работ — 1849 г.

В конце XIX в. часть земли Спасска была отдана Николаевскому речному яхт-клубу. В 1904 г. архитектором Родэ на берегу было воздвигнуто легкое здание яхт-клуба в стиле позднего возрождения.

За Спасской балкой далеко на юго-запад протянулась зеленая береговая полоса, отданная впоследствии под дачи горожан. У самих Лесков Спасское урочище завершалось Воловьим двором Морского ведомства, где ночевали, отдыхали и кормились тягловые волы, работавшие в адмиралтействе.

Спасск и Лески соединялись живописной Лесковой дорогой, проходившей мимо дач богачей и знати, часть из которых производила впечатление богатых вилл.

Революция и строительство социализма разрушили окончательно Спасское урочище как единый зеленый комплекс. «Потемкинский дворец» был сожжен восставшими анархистами в 1919 г. и разобран на дрова. На мысе Порохового Погреба в дополнение к тюрьме появился чугунолитейный завод с его спутницей — свалкой, новые казармы. Фруктовый сад на Сухом фонтане вырубил и на пустырях создали стрельбище и танкодром, а оставшиеся клочки земли застроили хибарами самостроя. Из Спасских казарм сделали общежитие завода им. А. Марти. Вместо Спасского адмиралтейства теперь построен Речной вокзал.

Вся оставшаяся территория дореволюционного Спасска переименована в Яхт-клуб, перекорезена и хаотически застроена водными станциями Николаевского кораблестроительного института и Черноморского судостроительного завода. Здание яхт-клуба перестроено, Спасская балка уничтожена, став частью стадиона, дачи или разрушены, или перестроены; здание пансионата «Парус» нависло над берегом тяжеловесной глыбой. На месте Воловьего двора — училище военной авиации, Ближние лески также вырублены и все источники иссякли.

Так закончило свое существование Спасское урочище.

Печатные источники

1. Кумани, Н. М. Николаев / Н. М. Кумани // Морской сборник. — 1861. — №9. — С. 125–142.

2. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. В 25-ти т. Т. 24. Херсонская губерния. Ч. 1 / составил генерального штаба полковник А. Шмидт. — Санкт-Петербург: В типографии Калиновского, 1863. — 623 с.

3. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. В 25-ти т. Т. 24. Херсонская губерния. Ч. 2 / составил генерального штаба полковник А. Шмидт. — Санкт-Петербург : В типографии Калиновского, 1863. — 1022 с.

4. Календарь и справочная книжка города Николаева на 1882 год. — Николаев : Типография М. В. Рюмина, 1882. — 135 с.

5. Адрес-календарь и справочная книжка Николаевского Градоначальства на 1904 год. — Николаев : Русская типолитография, 1903. — [265 с].

6. Ведомость цивильных и портовых зданий в городе Николаеве состоящих... — ГАНУ, ф. 243, оп. 1, д. 126, л. 12–35, (1797 г.).

Богоявленский парк

Куприевич И. Н.

Это ещё одна удивительная история о зеленых страничках нашего города. Это история о парке Богоявленском в Корабельном районе.

Сотни лет назад на берегу Буга, в балке, изобилующей ключами, где ещё с литовских времен оставались обширные гаи и фонтаны, разбивается роскошный парк-сад. Проектированием и обустройством парка-сада занимался специально присланный из Англии парковых дел мастер Вильям Гульд (с 1787 работал в г. Петербурге). Гульд распланировал сад Таврического дворца, завел в нем оранжереи и устроил Зимний сад. Также разбил парки в Островках на Неве, Осиновой Роце, Кременчуге, Херсоне, Симферополе, Бахчисарае, Решетилровке. Здесь, кроме диковинных декоративных растений, было высажено более двадцати пяти тысяч саженцев груш, яблок, слив, черешен, вишен, абрикос. Благодаря небольшой речке, протекающей через парк, были сделаны живописные каналы, а через них перекинуты ажурные мостики. На территории парка были устроены грандиозный фонтан, гранитная купальня, оранжерея, чайный домик. Парк благоухал двумя тысячами роз и по нему разгуливали фламинго (красные гуси). Со смертью Потемкина все его начинания приходят в упадок. Такое же запустение пришло и в это красивейшее место... С болью и грустью пишет об этом в своих записках Ю. Долгорукий: «...всё обращал глаза мои на сады, источники и купальню. Сколько раз я обошел её вокруг, сколько раз пил тут воду, подставляя голову под фонтан и в тени пожилого орешника оплакивал мысленно разрушения таких драгоценных ценностей!».

Летом 1795 года сад огородили каменной стеной, с восточной и западной стороны установили ворота. Роскошный сад принадлежал казне и его ежегодно сдавали в аренду купцам и богатым селянам. Летом 1877 года сад арендовала Татьяна Соловьева. Она обратилась к заведующему казенными садами в Николаеве контр-адмиралу Загоранскому, и по её требованию для «...недопущения в этом саду порчи деревьев, топтания трав, брани без денег фруктов и вообще каких бы то не было беспорядков» был назначен казачий разъезд и выставлен охранный пост.

Особенной красотой был сад весной и, по описанию местных жителей, напоминал «невесту в пышном наряде». Менялись арендаторы, парк стал переживать не лучшие свои дни. К концу XIX в. он был накануне своей гибели. Деревья в летнее время стояли без листьев, как зимою, и были покрыты гусеницей и паутиной; садовая стена во многих местах была развалена, и люди и животные беспрепятственно могли входить в сад. В нём целое лето паслось множество лошадей, коров и волов, и он приносил в год доход менее ста рублей, да и то, вероятно, за выпас. Но со вступлением в должность заведующего садами морского ведомства капитана 2 ранга В.И. Ильина Фалеевский сад преобразился: садовую стену исправили, гусеницу зимою ещё уничтожили, сушняк вырезали, между деревьями землю перекопали, приобрели бочку и обязали годового сторожа ежедневно привозить по нескольку бочек воды из находящегося вблизи сада фонтана для поливки деревьев, начали подсаживать молодые деревья взамен погибших старых и запретили впускать в сад не только скот, но даже и людей. Теперь там посажено более тысячи фруктовых деревьев; поднята садовая стена и проведены водосточные каналы для стока громадного количества воды, сбегавшей во время таяния снега и дождей со всех соседних возвышенностей в сад, который находится в балке, и в прежнее время много страдал от наводнений. Об этом пишет газета «Южанин» в 1893 году. Или вот ещё: «Воспоминания о деятельности покойного Василия Ивановича (Ильина) воскресило в моей памяти один случай, могущий служить наглядным примером того, как различно можно смотреть на один и тот же предмет. Так, например, в настоящее время насчитывают ремонтантных, бурбонских и чайных роз несколько тысяч сортов, не специалист не найдёт между ними и сотни различных. Любуясь всеобщей любимицей и цари-

цей цветов, мы обыкновенно обращаем наше внимание на три ее качества: аромат, цвет и вскользь на сложение цветка; но специалист, который сам выводит новые сорта посредством скрещивания, видит много такого, что ускользает от нашего внимания. Известно, что Василий Иванович был большой любитель растительности и много сам трудился в своём саду и оранжерее. Однажды я был у него; он рассказывал, какие деревья и откуда он выписывал для своего сада. В то время садовник внёс в комнату из его оранжереи какой-то редкий цветок в полном цвету и поставил пред ним на стол. В. И. вдруг замолчал и буквально впился глазами в принесённый цветок; долго он молча смотрел горящими чахоточным огнём глазами, а я засмотрелся на него. Он так смотрел на цветок, как смотрит разумная мать на своё детище после того, как употребили на воспитание его все силы ума и сердца, и теперь с чувством понятной гордости убеждается, что труды ее увенчались полным успехом».

Богоявленск утопал в зелени, и летом сюда для отдыха приезжало много николаевской интеллигенции. И все мечтали о красивом бульваре. Богоявленский пристав Сомов самостоятельно закупил 500 деревьев и высадил их на улицах.

Начало XX века, революционные настроения.... На сад производят нападения днём и ночью вооружённые ружьями, револьверами, палками и кольями богоявленцы, они предварительно разгоняют сторожей выстрелами из ружей, и затем набрасываются на деревья, срывая с них зрелые и зелёные груши, причём немилосердно ломают деревья. Пристав на заявление арендатора, что богоявленцы не только обрывают груши, за которые он заплатил казне деньги, но при этом ломают деревья, разбирают садовую ограду и бросают в сад тучи камней, могущих убить его и сторожей, советует ему прятаться, пока разбойники будут рвать груши, чтобы избегнуть увечья или смерти. Вот такие начались нравы.

Я не буду описывать историю парка-сада в тяжелые годы революционных преобразований, голода и войны.... Но он выстоял, выжил. В 50-е годы XX века начинается его новое рождение, а к концу 70-х — опять полное запустение...

Парк с радостью встречает нас журчанием ручья, шелестом травы и шумом листвы на деревьях. Ему много-много лет, он необычайно мудрый и ждет того, кто поможет ему возродиться.

Богоявленский «казенный сад»

Кухар-Оньишко Н.А.

Во второй половине XIX века все еще роскошный Богоявленский казенный сад принадлежал государству, и его ежегодно сдавали в аренду купцам и богатым крестьянам, а прибыль шла в казну.

В казенном саду площадью 11³/₄ десятин было посажено до 1 200 старых груш, яблонь, слив, вишен, около 1 000 молодых, посаженных за последние 5-6 лет, груш, абрикосов, черешен. Питомник содержит 2 100 привитых фруктовых деревьев и 8 300 не привитых, 100 кустов крыжовника, малины, клубники, 1 000 кустов молодого прошлогоднего винограда в 10 сортах и 300 роз. Доходность сада от 500 до 700 рублей¹.

В конце XIX века газета «Южанин» писала: «Богоявленск изобилует фруктовыми садами; особенно много здесь абрикос. Есть у некоторых мещан сады, приносящие по четыре и пять тысяч годового дохода. В общем Богоявленск продает абрикос ежегодно на несколько десятков тысяч. Главное место сбыта их — Москва, куда возят абрикосы сами хозяева больших садов. Владельцы же маленьких садов продают свои абрикосы попутно комиссионерам, присылаемым сюда ежегодно московскими торговцами».

Но урожай фруктов не всегда был хорошим. Так, в 1893 году в конце марта и начале апреля были сильные заморозки, в результате чего урожай фруктов был очень скудным. Кроме того, в начале июня прошла сильная буря, от которой пострадали абрикосы и вишни. Она не только посбивала плоды, но и поломала много деревьев. Пострадали от бури и овощи, которые на песчаных местах были занесены песком и погибли.

В июле 1899 года та же газета писала: «Наш посад имеет множество больших и малых садов, отпускающих в Харьков, Москву и другие города абрикосы и других плодов более чем на 50 тысяч рублей. Часто от нас получают полусгнившие плоды потому, что они сильно портятся на тряской дороге при перевозке сухим путем до Николаева».

¹ Этингер, Я. Садоводство г. Николаева Херсонской губернии и его окрестностей / [Соч.] Я. Этингера. — Одесса : Славянская тип. Н. Хрисогелос, 1897. — 35 с.

В уже упомянутом отчете Ф.Т. Каминского упоминается еще и «казенный сад». «Богоявленский «казенный сад» насажен в последние годы XVIII столетия по распоряжению Фалеева, ближайшего помощника Потемкина. От первоначальной посадки уцелело 9 осокоров. Вековой дуб, стоявший в юго-восточном углу сада, по распоряжению волостного земства в прошлом 1920 году срублен на топливо. Земство отдало сад для эксплуатации коллективу».

Благодаря отчету Феодосия Тимофеевича мы теперь знаем еще об одном памятнике, который был установлен в Богоявленском «казенном саду». Вот что он пишет: «В 10 саженях на юго-запад от переброшенного против восточного фасада сада моста сейчас же за стеною сада стоит памятник — камень в виде усеченной четырехгранной пирамиды высотой 4 фута (120 см). Со слов старожилов, памятник поставлен на месте бывшего водного источника, бывшего еще у турок (фонтана), водою из которого сейчас пользуется весь Богоявленск».

Любимая усадьба Г. А. Потемкина

Кухар-Оньшко Н. А.

Уже после смерти Светлейшего князя, когда решался вопрос о месте его погребения, в начале ноября 1791 года Михаил Леонтьевич Фалеев обратился к секретарю Потемкина Василию Степановичу Попову, пытаясь убедить его и всех, от кого это зависело, не хоронить князя в Херсоне. В частности, он писал: «...Херсон не мог он терпеть, почитая то место очень не здоровым, и для того бывая там, никогда ночевать не хотел, как бы поздно ни было — уезжал в Богоявленск...».

Так Фалеев донес до нас мысль об особом отношении князя к этому месту. Его избрал он своей загородной резиденцией. Хотя, наверное, бывал он здесь не так часто. Но об одном приезде есть весьма точные документальные сведения. Летом 1789 года главнокомандующий армией Г.А. Потемкин метался по всему югу, объезжая свои владения в связи с подготовкой к новым сражениям. Готовился штурм турецкого форта Гаджибей — будущей Одессы. 31 мая Григорий Александрович отправился в Херсон и Очаков. Он сделал свои распоряжения на случай неприятельских покушений. 12 июня главнокомандующий отправился в Ольвиополь.

Через 10 дней генерал-аншефу И.И. Меллеру было послано повеление, «каким образом сделать укрепление в Витовке и Соколах». В письме князю Н.В. Репнину Светлейший князь в эти дни писал: «Сегодня поутру возвратился я в Ольвиополь, сделал 700 верст в жары несносные, и могу сказать, что устал...». В письме М.А. Фалеева генералу И.В. Гудовичу 14 июля 1789 года сообщается о том, «что Светлейший князь выехал из Витовки в Очаков сего утра семи часов». Через две недели Потемкин сообщал контр-адмиралу графу Войновичу: «...я буду в Витовку послезавтра». Судя по этим письмам, в июле 1789 года по крайней мере дважды Григорий Александрович побывал в Витовке. И еще раз он сюда вернулся в начале августа этого же года.

Здесь летом 1790 года начались строительные работы и разбивка парка по указаниям приехавшего в Николаев садового мастера Вильяма Гульда.

В конце мая Потемкин поручил архитектору Старову разработать проект усадебного ансамбля в Богоявленске, а спустя два с половиной месяца уже торопил с окончанием строительных работ в усадьбе. Особое внимание князь уделял внутренней отделке главного дома и штукатурке стен, которые предназначались под роспись.

Руководил строительством дома подрядчик и каменных дел мастер Николай Аладов. В 1788–1792 годах он поставлял на строительство города и верфи строительные материалы и рабочих. В апреле 1791 года он направил на строительство дворца в Богоявленском 366 человек каменщиков и штукатуров. Ему же пришлось строить в Екатерининском соборе города Херсона склеп, в котором был погребен его благодетель, который при случае мог заявить: «Скажите Аладову, что ему готовится бархатный кафтан или брань жестокая, а коли осержусь, то — в матросы».

Одновременно с домом князя строился почти такой же по размерам дом для племянницы его, графини А.В. Браницкой. В течение одного-двух лет на пустынных берегах Бугского лимана возникла прекрасная усадьба, правда, не совсем достроенная и недолго просуществовавшая. После смерти Потемкина дворец графини Браницкой не стали достраивать, хотя Фалеев прибегнул к маленькой хитрости и записал в ведомости дом Александры Васильевны «под именем княжова дома». Дому это не помогло, а путаницу в историю внесло, потому что рядом существовал еще и настоящий «княжий

дом», почти уже законченный. И часто потом краеведы не могли разобраться: о чем же доме идет речь?

Витовка славилась не столько дворцом и садом Потемкина, сколько своей удивительной природой, и особенно — источником целебной воды, известным в народе под названием фонтана.

Усадьба в дальнейшем поступила в казну, а в 1806 году по распоряжению Главного командира Черноморского флота адмирала И. И. де Траверсе дом Потемкина был разобран¹.

Поэт и писатель князь И. М. Долгорукий, побывавший в Николаеве, Ильинском (Парутино), Богоявленске, Херсоне в 1810 году, еще застал великолепную купальню с бассейном и одичавший сад, отданный в аренду владельцу суконной фабрики. Путевые заметки Долгорукого под названием «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года» были изданы впервые в 1849 году. В частности, о Богоявленске он писал: «Поживи Потемкин — и Николаев стал бы шире Москвы: от города до Богоявленского считается 12 верст, а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежит по берегам Буга. Подобно Петергофской, на ней розданы были места под загородные домики многим приближенным». И дальше: «В самом Богоявленском — прелесть! Я туда ездил и не мог довольно налюбоваться этим местом. Я нигде не видал такого соединения вдруг богатства природы, роскоши искусственной и нищеты. Потемкин любил это место и разводил тут сады. Всякое растение и дерево, какое только в климате том достать можно около Крыма, — все сюда привезено было на подводах и посажено без пощады человеческого поту; все принялось и пустилось, а после — все поросло тростником и облеклось в пустыню. Тут уже не сад теперь пышный и пространный, а дичь одна необработанной природы».

А заканчивает свой рассказ путешественник интересным замечанием: «...Витовка! Место бесподобных очарований! — если ты и ныне дивишь любопытных, что ж была ты тогда, как вельможа сыпал в тебя все свои сокровища? — конечно, рай земной».

¹ Белехов Н. Иван Старов : материалы к изучению творчества / Н. Белехов, А. Петров. — Москва : Изд-во Акад. архит. СССР, 1950. — 178 с.

Парк садового мастера В. Гульда

Кухар-Оньшко Н. А.

Важной составной частью Богоявленской усадьбы Светлейшего князя был английский парк, заложенный по проекту известного садового мастера последней четверти XVIII века англичанина Вильяма Гульда. В 1776 году он был приглашен Потемкиным на русскую службу и до смерти князя работал по его заказам. В частности, распланировал сад Таврического дворца, завел в нем оранжереи и зимний сад.

В апреле 1785 года Григорий Александрович пишет ордер генерал-аншефу М. В. Каховскому: «Из назначенных к отдаче земель изволите отвести достаточное количество англичанину Гульду в собственное его владение, где он сам изберет, как для разведения садов, так для пашни и насаждения деревьев».

С 1787 года работал на юге, где разбил парки в Кременчуге, Херсоне, Симферополе, Екатеринославе. В начале сентября 1789 года садовник осматривал Богоявленск и Спасск, чтобы определить возможность разведения там садов. Осмотрев низкое заболоченное место на Спасском мысу, которое планировалось под сад, Гульд сделал вывод, что сначала нужно осушить болото, но сад на этом месте располагать все-таки не рекомендовал. Вскоре Михаил Леонтьевич сообщил инженер-подполковнику И. И. Князеву, что садовник Его Светлости Вильям Гульд оставил для него карту осушки болота в Лесках, для чего Гульд предложил провести каналы для отвода влаги. Очевидно, для этого Гульд использовал керамические трубы, остатки которых были найдены в 1960-е годы при строительстве стадиона «Судостроитель».

22 сентября 1789 года Гульд уехал в Екатеринослав и работал в саду при дворце Светлейшего князя, где было насажено много деревьев. А в конце октября обещал приехать в Решетиловку, разбить сад в имении секретаря Потемкина В. С. Попова.

В августе 1790 года М. Л. Фалеев сообщил князю, что Гульд сделал планы садам Богоявленскому и Спасскому. После чего Потемкин поручил мастеру составить список лучших цветов и деревьев, растущих в Таврии.

Парк располагался между рекой Бугом и дорогой на Николаев вдоль Витовского оврага, по которому бежит неболь-

шой ручей, подпитываемый из источника. С помощью этого ручья и были созданы живописные каналы, о которых с восторгом вспоминали путешественники. В длину парк занимал около 300 саженей (600 метров), а в ширину — 125 саженей (250 метров). Вся площадь парка была покрыта паутинкой извилистых дорожек, а через причудливо извивающиеся каналы переброшены деревянные мостки. В парке были построены оранжерея, теплица и описанная путешественниками купальня.

На правом берегу Витовской балки тянутся виноградные сады, расположенные на 12 десятинах, и посажено в них более 23 тысяч кустов винограда. Рядом с ними построено жилище для виноградаря. Еще один большой сад был заложен в отдалении от Богоявленска, напротив Сиверсова маяка. Существует он только на «Плане селения Богоявленского, составленном 1 июля 1793 года». Этот сад был «вновь разводимым из посеянных фруктовых семян» и принадлежал уже тогда умершему обер-штер-кригс-комиссару Фалееву. Очевидно, это было что-то вроде рассадника плодовых деревьев. В дальнейшем этот сад на планах не встречается, хотя существовал на протяжении всего XIX века.

В конце августа 1791 года Потемкин сильно заболел. В течение сентября тяжелые припадки сменялись небольшими периодами облегчения, во время которых князь занимался насущными делами. 6 сентября В. С. Попов писал Екатерине: «...всякий день по утру занимается князь слушанием вступающих отовсюду дел, не в состоянии будучи сам читать, приказывает по оным разные исполнения и, когда только может приподняться, то подписывает нужные бумаги, хотя весьма слабою рукою». Среди таких распоряжений Светлейшего князя была и забота о Богоявленском саде. Для него были выписаны из Ясс деревья, за которыми из Николаева 25 сентября был послан садовник Алексей Романов:

«Персигов хороших родов — 300 дерев

Абрикосов — 300 дерев

Дуль (груш) молдавских — 200 дерев

Яблок — 100 дерев

Яблок скороспелых — 100 дерев

Черешен разных родов — по 300 дерев

Слив — по 100 дерев

Венгерских яблок малинных — 1000 дерев

Розанов — 1000 кустов

*Вишен крупных — 500 деревьев
Лилей белых — 300 луковиц
Лилей красных — 100 луковиц
Пионов — 200 кустов
Травы острагону — 1000 кореньев*

Пахучей травы — колуферу, и прочих побольше доставить. Винограду венгерского — лоз 5000, и разного сорта мушкатного — 3000 лоз, о котором ежели будет готов, доставить, естли лоз венгерских в Яссах нельзя отыскать, то не можно ли послать за оными в Венгрию»¹.

15 сентября Фалеев отправляет приказ управителю своей Вольнянской экономии Снигиреву: «Предписываю вам вырыть как наискорее 10 000 молодых дубков для разсаживания близ Богоявленска и Николаева вышиною от одного до полутора аршин»². В пространном приказе он поясняет, что деревца нужно выбирать растущие на полянах или на открытом месте, то есть крепкие, беречь в целости корни и на байдаке при перевозке корни засыпать землею.

5 октября 1791 года умирает Потемкин, но Фалеев с усердием продолжает выполнять его повеления. Так, в ноябре этого же года он благодарит в письме за присылку фруктовых деревьев, которые «нужны мне в знатном количестве для размножения по завещанию Его Светлости в Николаеве и Богоявленске».

Михаил Леонтьевич продолжает заботиться о разведении фруктовых деревьев по завещанию Светлейшего. В апреле 1792 года он просит капитана над портом И. Т. Овцына приказать жестяному мастеру Шепману изготовить 10 жестяных садовых леек и две заливные трубы (брандспойты) для поливки деревьев в садах. Через несколько дней он просит отправить или изготовить еще 10 ушатов и 20 ведер для тех же целей.

Кроме Гульда здесь работал еще один английский садовник — Мариус Кревин. В сентябре 1789 года он сделал план Богоявленского сада и до 1793 года заведовал этим садом и руководил рассадкой деревьев. Его имя внесено в список находившихся при казенных строениях архитекторов и художников, за которым он получал жалование 600 рублей в год. Кроме иностранных специалистов, в Богоявленском

¹ ГАНО, ф. 243, оп. 1, е. х. 73, л. 152 об.

² Аршин — 72 см.

казенном саду работали и русские. Кроме уже упомянутого Алексея Романова, в июле 1792 года упоминается в документах еще и Афанасий Бобков, который получал жалование по 5 рублей в месяц.

В феврале 1792 года Фалеев продолжает эту работу и пишет в Севастополь Ф. Ф. Ушакову: «Для приискания в Таврии дерев и виноградных лоз для умножения в Николаеве и Богоявленске отправил я адъюнкта Гребницкого, коему и приказано те деревья доставить в Севастополь для отправления отголь водою».

Степану Григорьевичу дана была Записка, какие деревья привезти из Крыма в Богоявленск:

«1. Персигов — 200

Абрикосов — 200

Черенков на прищепы лучших разных родов — 5000

Слив — 100

Розанов — 1000

Гайвы — 5007

Рябины — 100

Орехов грецких — 200

Орехов фундуковых — 2000

Барбарису — 5000 кустов

Итальянской тополи — 500 черенков

Двух- и трех годовалых цветов сирени — 300 кустов».

В Ведомости, составленной в 1797 году, указано, что было посажено в этом «плодовитом саду с каналами и мостами»: яблоней привитых — 405 и лесных — 9, орехов волошских — 13, черешен — 85, персигов — 7, абрикосов — 10, слив — 525, груш, привитых на дичках, — 75 и диких — 35, вишен — 1 567, шелковиц — 4, каштан — 1, рябина — 1, айвы — 3, черемухи — 2. Все деревья высотой от 2 до 5 аршин. Кроме того, посажены лесные деревья: тополь кудрявый — 170, осокоры прямые — 100, ветла большая — 350, ясень — 25, клен — 5, вяз — 3.

Окружал сад каменный забор, который нужно было закончить со стороны реки и горы, а также оштукатурить. Строил этот забор еще в 1792 году корнет Фоминский своими каменщиками и из своего камня. К 19 июня было сложено 92 квадратные сажени стены. За эту работу ему было уплачено 667 рублей.

В саду находилась оранжерея длиною 10 и шириною 2 сажени. Построенная еще во времена Потемкина, она стала уже ветхой к 1797 году, низкая ее крыша была покрыта землею.

Справка о парковом комплексе Спасского урочища (Яхт-клуб)

Кухар-Онышко Н. А.

В истории паркового комплекса яхт-клуба прослеживаются три этапа: 1. Фаборова дача; 2. Спасское урочище; 3. Яхт-клуб.

Первый из них относится к XVII–XVIII вв., когда на месте яхт-клуба существовало, видимо, поселение запорожских казаков, а урочище называлось Виноградной косой. В составленной в 1787 г. подполковником Касперовым описи, кроме строений упоминаются: «...небольшое яблонное дерево», «...небольшое число вербовых деревьев», «...саморослых небольшое число разных деревьев яко то груш, терновнику и прочаго»¹. Использовался для работы мельницы мощный источник, бежавший из верховья оврага: «...мельница с камня о двух колесах с чашкою небольшою; в ней два мукомольных камня и три просяных товкачей».

В 1784 г. весь полуостров, на котором располагается ныне Николаев, был отведен по повелению Г.А. Потемкина купцу Якову Фабре, однако три года спустя эти земли были приняты обратно в казенное ведомство. На этой территории была заложена судостроительная верфь, строился город Николаев, а район яхт-клуба предназначался для Спасо-Николаевского мужского монастыря. Здесь же в Спасском в 1789–90 гг. велось строительство дворца Потемкина. Во время строительства дворца известным английским садовником Вильямом Гульдом, бывшим на службе у Г.А. Потемкина, был составлен план Спасского сада в августе 1790 г. План этот был отправлен М.Л. Фалеевым Потемкину². Для обоих садов Потемкина — Спасского и Богоявленского — было куплено 30 тыс. фруктовых деревьев, 4,5 тыс. молодых дубов, виноград; кусты смородины и малины. В Яссы был отправлен посыльный за розами, а в Москву — за огородными семенами³. В основу плана Гульда положена система нерегулярного (английского) парка, как свидетельствует план г. Николаева 1794 г.⁴ По фор-

¹ Записки Одесского общества истории и древностей. — 1900. — Т. 22. — С. 25–26.

² ЦГА ВМФ СССР, ф.197, оп.1, е. х. 12, л. 236.

³ ЦГА ВМФ СССР, ф.197, оп.1, е. х. 5, л. 252.

⁴ ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ф. 342, д.158.

ме это почти прямоугольник, центральная часть которого заполнена пересекающимися извилистыми дорожками. Но, очевидно, смерть Потемкина, а затем Фалеева не позволили полностью воплотиться в жизнь этим планам, а то, что было создано, спустя несколько лет уничтожено. Описание Спасского сада мы находим у В. Измайлова: «...взгляните на светлый домик с галереею и террасою, на берегу реки Буга осененного серебристыми тополями; загляните в темные аллеи сада, в таинственные беседки, как будто бы самим Амуром в тени и прохладе сокрытые, в зеленые насаженные лесочки, где изгибы тропинок, бархат лугов, игра водопадов манят вас к неге, влекут к наслаждению; гуляйте по сим местам; сидите на дерновых диванах под хором крылатых Сирен, под журчанием быстрых ключей...»⁵.

Окончание рассказа приводит к выводу, что описание сделано или по рассказам Афонина⁶, или плод фантазии автора: «...в саду разведеном за десять лет перед сим, где расточены были все богатства природы, куда выписывали лучшие растения из чужих краев, где рука человеческая насадила произведения четырех стран света, — в сем прекрасном саду не осталось ныне ни одного дерева; некоторые сожжены; другие вырублены». Подтверждает это и план города 1803 г.⁷, на котором нет никаких следов сада, а показаны только насаждения вдоль оврага с источником. В дальнейшем, при Грейге, сад был восстановлен на том же месте под названием Казенного сада или сада на Сухом фонтане. Кроме того, были расширены за границы оврага насаждения вдоль источника.

На плане 1841 г.⁸ можно видеть планировку Спасского сада и урочища Сухой Фонтан (район нынешнего речпорта). Первый из них имеет планировку английского парка с извилистыми дорожками, к которому примыкает со стороны Лесков фруктовый сад с параллельными рядами насаждений. Сад Сухого Фонтана к этому времени был разделен на 24 мелких квадратных участка.

⁵ Путешествие в полуденную Россию в 1799 г. Владимира Измайлова. Ч. 2. — Москва : В типографии Христоф. Клаудия, 1805. — 144 с.

⁶ Профессор натуральной истории и земледелия М.И. Афонин жил в Николаеве и умер в 1810 г. Однокашник по гимназии Потемкина.

⁷ ЦГА ВМФ СССР, ф. 326, оп. I, е. х. 7245.

⁸ Этингер, Я. Садоводство г. Николаева Херсонской губернии и его окрестностей. — Одесса : Славянская тип. Н. Хрисогелос, 1897. — С. 6–8.

Интерес к садам снова появился в конце XIX века, когда в Николаеве в 1881 г. возник Отдел общества садоводства. Были возобновлены посадки в саду Сухого Фонтана, площадью 10 десятин, и посажено 10 000 декоративных деревьев и кустов: пирамидальная акация, шелковица, ясень, черемуха, клен, дуб, софора, дикая маслина, березы, туи, сосны⁵. Сад Спасского урочища вместе с Лесками насчитывал 833 десятины. Здесь сохранились 100-летние клены, ясени, липы, дубы.

Фалеевский хутор

Кухар-Оньшко Н. А.

В конце сентября 1791 года Фалеевым были составлены несколько документов, посвященных организации карантинной службы в Соколах, Богоявленске и Станиславе. Это было связано с появлением в Константинополе моровой язвы, которая распространилась из Египта.

После смерти Светлейшего князя Фалеев возвращается в Николаев и продолжает выполнять его заветы по строительству кораблей и зданий, разведению фруктовых садов и лесов. Почти всю зиму Михаил Леонтьевич прожил в Яссах, пытаясь добиться окончания строений, начатых в Николаеве, Богоявленске и Воскресенском еще при Потемкине. Но разрешили строить только адмиралтейские строения.

В июле 1792 года он посылает вальдмейстера (лесного мастера) Валентина Догмана в польские леса собирать семена для разведения здесь казенных лесов. В рапорте Н.С. Мордвинову бригадир сообщал: «Для разведения в окружности города Николаева и Богоявленска посева разных родов семян лесов договорен мною вальдмейстер Догман». В те же дни механику Шубию выделен лес для изготовления одного английского плуга. «Сие дело будет первый опыт для возлагаемого на него приготовления земледельческих орудий», — писал Фалеев капитану над Николаевским портом Ивану Тихоновичу Овцыну.

В окрестностях Николаева был известен Фалеевский хутор. Но точное его местонахождение не было определено. Ю.С. Крючков пишет, что находился он у Павловой косы, которая позже (1820-е годы) получила название хутора Сиверса. На «Плане селения Богоявленска, сочиненном 1 июля

1793 года», показан большой квадратный в плане сад Михаила Леонтьевича. А рядом — еще недостроенный сырный завод, состоящий из одного каменного флигеля, со службою и огорожею, и одного деревянного. Необходимость решать вопросы поставок провианта местного производства подсказала Фалееву мысль о создании сырного завода. Твердые сыры не относятся к быстропортящимся продуктам, и их можно брать с собой в дальние плавания, они питательны и полезны. В дальнейшем, после смерти Фалеева, эта постройка исчезла из Богоявленских планов. А земли Фалеевского хутора позже отошли городу и получили название Градских хуторов. В 1856 году сельская община купила Фалеевский хутор возле Сиверсова маяка с садом площадью 115 десятин и пахотой — 131 десятина.

Как писала газета «Южанин» в 1899 году: «В Богоявленске есть только один грушевый сад морского ведомства, на который теперь наши мещане производят нападения днем и ночью, являлись туда вооруженными ружьями, револьверами, палками и кольями, они предварительно разгоняют сторожей выстрелами из ружей и затем набрасываются на деревья, срывая с них зрелые и зеленые груши, причем немилосердно ломают деревья. Наш обход, состоящий из местных мещан, которых никогда не сопровождает ни урядник, ни пристав, не обращают внимания на расхищение казенного сада, а пристав на заявление арендатора, что богоявленцы не только обрывают груши, за которые заплатил казне деньги, но при этом ломают деревья, разбирают садовую ограду и бросают в сад тучи камней, могущих убить его и сторожей, советует ему прятаться, пока разбойники будут рвать груши, чтобы избежать увечья или смерти».

В конце XIX века Фалеевский сад принадлежал морскому ведомству и занимал площадь в 13 десятин. Засажен он был преимущественно грушами хороших сортов. Фалеевский сад сдавали в аренду, и прибыль от него шла Богоявленской общине. Он давал в год 300–500 рублей дохода.

Школа земледелия М. Г. Ливанова

Кухар-Оньшко Н. А.

С Богоявленском связаны имя ученого агронома Михаила Григорьевича Ливанова и его детище — первое в России учебное заведение, готовившее кадры для сельского хозяйства. А стоял за всем этим мудрый государственный муж — Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин. Это была его идея — создать в Екатеринославе университет, преподавателями которого должны были стать итальянский музыкант Ж. Сартти, художник Ф. А. Щербаков, ученые М. Г. Ливанов, Д. С. Самойлович, М. И. Афонин и другие. История с университетом не задалась, но этим талантливым людям нашлось дело во вновь основанном южном крае. Большинство их оказалось в Николаеве. В частности, М. Г. Ливанову было поручено организовать и возглавить сельскохозяйственную школу практического земледелия и животноводства в Богоявленском.

Михаил Григорьевич (Георгиевич) Ливанов (1751–1800) — профессор земледелия, надворный советник. В 1767–1772 гг. учился в Московском университете, который окончил с золотой медалью. Для дальнейшей стажировки был направлен по указанию императрицы Екатерины II в Англию для углубления сельскохозяйственных знаний и обучения «разведению разных увеселительных парков». В 1784 году он был удостоен звания профессора земледелия и спустя два года издает в Санкт-Петербурге свою книгу, состоящую из двух трактатов: «Наставление к умозрительному и делопроизводному земледелию» и «Руководство к разведению и поправлению домашнего скота». В 1787 году намечается создание третьего в России Екатеринославского университета, одним из профессоров которого должен был стать М. Г. Ливанов. Его задачей было преподавание восьми дисциплин: ботаники, практического земледелия, садоводства, выведения приживаемых растений, устройства живописных парков, разведения домашнего скота и птицы, практического орошения земель и обустройства полезных лесов. Открытие университета откладывалось, и в 1789 году ученый приезжает в Николаев. Здесь ему поручено возглавить школу практического земледелия, которую решено открыть около Николаева, в Богоявленском. Но предшествовал это-

му ордер Светлейшего князя бригадиру Фалееву от 13 октября 1789 года: «Около Богоявленского сколько можно более удобной земли вспахать прикажите находящемуся у вас адъютанту экономий и заготовить достаточное число для посева будущим летом фасоли; лучших семян я из Ясс пришло, так как и чечевицы. Я намерен тут устроить школу для хлебопашества, куда и прочие адъютанты придут...»¹. Полгода спустя, 25 апреля 1790 года, князь пишет новые задания Фалееву, и в том числе: «Огородов завести и всякой зелени насаждать больше, особливо же капусты, и обывателей побуждать сады разводить». И в том же документе: «Земли около Николаева и Богоявленска сколько можно больше распахать и для того сделать еще двадцать плугов и борон. В Богоявленске быть школе Земледельства и для того профессору Ливанову переехать, а я из рекрут или поповичей женатых поселю»². При школе планировалось создать образцовое хозяйство, аптекарский сад для нужд госпиталя, фруктовый сад. Это было первое в Российской империи учебное заведение аграрного направления. В помощь М.Г. Ливанову князь прислал для работы в школе трех адъютантов земледелия — поручика Степана Григорьевича Гребницкого (1767 – п. 1821), Герасима Козлова и поручика Ивана Сапанкевича. Их задачей было завести на юге земледелие на английский манер. Козлов занимался земледелием и разведением винограда вместе с 4 молдаванами, Сапанкевич — садоводством, а Гребницкий был занят выполнением разных заданий: посадкой деревьев, виноградников и бобовых в Богоявленском саду, заготовкой сена, контролем за работой переправы через реку Буг.

Об этих адъютантах упоминает в своем дневнике венесуэльский путешественник Ф. де Миранда, который в 1786–1787 годах побывал в наших краях, встретился в Херсоне с Потемкиным. Он отметил в дневнике, что получил сообщение от профессоров сельского хозяйства, которые долгое время учились в Англии и показались Миранде толковыми специалистами.

¹ Бумаги Г.А. Потемкина-Таврического, 1788–1789 гг. — Санкт-Петербург: Военная типография, 1894. — С. 333. — (Сборник военно-исторических материалов; Вып. VII).

² Бумаги Г.А. Потемкина-Таврического, 1790–1793 гг. — Санкт-Петербург: Военная типография, 1895. — С. 40. — (Сборник военно-исторических материалов; Вып. VIII).

Для развития хлебопашества на прогрессивной основе и поощрения старательных земледельцев Светлейший князь закупил в Англии тысячу металлических плугов, часть которых была вручена лучшим крестьянам. И впервые в России именно в Богоявленске в 1790 году земля под сад была распахана адъюнктом С. Гребницким с использованием металлического плуга.

В феврале 1792 года Фалеев предпринял поездку в село Чернолески и город Кременчуг (район знаменитых казенных лесов — Чуты, Черного и Великого), откуда он прислал письмо секунд-майору Бибикову: «В бытность мою в Чуте усмотрел я, что местные поселяне англицкие плуги и бороны делают не по модели и оковывают неправильно и непрочно, отчего они к хлебопашеству почти не способны». Спустя несколько месяцев Михаил Леонтьевич сообщил адъюнкту Гребницкому, что в Николаевском порту находится много земледельческих инструментов, доставленных из Чуты, которые он должен все получить и распространить поселянам в Богоявленске. По ведомости, С. Г. Гребницкий получил: плугов окованных — 22, плугов некованных — 91, борон — 274, граблей — 374, вил — 743, грабель — 1220, лопат — 225, кос — 600 и множество другого инструмента. Скорее всего, английские плуги поступили из Чуты, а не из Англии, как пишут наши краеведы.

Здание школы в Богоявленском не сохранилось, и нет точных сведений о том, где оно точно находилось. Рядом с местом, где стоял дворец Потемкина, еще существует полуразвалившееся одноэтажное здание из хорошо обработанного камня-известняка. В стенах просматриваются тройные венецианские окна, характерные для архитектуры конца XVIII века, тщательно обработан камень дверных проемов. Интересны остатки крыши со старыми балками и стропилами. Местная легенда приписывает это здание школе земледелия. Соответствуют этому и размеры строения, состоящего из нескольких больших комнат. Жаль только, что его вряд ли удастся сохранить.

В начале августа 1792 года была составлена «Ведомость о нужнейших, из назначенных вновь, строений», в которой упоминается в Богоявленске Земледельческий дом о двух этажах, длиной 8 и шириною 5 сажень (16×10 м). При нем планировались две службы размером 25×4 сажень (50×8 м). Но в Ведомости богоявленских строений 1797 года здание

школы земледелия не значится. Очевидно, она не была построена, и для нее использовалось какое-то небольшое строение.

Кто же мог быть учеником этой школы? Сведений об этом в архивах не было найдено. Но, возможно, это могли быть взрослые люди, имеющие хозяйство.

В октябре 1791 года умирает Г.А. Потемкин, а через год и М.Л. Фалеев, для которых школа была не только родным детищем, но и необходимым заведением в условиях развивающегося края. О том значении, которое имела школа для нашего края, можно судить по письму Фалеева к бывшему секретарю князя В.С. Попову, написанному в сентябре 1792 года. В нем в первую очередь сообщается об изобильном урожае хлеба в окрестностях Николаева и Богоявленска: «...от Николаевского порта за море отпущено на 9 судах 2400 четвертей³ и еще нагружается 3 судна, из которых одно большое, могущее всех вместить — больше 2000 четвертей». В пересчете на современные меры отправленный за границу урожаи получился больше 1000 тонн.

Дальше он пишет секретарю Екатерины II: «Все дешево здесь, мука ржаная с небольшим рубль, арбузов воз по 20 копеек, капуста дешева, говядина в хорошей части по 3 денежки фунт, а поплоше по копейке продается⁴. Любопытную информацию сообщает Фалеев о местных огородных культурах. В посылке к Попову в Санкт-Петербург были отправлены вместе с заморскими фисташками и финиками 2 четверика (50 кг) гороха, которые «дал мне в Яссах покойный Светлейший князь на развод — он отменной от российского, спелой остр и тем и вкусен⁵, не разсудете ли поднести Ея Величеству и капарусы⁶ 50 початков, сия тем любопытна, что многоплодна, от одного зерна по три и по четыре шишки родится». Подробная характеристика дается и пшенице арнаутке, которой много сеют в здешней губернии и охотно покупают в заморский отпуск. Правда, хлеб из нее не так вкусен и быстро черствеет.

³ Русская мера XVIII века — более 200 кг.

⁴ Денга — 0,5 коп.

⁵ Возможно, речь идет о бобовой культуре, распространенной на Балканах под названием нут. В молочной спелости он кисловатый и используется и в сыром, и в вареном виде.

⁶ Кукурузы.

И нут, и кукуруза были новыми и пришедшими из Турции во второй половине XVIII века культурами, которые появились в нашем крае благодаря желанию Потемкина превратить южные земли в цветущий оазис. И своим личным примером, посылая сюда различные семена, он побуждал местных обывателей заниматься земледелием.

С уходом князя и Фалеева постепенно терялся интерес к земледельческой школе, хотя еще в апреле 1792 года Главный командир Черноморского флота адмирал Н.С. Мордвинов, докладывая в Санкт-Петербург императрице Екатерине II, писал: «При селении [Богоявленске] начато заведение училища для землепашества. Земля обрабатывается орудиями, сделанными по правилам механики, где с малыми силами производится наибольшее действие. Все части оной науки преподаются на самом опыте поселянам, принадлежащим к адмиралтейству, профессором Ливановым и тремя адъюнктами»⁷.

В августе 1793 года, когда уже не было не только Г.А. Потемкина, но и М.Л. Фалеева, смотритель Богоявленского поручик Степан Гребницкий отвечал на вопрос канцелярии строений города Николаева: какими плугами богоявленские поселяне обрабатывают землю. На этот вопрос он ответил: «...в селении Богоявленском половинная часть поселян обрабатывают землю на английский манер: английскими плугами, боровами и прочими принадлежащими к земледелию инструментами, а другая часть и по другим адмиралтейским селениям, а также и в окрестностях города Николаева, жители обрабатывают малороссийским образом».

Но приходилось ученому заниматься не только вопросами сельского хозяйства. По заданию Светлейшего князя он проводил геологические изыскания в районе Кривого Рога, во время которых был контужен взрывом пороха из шурфа. В результате им были найдены серебряные и железные руды, каменный уголь, мрамор и краски, которые использовались в работах на Адмиралтействе с большою пользою для казны. За это Потемкин обещал ему вечный пенсioen, а для излечения его болезни, от которой он уже не избавился до конца своих дней, послать на теплые воды на казенный кошт.

Понимая значение печатного слова, Ливанов продолжает писать учебные пособия для поселян и всех интересующихся

⁷ Архив графов Мордвиновых. Т. 1. — СПб, 1901. — С. 280.

сельским хозяйством. В 1794 году в Санкт-Петербурге была издана вторая его книга «Руководство по разведению и поправлению домашнего скота», которая была первым русским руководством по животноводству.

История школы оказалась короткой. В 1797 году ее перевели в Павловск, что под Санкт-Петербургом, но Ливанов остается в Николаеве. Возможно, вместе со школой в Павловск выехали и адъюнкты Козлов и Сапанкевич, а Гребницкий оставался в Николаеве до 1821 года. Состояние здоровья ученого ухудшилось: кроме прочего, в 1795 году он оглох, а через год начала отниматься рука. В последние годы жизни он издает в Николаеве свой последний труд, написанный по поручению Светлейшего князя для руководства хозяевам, поселившимся в Новороссийском крае. Книга «О земледелии, скотоводстве и птицеводстве» была напечатана в 1799 году в типографии Черноморского штурманского училища. До наших дней дошли считанные экземпляры этой книги. Поэтому в 1998 году Николаевским сельскохозяйственным институтом (сейчас Николаевский национальный аграрный университет) была переиздана последняя книга Ливанова.

В письмах М.Л. Фалеева упоминаются написанные ученым стихи. Известен стих, посвященный адмиралу Н.С. Мордвинову. Его содержание — любимые Ливановым «Земледелие и Скотоводство».

*Мордвинов. Се рукой прогнанные Твоей
Бесплодие и глад бегут от всех полей,
На тучных пажитях сред желтых нив смеется,
Превыше злата чтя обилие плодов,
Ты первый им явил при Буге свой покров.
Среди премногих дел бразды земли вскрываешь,
Ты в наши времена Катона представляешь,
Кой общее добро в очах всегда имел:
Подобно так и им наук и польз любитель,
Живущим в сей стране прямой благотворитель
Сей малый труд свершив под кровом я твоим,
Несу его к тебе с усердием моим.
От хвал нелестных сих не отвращая слуха,
Прими ты их в знак чистейшей жертвы духа.*

Последние годы ученый жил в Николаеве, в казенном доме, купленном у местного жителя Адуевцева. Дом этот с пятью окнами по фасаду, размером 11×9 метров не сохранился.

На плане Николаева 1797 года в экспликации написано: «Каменный дом, где квартирует профессор Ливанов».

Стоял он на улице Спасской, рядом с домом Поджио. Сейчас там растут деревья, находится это место с торцового фасада здания, в котором расположена Первая украинская гимназия.

Умер Михаил Григорьевич Ливанов в 1800 году в Николаеве. Видимо, здесь же и похоронен, но это место никому не известно.

В своих книгах ученый высказывал советы, которыми пользовались жители нашего края на протяжении двух веков. Наверное, и сейчас ими можно воспользоваться, ибо он говорил: «Нет земли, которая бы при разумном возделывании могла остаться совсем бесплодной».

1.3

Засковжики та будівничі міста

Михаил Георгиевич Ливанов (1751–1800)

Ковалева О. В., Чистов В. П.

Ученый агроном и животновод Михаил Георгиевич Ливанов — один из пионеров освоения земель Северного Причерноморья.

После окончания с отличием Московского университета в 1772 году М.Г. Ливанов продолжил учебу в Оксфордском университете и стажировался в лучших хозяйствах Англии. В 1786 году в Петербурге выходит его книга в двух томах «Наставление к умозрительному и делопроизводному земледелию».

Еще до появления в свет этой книги Екатерина II письмом от 1 сентября 1785 года рекомендовала М.Г. Ливанова князю Г.А. Потемкину, который в марте 1786 года направляет его в Крым, где ученый проводит огромную работу по сельскохозяйственному освоению присоединенных земель. В начале 1788 года он совместно с В.П. Прокоповичем создает здесь, в имении помещика Петковича, образцовое хозяйство.

Осенью того же 1788 года М.Г. Ливанов находится уже среди участников осады Очакова. Жгучие морозы, сопровождавшие Очаковскую кампанию, а также испытания, выпавшие на его долю, не прошли даром: в 1789 году у М.Г. Ливанова наступает паралич левой части тела. И хотя здоровье его затем полностью не восстановилось, он неутомимо продолжает работать.

С целью распространения среди переселенцев навыков культурного земледелия, а также обогащения рациона матросов и адмиралтейских мастеровых Г.А. Потемкин принимает решение создать в Богоявленске «Училище практического земледелия» во главе с профессором М.Г. Ливановым. В этом ему деятельно помогает его бывший учитель, в про-

плом профессор натуральной истории и земледелия Московского университета, с 1777 года проживающий на юге России, Матвей Иванович Афонин.

В Богоявленске для школы была выделена земля, закуплены плуги, бороны и другие орудия земледелия.

Школа, созданная в 1790 году, просуществовала до 1797 года. Это была первая сельскохозяйственная школа в России¹. Школа в Богоявленске была ориентирована на широкие слои земледельцев. На ее территории был выделен участок, на котором англичанину Вильяму Гульду было поручено развести ботанический сад с аптекарскими травами², а также учредить ферму на английский манер для снабжения флота солониной и огород — для снабжения горохом, фасолью, салатом.

Во «Всеподданнейшем донесении» вице-адмирала Н.С. Мордвинова, председателя Черноморского адмиралтейского правления, первого губернатора Николаева, Екатерины II в 1792 году находим: «При селении Богоявленске начато заведение училища для землепашества. Земли обрабатываются орудиями, сделанными по правилам механики, где с малыми силами производится наибольшее действие. Все части оной науки преподаются на самом опыте поселянам, принадлежащим к адмиралтейству, профессором Ливановым и тремя адъюнктами»³.

В это же время М.Г. Ливанов создает учебник по животноводству «Руководство к разведению и поправлению домашнего скота», опубликованный в Петербурге в 1794 году. Книга долго не расходилась. «Грубым и заматерелым в предрассудках» владельцам земли, как выразался сам Ливанов, не нужны были ни его книги, ни работа, ни школа, а несчастные крестьяне так забиты, что им было не до науки.

Тем не менее, профессор готовит к изданию свою новую книгу. Изданная в Николаеве в 1799 году, она состояла из пяти частей и называлась «О земледелии, скотоводстве и птицеводстве». Автор выступает в ней за самую тесную связь зем-

¹ Записки ученого комитета Морского штаба. Ч. I–XV. — СПб., 1828–1840.

² Иванов, Ю. Воспитанники Южно-славянского пансиона // Южная правда. — 1987. — 21 февр.

³ Из истории рабочего движения в Одессе и Николаеве. — Женева, 1900.

леделия с животноводством, в том числе и молочным, считая их неотделимыми друг от друга. Он предлагает целую систему мероприятий по улучшению животноводства, считая первостепенной задачей правильное кормление и содержание скота. Большое значение в книге придается разведению в южных районах страны овец, особенно тонкорунных, а также развитию свиноводства.

Занимался М.Г. Ливанов вместе с М.И. Афониним также и изучением природных ресурсов края. Полковник М.Л. Фалеев, главный ревнитель и исполнитель воли Г.А. Потемкина, писал вице-адмиралу Н.С. Мордвинову — председателю Черноморского адмиралтейского правления, что Г.А. Потемкин «за найденные серебряные и железные руды, также и каменный уголь, мрамор, краски, употребляемые теперь при адмиралтействе с великою пользою для казны профессором Ливановым, обещал вечный Пансион исходатайствовать и для излечения его болезни послать на теплые воды на казенный кошт».

Мы не знаем, было ли исполнено это обещание Потемкина. Скорее всего, нет. Ибо известно, что М.Г. Ливанов скончался в 1800 году в Николаеве, в бедности, не дожив и до пятидесяти лет. Также в бедности скончался в Николаеве в 1810 году его соратник профессор М.И. Афонин.

Григорий Александрович Потемкин

Ковалева О. В., Чистов В. П.

Григорий Александрович Потемкин-Таврический, государственный и военный деятель, дипломат, Светлейший князь, генерал-фельдмаршал, основатель города Николаева, родился в 1739 году. Происходил из семьи мелкопоместного смоленского дворянина. Учился в Смоленской духовной семинарии, частном пансионе в Москве, в Московском университете. Отличался любовью к наукам, особенно к философии и богословию, а также к древним языкам. Увлекался поэзией, чтением античных авторов. Он и сам писал стихи, сатиры, эпиграммы и даже сочинил трагедию. В университете Потемкин учился отлично, но затем перестал посещать занятия, за что и был отчислен.

В 1755 году он поступил в гвардию. Участие в дворцовом перевороте 1762 года принесло ему чин подпоручика кон-

ной гвардии и придворное звание камер-юнкера. В 1767 году участвовал в работе уложенной комиссии.

При высоком росте Потемкин был пропорционально сложен. Орлиный нос, светло-русые вьющиеся волосы, ровные белые зубы, голубые глаза. Правда, из-за неправильного лечения правого глаза знахарем Потемкин позднее окривел, что, однако, не испортило общего впечатления. Память его была поистине феноменальна. Современники отмечают также его способность подделываться под чужие голоса. Опрошенный Екатериной II, он отвечал ей тем же голосом.

Будучи отмеченным императрицей, Потемкин быстро продвигается по службе. За отличие в русско-турецкой войне 1768 – 1774 годов он получил чин генерала. После сближения с Екатериной II был назначен вице-президентом Военной коллегии (1770 год), возведен в графское достоинство, назначен генерал-адъютантом (1774 год), шефом иррегулярных войск. Личное расположение Екатерины II, высокое положение при дворе и в государственном аппарате сделали Потемкина могущественным человеком в стране. Он стал ближайшим помощником Екатерины II в государственных делах.

Указом Сената № 31 от 1 июля 1774 года Потемкин определен генерал-губернатором Новороссийской губернии и главным командиром расположенных здесь войск. В 1776 году Потемкин — генерал-губернатор Новороссийской, Азовской, Астраханской губерний. В 1783 году он реализовал свой проект присоединения Крыма, за что получил титул Светлейшего князя Таврического. Выполняя волю Екатерины II с ее политикой уничтожения казачества, Потемкин приказал в 1775 году разогнать Запорожскую Сечь, но в то же время именно он создает Черноморское казачье войско.

Особая заслуга Потемкина состоит в создании Черноморского флота, который был построен так быстро, что уже в русско-турецкую войну 1787 – 1791 годов принимал участие в боевых действиях.

В 1784 году он назначен президентом военной коллегии. Во время русско-турецкой войны был главнокомандующим русской армией, которая 6 декабря 1788 года после продолжительной осады штурмом взяла город-крепость Очаков, главную опору турок в Северном Причерноморье. В 1790 году Потемкин получил титул гетмана казачьих Екатеринославских и Черноморских войск.

Как устроитель и администратор Новороссийского края, Потемкин занимает важное место в его истории. Стоит только удивляться всему достигнутому при нем: в кратчайший срок «дикая степь» под его руководством была освоена и заселена. Новые города, среди которых первые места занимают Херсон, Екатеринослав и Николаев, строились под непосредственным руководством Потемкина. Из многочисленных деловых бумаг и писем видно, как многогранна и неутомима была его деятельность по управлению Южной Россией. Привлечение колонистов, разведение садов и виноградников, поощрение шелководства, открытие школ, фабрик, типографий, строительство корабельных верфей — все это предпринималось Светлейшим смело и с большим размахом.

Проекты и предначертания Потемкина относительно Николаева свидетельствуют о его незаурядности и дальновидности. Что-то из запланированного он осуществил на деле: пригласил архитектора и градостроителя Старова и военных инженеров Князева и Деволана, которые разработали генеральный план застройки Николаева, заложил верфь на Ингуле, построил два эллинга. Интенсивная постройка судов под непосредственным наблюдением Потемкина, постройка казарм, жилых домов, усиленное заселение города, привлечение специалистов и мастеровых и многое другое — все это говорит о том, что Потемкин явился не только основателем города Николаева, но и дал начало его жизни. Николаев был любимым детищем Потемкина.

Смерть прервала намерения и деятельность Потемкина. Далеко не все предположения и предначертания его относительно Николаева осуществились. Некоторые все же получили дальнейшее развитие: переведено адмиралтейство из Херсона в Николаев (при Мордвинове), прочищен фарватер Буга (при Грейге) и другие. Во всяком случае город, по выражению Дмитрия Ивановича Багалея, «не захирел», подобно Екатеринославу (хотя судостроение приостановилось на пять лет), а стал развиваться, успешно конкурируя с Херсоном.

Деятельность Потемкина в Прибужье не исчерпывается Николаевом. Крепости Екатеринин шанц (город Ольвиополь, ныне Первомайск), Кинбурн, Новогригорьевская (на месте Николаева) построены по инициативе Потемкина как оборонительная линия на случай военных действий. В Ви-

товке, переименованной Потемкиным в Боявленск, был построен госпиталь, открыта земледельческая школа, руководимая профессором Михаилом Георгиевичем Ливановым, насажен сад. Именно по его ходатайству указом от 2 октября 1789 года велено было построить город Вознесенск, а речку Мертвовод назвать Вознесенкой. Память о Светлейшем сохранилась в некоторых топонимах и легендах нашего края. В «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами генерального штаба» читаем: «Вблизи от Вознесенска, в девяти верстах ниже его, находится ныне на высоком левом берегу Буга село военного поселения Ново-Григорьевск, в котором существует предание, что при князе Таврическом оно было сделано городом, показывают и теперь каменную церковь, построенную при нем Арнаутами во имя святого Григория, священномученика Великой Армении, и говорят, что настоящее название свое село получило в честь имени Потемкина». И далее: «В трех верстах от Вознесенска, за Мертвоводом, по дороге из деревни Булгарки (она же Сокольская переправа) в деревню Раковую, находится на скате степей колодезь, известный под именем князя Потемкина, так названный в честь своего строителя». Не в честь ли Потемкина названа была крепость Новогригорьевская и церковь святого Григория Великой Армении в Николаеве?

Будучи знатоком изящных искусств, Потемкин почитал себя меценатом. Его коллекция живописных полотен включала в себя произведения величайших художников мира. Но более всего он любил архитектуру и музыку. Даже в дни осады Очакова в главной квартире Потемкина каждый вечер играл сопровождавший его «хор большой роговой музыки» под управлением Джузеппе Сарти, известного итальянского композитора и педагога.

Потемкин — личность противоречивая, воплотившая в себе как достоинство, так и недостатки своей эпохи. Он автор произведения «Канон вопиющая во грехах души к Спасителю Господу Иисусу», напечатанного уже после его смерти в Кременчуге.

Скончался Григорий Александрович Потемкин в 1791 году на пути из Ясс в Николаев. Похоронен в Херсоне в Екатерининском соборе. Как и при жизни, после его смерти вокруг его имени сложилось множество различных домыслов и спекуляций. Одни из них шли от саксонского дипломата Гельбарха, который печатно обвинил Потемкина в устройстве

фигтивных деревень. Его преследовали даже в могиле. Распространялись слухи, что тело Потемкина будто бы зарыто в крепостном валу, а не находится в подвале Храма. Весьма неодобрительно о Потемкине отзывался не только Павел I, но и наследовавший его Александр I. В то же время Фонвизин написал на смерть Потемкина «Рассуждение о суетной жизни человеческой», а Державин — одно из лучших своих стихотворений «Водопад» — апофеоз всего, что было в духе и делах Потемкина.

Слово до читача

(Вступна стаття до книги
«О земледелии, скотоводстве и птицеводстве.
Сочинение Профессора Земледелия Коллежского
Ассесора Михайла Ливанова»)

Куліш М. Ю.

На жаль, достеменно невідомо місце та дата народження Михайла Єгоровича (по деяких джерелах Григоровича), а також про його сім'ю, хоча встановлено, що народився він в 1751 році. Найімовірніше, що рід Ліванов в сім'ї священника-службовця. Із томів архіву Московського університету відомо, що поступив до університету Михайло Ліванов в 1767 році на казенний кошт, і з самого початку мав немалі успіхи в навчанні, за що йому була присуджена стипендія — 40 карбованців на рік. Саме те, що Ліванов був прийнятий на казенний кошт і йому призначена стипендія, свідчить про його походження із незаможної сім'ї нижчого духовенства.

Потяг до знань у студента Ліванова був великий, він слухав лекції по загальному курсу наук — словесності, математиці, історії, філософії і юриспруденції. Мабуть тому окремі дослідники його особи зазначають, що Ліванов закінчив філософський та юридичний факультети Московського університету. Але це не зовсім так, юний Михайло зосередив свою увагу на природничих науках, які в ту пору читали знанні професори П.Д. Веніамінов і С.Г. Зибелін. Мабуть саме це було поштовхом до того, що Ліванов обрав своєю спеціальністю землеробство, яке читав Матвій Іванович Афонін, і з яким в подальшому його пов'язала доля і робота на довгі роки, зокрема і в м. Миколаєві. Газета «Московские

ведомости» в 1772 році повідомила, що після успішного закінчення навчання в університеті М. Ліванову було присуджено велику золоту медаль.

Подальший шлях М. Ліванова був насичений визначними подіями. По розпорядженню цариці Катерини II він був відряджений разом з трьома випускниками університету до Англії для вивчення сільського господарства цієї країни. Чотири роки стажування в університеті були плідними. Окрім поглиблення знань по землеробству, М. Ліванов познайомився з роботами відомого тваринника Беквеля та розвитком тваринницької галузі Англії.

Як було заведено в ті часи, стажери знаходились в підпорядкуванні Академії наук, так би мовити, академічні студенти на зразок сучасної аспірантури, і їх називали академіками. Після закінчення стажування в Англії М. Є. Ліванову указом сенату по гарольдмейстерській конторі в 1784 році було присвоєно звання професора землеробства.

Зразу ж після повернення із Англії Ліванов написав і видав у Петербурзі в 1786 році трактат «Наставление к умозрительному и делопроизводственному земледелию», в якому викладено основні принципи землеробства, обґрунтовані з філософської та агрономічної сторони. Він прийшов до висновку, що земля є головною життєдайною силою суспільства. Наукові агрономічні думки і практичні висновки М. Ліванова схвально зустріли не лише творці праць з агрономії, а також поміщики та селяни.

М. Є. Ліванов навіть не сподівався, що в подальшому він буде тісно пов'язаний з північним Причорномор'ям. Після повернення із Англії професора Ліванова було направлено завідувачем кафедри Катеринославського університету, який князь Потьомкін мав намір побудувати і перетворити на великий центр культури і освіти всього Причорномор'я. Та війна Росії з Туреччиною завадила перетворенню цієї мрії в реальність.

Для півдня Малоросії (так тоді називалась Україна) це був період, коли Григорій Олександрович Потьомкін з розмахом і щедрістю князя Таврійського будував нові міста, кораблебудівні верфі, адміралтейства, нові села, в яких господарювали вільні хлібороби на степових просторах незайнятої землі. Потьомкіну потрібні були люди освічені в землеустрої. І тому «найсвітліший» кличе із Петербургу старого свого товариша по гімназії Афоніна на південь. Прогре-

суюча хвороба підштовхнула Матвія Івановича Афоніна, першого російського професора землеробських наук, прийняти пропозицію Потьомкіна.

М. І. Афоніна було призначено директором економії Катеринославської губернії, який отримує звання колежського радника (чин прирівняний до полковника). Заступником директора економії стає Михайло Єгорович Ліванов і попадає в підпорядкування свого вчителя. Через деякий час вони обидва отримали нове призначення на ті ж самі посади в сусідній Таврійській губернії. Ще до цього М. І. Афоніну було даровано у власність землю біля Миколаєва, де річки Південний Буг і Інгул впадають в Чорне море. Матвій Іванович, хоча і став поміщиком, та найбільш активну діяльність проявляв на державній службі.

Багато було обов'язків у М. Ліванова — це організація сівки і збирання врожаїв на казенних землях, забезпечення селян, які прийшли на нові землі, насінням і худобою, межування земель, створення садів, лісів, розвиток вівчарства як притаманної галузі причорноморських степів.

Цікаво, що цим діяльність помічника директора економії не обмежувалась. Під керівництвом свого патрона разом з Микитою Рожешниковим — учнем Афоніна, а пізніше випускником Горного училища в Петербурзі, багато часу і сил віддавали дослідженню підземних багатств краю, що освоювався. І коли появились відомості про те, що капітану Скорнякову в 1784 році вдалося розвідати немалі поклади кам'яного вугілля, Потьомкін відправив на ці пошуки Афоніна, а потім приєднався і Ліванов, який очолював самостійні партії і знаходив поклади руди та вугілля.

Коли розпочалась російсько-турецька війна (1787–1791 рр.), Потьомкін багато місяців провів в Очакові. Серед чиновників для особливих доручень два роки знаходився і Ліванов, колежський асесор, а пізніше надвірний радник (цей чин відповідав званню підполковника). Як для Потьомкіна, так і його оточення взяття фортеці Очаків було важким випробуванням і ризиком, під час якого він не шкодував себе і підлеглих.

І якщо турецькі кулі обійшли М. Ліванова, то його повернення до розвідки земних копалин принесло каліцтво на все життя. Коли в 1789 р. в одному із пробурених шурфів зривали порох, Михайло Єгорович Ліванов був тяжко контужений. І хоча він вижив, проте параліч розбив всю ліву части-

ну його тіла назавжди. Майже глухий і ледь здібний писати, професор Ліванов, якому ще не виповнилось і 40 років, змушений був залишити свою посаду і переїхати до Миколаєва. Він поселився поряд з Матвієм Єгоровичем Афоніним, який за станом здоров'я вийшов у відставку. Знання Ліванова і нагромаджений досвід помічника директора економії, тобто губернського агронома, були вкрай потрібними на його новій роботі в Миколаївському адміралтействі. Головним завданням цього військового відомства було будівництво кораблів і оснащення їх необхідним. Також належало забезпечувати продовольством поселенців із числа колишніх солдат та приписних селян із Центральної Росії, які будували кораблі. Саме цим займався М. Ліванов. На землях, які були закріплені за адміралтейством, він залучав селян до вирощування хліба, овочів, баштанних культур, фруктів та організовував закупівлю сільськогосподарської продукції в тутешніх поміщиків. До речі, і сам професор Ліванов став поміщиком завдяки тому, що Потьомкін дарував йому «дачу» в Криму (в давнину «дача» — дарована земля для господарювання, а не для відпочинку). Та господар бував там рідко.

Потьомкін високо цінував М. Ліванова як вченого і доручив йому організувати практичну школу землеробства для селян-переселенців. Михайло Єгорович віддавав всі сили тій справі, про яку сам мріяв. За два роки збудували приміщення, і в 1790 році школу було відкрито в селі Богоявленське (в радянські часи — Жовтневе, нині — Корабельний район м. Миколаєва). Це була одна із перших агрономічних шкіл в Росії.

Чому саме місцем для розташування першої школи практичного землеробства було обрано село Богоявленське? Напевно тому, що в ньому побував Потьомкін і запримітив його привабливість для північного Причорномор'я, в степах якого закріплювались селяни-переселенці. Він звелів привезти сюди із різних країн всілякі породи дерев для акліматизації і наступного розведення: тополлю, шовковицю, дуб та інші. Із Єлісаветграда і Новомиргорода для розведення садів в Миколаєві і Богоявленську було доставлено різних плодкових дерев і кущів 13 450 штук [Ю. Крючков. Історія Миколаєва: От основания до наших дней. — Николаев : «Возможности Киммерии», 1996. — С. 37, 41].

Школа, яку очолив М. Ліванов, стала навчати учнів премудростям землеробської науки. Його помічниками були

колишні кріпаки Степан Гребницький, Герасим Козлов та Іван Степанкевич, які раніше належали князю Потьомкіну і за його велінням відряджені до Англії. Трохи пізніше до них приєднався Іван Судаков — підданий графа Чернишова. Працюючи на фермах, вони оволоділи передовими досягненнями землеробства і тваринництва цієї країни. Коли повернулись з навчання, то спочатку працювали в потьомкінській економії, яка була розташована в Білорусії. А коли відкрилась школа, переїхали в село Богоявленське. Тут вони працювали ад'юнктами школи і проводили практичні заняття, а професор Ліванов навчав учнів основам теорії. Склалося так, як і передбачав професор М. Є. Ліванов. В своєму листі Потьомкіну він дякував найсвітлішому князю за «премудрость и благодсть которой содевают и умножают блаженство наше повседневно, воздвигнуть на берегах Днепра училище, где бы российское юношество, проходя поприще своего воспитания в разных науках и знаниях, могло научиться и земледелию».

В 1792 році головний командир Чорноморського флоту і портів адмірал Н. С. Мордвінов, якого було призначено на цю посаду після смерті Потьомкіна, доповідав цариці Катерині: «При селении (Богоявленск) начато заведение училища для землепашества. Земля обрабатывается орудиями, сделанными по правилам механики, где с малыми силами производится наибольшее действие. В ее части, оной науки преподаются на самом опыте поселянам, принадлежащим к адмиралтейству, профессором Ливановым и тремя адъюнктами...» («Архив графов Мордвиновых», т. 1. 1901 г., с. 280).

Незважаючи на глухоту, слабкий зір, а також неслухняність пальців після контузії, професор Ліванов, окрім викладання в школі, вів велику науково-дослідну роботу в галузі сільського господарства. Він написав і в 1794 році в Петербурзі (куди надіслав рукопис) було видано його книгу, спеціально присвячену тваринництву — «Руководство к разведению и поправлению домашнего скота».

М. Є. Ліванов був людиною мужньою, настирною і працьовитою. Завдяки своїй високій професійній освіченості та кмітливості він глибоко обґрунтував і стверджував в своїх роботах, що «нет земли, которая бы при разумном возделывании могла остаться совсем бесплодной...». Він пропагував покращений обробіток ґрунту шляхом застосування машин та знарядь праці в землеробстві. Рівно через століття П. А. Костичев підтвердив правоту М. Є. Ліванова. В кінці минулого

століття збулось і передбачення професора про корисність безплужного землеробства, батьківщиною якого стали південні степи. Підхід Ліванова був не схоластичним, а теоретично виваженим. Вій вбачав, що «способствующими земледелию науками почитаются химия, минералогия, механика и ботаника. Без знания сих наук великих успехов в хлебопашестве ожидать не можно». Визначною подією в науковій діяльності професора стала книга «О земледелии, скотоводстве и птицеводстве», яку видано типографією штурманського училища міста Миколаєва в 1799 році. В цьому творі вченого знайшли відображення його погляди та розробки стосовно практичного землеробства і тваринництва. Читач має змогу з ними познайомитись і використати корисне для сучасного аграрного виробництва.

Ліванівську школу із села Богоявленське в 1797 р. було переведено в Павловське під Петербургом під тою ж назвою. Туди ж переїхали і ад'юнкти. Її очолив товариш Ліванова протоієрей Андрій Самборський, який в свій час сприяв відрядженню до Англії студентів на стажування і з яким Ліванов листувався до кінця свого життя. Із дружньої переписки видно, що стан здоров'я Михайла Єгоровича погіршився. «Я уже онемел и оглох», — писав він в 1795 році, а через рік: «Руку скрючило мне, едва смог сие написать».

М.Л. Фалеев (колишній помічник Потьомкіна) в своїй записці адміралу Н.С. Мордвінову писав про те, що Потьомкін «...за найденные серебрянные и железные руды, также каменный уголь, мрамор и краски, употребляемые теперь при адмиралтействе с и великой пользой для казны профессором земледелия Ливановым обещал вечный пансион ходатайствовать для излечения его болезни послать на теплые воды на казенный кошт...» («Морской сборник», 1855 г., № 11, с. 162). А обіцяв Потьомкін щедру пенсію Ліванову — три тисячі карбованців на рік. І хоча адмірал Н.С. Мордвінов доброзичливо відносився до Ліванова, він не зміг добитися обіцяної пенсії. Помер М.Є. Ліванов в бідності в 1800 році в м. Миколаєві, а через 10 років пішов із життя його наставник Матвій Іванович Афонін.

Немеркнуче ім'я професора Михайла Єгоровича Ліванова, який сіяв розумне, вічне на землі, займає важливе місце серед основоположників землеробської науки.

Забота о Николаеве

Кухар-Оньшко Н. А., Пиворович В. Б.

Особую заботу проявлял Потемкин о Николаеве. Он сам избрал место для города, сам дал название и сам его основал. Поэтому в Законах Российской империи нет указа об основании Николаева, как это было со всеми остальными городами. А существует только ордер светлейшего князя от 27 августа 1789 года. Небывалое дело, но Потемкин мог себе позволить и это — основать город, не спрашивая ни у кого разрешения.

К вопросу о дате возникновения Николаева впервые обратились в конце 80-х годов XIX века, когда город готовился отпраздновать свое столетие. По поручению Николаевской городской думы городской секретарь Григорий Николаевич Ге (брат известного художника Н.Н. Ге) написал «Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790 – 1890)». Он первым исследовал документы по основанию и истории города, которые хранились в городском и портовом архивах. Г.Н. Ге в процессе своих поисков столкнулся с тем, что нет какой-то определенной даты или документа, по которым можно определить дату основания города. Существуют только распоряжения Григория Александровича Потемкина о закладке верфи от 21 июля 1788 года и наименовании этой новозаводимой верфи городом Николаевом от 27 августа 1789 года. Екатерининский указ об основании нашего города не был обнаружен в Полном собрании законов Российской империи, не нашли его копию и в архивах. «В литературе этого вопроса, — пишет в своей книге Г.Н. Ге, — мы встречаем упоминания о том, что высочайшее повеление о наименовании нового города Николаевом последовало в 1790 году». В письме князя к Фалееву это звучало так: «*О Николаеве утверждено как об адмиралтействе, так и о верфи*». О городе ни слова. Но столетний юбилей николаевцы отмечали в 1890 году.

Основание Николаева относится к 1789 году, но уже в предыдущем году на месте верфи и города, а также в Витовке (ныне Жовтневое) велись большие строительные работы. В это время продолжалась русско-турецкая война (1787 – 1791 гг.) и на территории нашего края проходили важнейшие сражения этой кампании.

Почти всю весну, с конца февраля до начала мая 1788 года, генерал-губернатор Новороссии Г. А. Потемкин провел в Елизаветграде (Кировоград).

Он поджидал здесь, вблизи военных действий с турками, Вторую Екатеринославскую армию, которой командовал. Вместе с армией он должен был отправиться под Очаков и взять эту, считавшуюся неприступной, турецкую твердыню. А пока князь сидел в крепости Св. Елизаветы и посылал во все концы ордера с приказаниями. 17 апреля такой ордер был послан полковнику М. Л. Фалееву: *«Ревность и усердие, с которыми употребили вы себя в порученном от меня строении на Днепре судов и которым успех совершенно соответствовал, заслуживают похвалу и уважение»*. Выказав благодарность за постройку лодок для войска верных казаков (бывшего запорожского), Потемкин приказывает полковнику отправиться в Херсон. Уже неделю спустя Фалеев, будучи в указанном месте, обращается к своему поставщику М. В. Шляхтину в Киев с просьбой изготовить или отыскать по два якоря на каждую запорожскую лодку.

7 мая князь уже в Кременчуге, где строились лодки для казаков, которых Потемкин предполагал использовать при взятии Очакова. Дождавшись прихода армии с зимних квартир, Потемкин вместе с нею отправился к месту следования — крепости Очаков. Армия, разделившись на две группы, следовала вдоль Южного Буга по обеим его берегам. Всю весну шли проливные дожди. Реки повыходили из своих берегов. Армия двигалась чрезвычайно медленно, с остановками. За 5 недель прошли 200 верст. А кругом расстилалась буйными травами степь. Так что лошадям, которые тащили тяжелые пушки, было приволье. Весь июнь армия продвигалась к югу. В районе с. Александровка часть армии, которая шла по левому берегу реки, переправилась на правый берег и соединилась с остальными войсками. Дальше армия двигалась более прямым путем, но по безводной степи. У Потемкина был свой маршрут, который можно проследить по его письмам — на них указывалось место пребывания. 25 июня он находился в лагере при реке Куренихе. На современных картах такой реки нет. Видимо, она была совсем небольшой и со временем пересохла. Но известно, что в районе современного села Большая Корениха существовал Коренихский овраг, по которому она могла протекать. Через четыре дня был разбит лагерь около Херсона. Князь кружил по нашим

местам, я думаю, не случайно. Зная уже об удобном месте для постройки верфи в устье Ингула, он, несомненно, хотел увидеть все своими глазами. А находясь так близко от этого места, он не мог не заехать сюда и убедиться в пригодности этого места. Ведь не случайно же уже 27 июня (на реке Куренихе он был, напоминая, 25 июня) Потемкин приказывал штурману Никите Михайловичу Гурьеву: *«Препоручая вам измерение глубины Ингула от устья до места, доколе оный судоходен, предписываю немедленно... приступить к сему измерению и предоставить оное ко мне, как скоро возможно, так же заметить, где эллинги быть с удобством могут»*. Находившийся при А. В. Суворове Гурьев с июня по октябрь месяц бы откомандирован в штаб Потемкина для выполнения различных поручений по строительству новой верфи.

1 июля 1788 года армия достигла Очакова и стала лагерем на берегу лимана между урочищами Яси-Илга и Чокур-Оба. В тот же день Екатеринославская армия обложила крепость, заняв обширным лагерем окрестные высоты. Правым флангом российская армия упиралась в Черное море, а левым — в Очаковский лиман. Осада предполагалась долгой. Поэтому вокруг лагеря, который разбили русские войска, были построены временные укрепления и землянки для проживания солдат.

Сознавая трудность овладения Очаковым и не желая лишних жертв, Потемкин не торопился со штурмом крепости. Многие историки обвиняют его за это в медлительности и излишней осторожности. Почти месяц составлялся план осады, строительство батарей начали в середине июля, и продолжались осадные работы целых четыре месяца. Были тому и объективные причины: песчаная и каменистая почва очень затрудняла строительные работы. Останавливали работы еще и турецкие мины — подземные галереи для взрыва военных укреплений. Множество мин было устроено французскими инженерами в Очакове, и князь не жалел денег для получения из Парижа точного плана крепости со всеми минными галереями. Как показала действительность, — российские солдаты не зря боялись турецких мин. Они нанесли значительный урон нашей армии под Очаковым.

Тем временем осада крепости продолжалась. Вся Европа обращала напряженное внимание на это событие. Молодые люди из разных европейских стран желали принять участие в этом великом предприятии. Лагерь был наполнен множе-

ством посетителей и посетительниц. Разнообразные увеселения служили развлечением и отдыхом войскам.

Фалеев занимался поставками продовольствия и всего необходимого в Очаковский лагерь для светлейшего. Так, в сентябре 1788 года он поручает инженер-подпоручику И. В. Соколову, руководившему строительными работами в Витовке, каждый вечер отправлять большую бутылку или *«маленькой боченок витовской воды на «Русскую косу», к находящемуся там при переправе майору, который будет посылать с проезжающими курьерами или нарочными к его Светлости»*. В тот же день послано распоряжение отправить к Потемкину два куля калины.

Находясь уже в лагере под Очаковом, князь получил ответ Никиты Гурьева, который его удовлетворил, ибо 21 июля 1788 года он пишет очередной ордер полковнику Фалееву: *«Предписываю вам заготовить на Ингуле эллинги для построения по апробованному рисунку двух кораблей пятидесятипушечных»*. Этот документ можно рассматривать как ордер об основании судостроительной верфи, ныне — завод, положивший начало городу Николаеву.

Через день Потемкин посылает Михаилу Леонтьевичу приятное сообщение о награждении Фалеева орденом Св. Владимира IV степени. Эту высокую награду он получил за активное участие в организации путешествия Екатерины II на юг в 1787 году. Именно Фалеев руководил проводкой судов, на которых находились императрица, гости и ее свита при проходе через Днепровские пороги в районе г. Кременчуга.

Весной было начато строительство Витовского госпиталя. Это была идея Данилы Самойловича, который предложил Потемкину устроить прифронтовые лазареты, так как долгая дорога в тыл ухудшала состояние раненых и увеличивала смертность. Одновременно велось строительство каменных госпитальных зданий и деревянных сараев для временного использования. В конце июля в лазарет были присланы первые пациенты из находившегося в Кинбурне Гренадерского флотского батальона и из Херсона. Интересные рекомендации были даны князем, который любил вникать во все подробности, в отношении питания больных: *«В пищу для больных отнюдь не употреблять вещей нежных как то цыплят, яиц, молока. Сие последние для припасок иметь как лекарство, но не в пищу. Пища должна быть простая, но пи-*

тательная... Сим способом люди будут довольны и сыты, а казна не потерпит того убытка, какой бывает от злоупотребления в госпиталях от больших цен за редкие вещи...»¹.

В начале августа в армии под Очаковым вспыхивает эпидемия кишечных заболеваний, недостаток витаминов способствовал появлению цинги. В госпиталь было отправлено 562 человека из разных полков. В это же время на месте будущей верфи побывали полковник М. Л. Фалеев и корабельный мастер Семен Иванович Афанасьев. Они не одобрили выбор места для верфи, доказывая, что летом Ингул такой же мелкий, как устье Днепра у Херсона, и выводить корабли здесь также придется на камелях (специальных понтонах). На что светлейший ответил, что потомство найдет способ уничтожить это препятствие. Время доказало его правоту. В конце месяца появляется в документах упоминание о *«состоящей на устье Ингула ведения полковника Михаила Леонтьевича Фалеева экспедиции строения морских судов»*.

Под Очаковым в начале сентября продолжились вылазки турок, которые сопровождались сильным огнем из орудий и ручного оружия. 13 сентября в русский лагерь было привезено радостное сообщение о взятии турецкой крепости Хотин на Днестре. В начале осени было начато на Ингуле строительство каменной кузницы подрядчиком Постоевым. Всего за работу ему было уплачено 200 рублей. Работали здесь присланные из разных мест крестьяне и мастера — плотники из Новомиргородского уезда, рабочие мужики из Елисаветградского и Славянского уездов. На работах в Витовке использовали труд пленных турок из-под Очакова. Получали они по 15 копеек в день.

В октябре уже похолодало, и стал вопрос о постройке более теплых землянок для князя, его секретаря В. С. Попова и для канцелярии. Если верить рисунку Иванова, то лето Потемкин провел в большой палатке. Для строительства землянок Фалеев отправил к Очакову целый плот бревен. В письме к Попову он сообщал также об отправке изразцовой печи для обогрева его землянки. А для землянки светлейшего Михаил Леонтьевич рекомендует взять у Мордвинова английскую чугунную печь. Такая же стоит на корабле «Леонтий». Эта печь достойна быть в комнате князя, так как состоит из

¹ ЦГА ВМФ, ф. 245, оп. 1, е. х. 133, л. 45.

двух печей, камина, машины, превращающей морскую воду в пресную, и машины, готовящей пищу на пару. К ней еще приделана труба, очищающая сырой воздух.

Во всех ордерах к Фалееву князь торопит с окончанием строительства в Херсоне кораблей «Мученик Василий», «Мученик Леонтий», галеры и др. От них зависел и решающий штурм Очакова. *«Много они нужны. Нельзя предпринимать без них»*, — писал Потемкин в одном из ордеров. В те же дни три турецких корабля прошли в крепость на подмогу осажденным. Почти ежедневно продолжались бомбардировки крепости и ответная стрельба по позициям русских. А залпы русских корабельных орудий, из-за сильного волнения в лимане, редко попадали в цель. В конце месяца все было довольно спокойно, если не считать постоянных бомбардировок и взрыва большого порохового склада в Очакове, в результате которого, по свидетельствам турецких дезертиров, были убиты несколько сот человек. Добровольно выходявшие из осажденного Очакова турки принимались на работу. Так, турок Топчи Мегмед был определен к фонтанному мастеру.

7 ноября произошло важное событие под Очаковым — запорожские казаки под командою кошевого атамана Антоны Головатого взяли остров Березань и расположенную на нем крепость. Утром в 9 часов казаки на «чайках» подплыли к острову и захватили береговые батареи. Гарнизон вывесил белый флаг. В плен сдались двухбунчужный паша и 280 человек турок.

Ожидался решительный штурм Очакова, и, предполагая большое количество раненых, Потемкин приказывает очистить покои Витовского госпиталя, а выздоравливающих перевести в другое место.

В тот год зима была суровой, вошедшей в историю под названием «Очаковской зимы». Уже в конце ноября начались сильные морозы.

Первоначально штурм Очакова планировался на 24 ноября, когда отмечался день тезоименитства Екатерины II. Но страшная буря не дала возможности задействовать корабли, на которые Потемкин очень надеялся. Поэтому штурм был перенесен на 6 декабря — день Св. Николая (Зимнего). Об этом событии князь так писал правителю Екатеринославского наместничества В.В. Каховскому: *«Очаков, по жестокости и отчаянному сопротивлению 6-го числа сего месяца с его крепостию, ратрашаментом и замком Гасан Па-*

шинским взят штурмом. Воинство, которым я имел честь командовать, оказало при том случае опыты беспримерного мужества и неустрашимости. Турки, при всем многочислии своем, не могли выдержать сильного наступления, всюду были сломлены и опровержены. Более 8 тысяч погибло их в сем кровопролитном деле. Знатное число досталось в плен с Пашеей трехбунчужным, более 300 орудий взято артиллерии. Наш урон простирается убитыми и ранеными до 2.000»².

Екатеринославская армия, штурмовавшая Очаков, состояла из 35 пехотных полков, 28 конных, 6 егерских корпусов и нескольких тысяч Донских, Бугских и Верных казаков при 180 орудиях. Турецкий гарнизон Очакова состоял из 20 тысяч человек.

Военной добычей взято: мортир и пушек — 310, знамен — 180, пленных — 4000 человек. Турки потеряли убитыми — 8370 человек, в том числе 283 офицера, 1140 человек умерло от ран. Российская армия потеряла: убиты — 1 генерал-майор, 1 бригадир, 28 офицеров, 936 нижних чинов.

Взятию Очакова в день Св. Николая наш город обязан своим названием.

Место, на котором расположился Николаев, было заселено еще до его основания. Еще в начале 80-х годов XVIII века территория современного города была отмежевана санкт-петербургскому купцу Якову Андреевичу Францу Фабру³ по повелению Григория Александровича Потемкина. Канцелярия в те годы работала медленно, и пока составлялись планы отведенной земли и межевые книги, обстановка в нашем крае изменилась, и земля, отведенная Фабру, понадобилась для других нужд. Поэтому летом 1787 года Екатеринославскому наместническому правлению было передано предписание светлейшего князя: «...отведенную в прошлом 783 году

² Записка о содержании старых письменных актов Новороссийского края // ЗООИД. — 1848. — Т. 2. — С. 742.

³ В декабре 1786 года семейство швейцарца Фабра находилось уже в Херсоне, где с ними встретился венесуэльский военный деятель Франциско де Миранда (1750–1816), путешествующий по Украине. В своих дневниковых записках Миранда рассказал историю, происшедшую на Фаборовой даче незадолго до этого. На семью Фабра, мать жены и еще одного их знакомого напали какие-то «казаки-разбойники». Они ранили приятеля и учинили насилие над женщинами.

по повелению Его Светлости в Херсонском уезде при устье реки Ингула иностранцу Фабру землю 1500 десятин при-
нять в казенное ведомство и препоручить оную подпол-
ковнику и кавалеру Касперову⁴ с надлежащим о сохранении
сделанных там разных заведений приказанием». Правление
определило из владения Фабра исключить отведенную ему
землю и причислить ее по-прежнему к казенному ведомству.
Составленные же планы и межевые книги, не выдавая Фабру,
уничтожить. Касперовым было составлено подробное опи-
сание всех строений, которые входили в хутор Фабра.

Для создания плана своего любимого города Потемкин
пригласил приехать на юг знаменитого архитектора Ивана
Егоровича Старова, автора планов Таврического дворца, за-
городных дворцов и ряда городов. Зодчий сделал не только
план города, который сохранился без изменений до наших
дней, но и проекты строений на главной площади и двор-
цов Потемкина и графини А.В. Браницкой в Богоявленске.
Но последние дворцы не были окончены при жизни князя,
и пожить там ему не довелось. Долгое время сохранялись
только парки и дворец Потемкина в Спасске. Описание этих
объектов можно найти в записках путешественников, побы-
вавших здесь в конце XVIII – начале XIX веков.

Через восемь лет после смерти князя в наших краях побы-
вал Владимир Измайлов⁵. Упомянув собор Григория Вели-
кой Армении⁶, он пишет: *«Соборная церковь во имя Св. Григо-
рия есть прекрасный храм, украшенный более величеством
простоты, нежели блеском пышности...»*

*Но имя сего храма посвященного верою Христиан-
скою кротости, смиренню и благочестию, напоминает об
имени того человека, которого долго окружала в России
знатность, сила и роскошь. Память его дел, его влияния
на политические обстоятельства России, его участие в до-*

⁴ Так в документе. Касперов (Кашперов) Василий Петрович (1742 – ?), подполковник, командовал 1 Бугским полком, участвовал в русско-турецких войнах 1768 – 1774 и 1787 – 1791 гг. Предводитель дворянства Херсонского уезда. Владелец деревень Касперовки и Касперо-Николаевки.

⁵ Путешествие в полуденную Россию в 1799 году Владимира Измайлова. Ч. 2. — М., 1805. — 144 с.

⁶ Впоследствии при императоре Павле переименован в Адмиралтейский собор.

верности славной Екатерины, какое бы впрочем суждение не произнесло о том потомство, переживет без сомнения бытие сего храма, в честь ему воздвигнутого и его именем названного».

Остановим ненадолго нашего путешественника, ибо сказанное им оказалось пророчеством. Ну откуда ему было знать о наших 30-х годах и о разрушенных церквях? Одной из жертв этого процесса стал собор Григория Великой Армении. Знать Измайлов этого не мог, и имел в виду он, скорее всего, совсем другое — тленность материального и бессмертие духа человеческого. Измайлов писал дальше: *«Николаев есть другой памятник Князя Потемкина, а особливо того дня, в которой сей щастливый полководец, с изнуренным воинством, среди жестокой зимы, по долгой и упорной осаде, разрушил наконец стены Очакова, и овладел сим городом, сколько силою мужества, столько и силою веры; ибо солдаты не шли, а летели на приступ предпринятый в день Святого Николая, веря несомненно, что тень праведного мужа плавает над ними, и за них сражается с неверными. В честь Святого, назвали его именем новый город Николаев, заложенный вскоре по взятии Очакова».* Книга Измайлова вышла, переработанная автором, в 1805 году, уже после смерти Павла I, поэтому автор открыто называет имя князя, которое предпочтительнее было не упоминать при жизни императора.

Описывает Измайлов и другие места Николаева, связанные с именем светлейшего: *«Если вы хотите увидеть романтическое место, пустыню, сотворенную для любви и блаженства, то взгляните на Спасское уединение в двух верстах от Николаева; взгляните на светлый домик с галереєю и террасою, на берегу реки Буга, осененного сребристыми тополями; загляните в темные аллеи сада, в таинственные беседки, как будто бы самим Амуром в тени и прохладе сокрытые, в зеленые насаженные лесочки, где изгибы тропинок, бархат лугов, игра водопадов манят вас...*

Сие милое убежище, сие божественное уединение, где надлежало бы укрываться одним нежным любовникам, было жилищем великолетия, роскоши и праздности.

Там Русский наш Ришелье беседовал в кругу других вельмож в удовольствии и неге; там одним взором и словом повелевал он природе, которая вдруг переменялась пред ним в своих видах; там, уединясь в густоту леса, открывался он,

может быть, одному небу в тоске и скуке, которые среди земного величества томили его душу.

Теперь ничего не осталось; дом и сад запустели, и ничего в мире не сохранило их памяти...».

Спасское урочище, бывшая Фаберова дача, а ныне Яхт-клуб, было тем местом, которое Григорий Александрович выбрал для своей загородной резиденции. Строительство дворца здесь велось в 1789–1790 годы под руководством инженер-поручика С. С. Григорьева. В конце июля 1790 года Фалеев торопит архитектора В. А. Ванрезанга: *«Дом в Спаске до приезда Его Светлости оштукатурить, залу и спальню, да подле оных два покоя сделать за шесть дней, чтобы просохло».* Но приехал Потемкин только в середине сентября на несколько дней и еще на сутки останавливался в начале августа 1791 года, в свой последний приезд в Николаев. Это было двухэтажное здание с изящным бельведером, поставленное близко к склону высокого берега реки Бут, так что его второй этаж оказывался первым со стороны центрального входа. Первый этаж сложен из камня, второй был деревянный. С трех сторон здание окружала идущая по обеим этажам галерея. На бельведере располагалась бильярдная, стены которой украшала живопись — скромные гирлянды вокруг окон. Более нарядной была живопись центрального зала — под потолком шел фриз с растительным орнаментом, по стенам — цветочные гирлянды и танцующие женские фигуры в развевающихся одеждах с лентами в руках. Кто же автор этого великолепия? В Николаевском областном архиве хранится документ, отвечающий на этот вопрос. В «Списке о находящихся при казенных строениях архитекторах и художниках», составленном после 15 апреля 1792 года, то есть уже после кончины князя, указаны *«Живописцы от светлейшего князя присланные: адъюнкт Федор Щербаков, Леонтий Кочнев, Василий Шветов, Матвей Алимтеев, у трения красок Иван Семенов».*

Первый из них, Федор (Федот) Афанасьевич Щербаков, был назначен Потемкиным адъюнктом-профессором преподаваемого Екаторинославского университета. Как мастер «живописи исторической и перспективной архитектуры» работал при украшении Таврического дворца, принадлежавшего светлейшему. С 1786 года Щербаков работал в Таврической области, а с июня 1791 года находился в ведении М. Л. Фалеева в Николаеве. Тогда-то и были расписаны наши

дворцы. Трое остальных мастеров были «собственные люди Его Светлости», то есть крепостные, специалисты во фресковой и исторической живописи, и работали «при расписывании церквей и домов в новоформирующемся городе Николаеве». Работал с ними еще вольнонаемный Федор Голушкевич. Употреблявшийся для растирания красок маляр Иван Семенов был рядовым Преображенского полка. До конца 1792 года живописцы находились в ведении Фалеева, а после смерти последнего уехали в Санкт-Петербург.

Израдно перестроенный в 1840-е годы, дворец долгое время использовался под Летнее Морское собрание. Окончательно он был разрушен в годы гражданской войны⁷. От этого ансамбля сохранились только лестницы из тесаного камня и так называемый турецкий фонтан, к которому когда-то была подведена чудесная вода из одного из Спасских источников.

Спустя десяток лет посетил эти места другой путешественник — князь И. М. Долгорукий. И тоже оставил нам свои записки. Описал он другое место Николаева, связанное с именем светлейшего: «...от города до Богоявленска 12 верст, а все это пространство было уже разбито на кварталы. Поживи Потемкин, Николаев стал бы шире Москвы. Места вдоль дороги были розданы приближенным.

Потемкин любил это место и разводил здесь сады. Всякое растение и дерево, какое в том климате достать можно около Крыма, все сюда перевезено на подводах и посажено без пощады человеческого поту. Теперь сад — дичь необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. Она из дикого камня на восьми столбах.

Несколько ступеней сводят в чистую прохладную воду...

Везде по саду сделаны были каналы (видел один морской офицер в 1789 году), где князь разбегал в раззолоченных лодочках. Сейчас только сухие рвы и болотистые места...».

Несомненно, ансамбль Богоявленского дворца с парком был удивительным памятником. И не только потому, что автором проекта дворца был знаменитый зодчий И. Е. Старов, а парк проектировал не менее известный садовый мастер Вильям Гульд. Само место способствовало сложению талантов. Мы не можем увидеть это сами. Но, кроме восторженных

⁷ Сожжен монархистами в 1918 году.

описаний путешественников, сохранились еще планы, которые дают некоторое представление об этой красоте. На плане Богоявленска, составленном в 1795 году, показаны «Докончанный каменный дворец» — дворец Потемкина и «Прежде заложенный каменный дом» — дворец графини А. В. Браницкой. В первом из них заканчивались внутренние работы летом 1791 года в ожидании приезда светлейшего. Это было почти квадратное в плане здание, все комнаты которого группировались вокруг большого квадратного зала в центре. Над ним был установлен для освещения купол с окнами, покрытый молдаванским гонтом. Внутри были установлены шесть голландских кафельных печей и четыре камина. Еще в декабре 1790 года Фалеев писал князю, что мастер Трикет нашел в окрестностях Богоявленска очень красивый камень — какую-то разновидность мрамора, из которого он сделал камин. Его можно поставить в кабинете светлейшего, где он должен быть по плану. В одном из писем Фалееву князь приказывал: *«О доме в Богоявленском — гонт на крышу, стены ровные под письмо»*, то есть под роспись. 25 сентября 1791 года Михаил Леонтьевич докладывал: *«В доме Вашей Светлости спальня, уборная и биллиардная со всем отделаны, оканчиваются живопись и оба Ваши кабинеты. Прекраснее и в Санкт-Петербурге нет. Остается службы сделать»*. Парк располагался между рекой Бугом и дорогой на Николаев вдоль Витовского оврага, по которому бежит небольшой ручей. С помощью ручья и были созданы эти живописные каналы, о которых вспоминали путешественники. В длину парк занимал 600 метров, а в ширину — 50. Вся площадь покрыта паутинкой извилистых дорожек, а через причудливо извивающиеся каналы переброшены деревянные мостки. В парке была построена оранжерея и уже упоминавшаяся купальня. В Ведомости, составленной в 1797 году, указано, что же было посажено в этом «плодовитом саду»: яблони привитые и лесные, орехи волошские, черешни, персики, абрикосы, сливы, груши привитые и дички, вишни, шелковицы, каштан, рябина, айва, черемуха, тополь кудрявый, осокоры прямые, ветла большая, ясень, клен, вяз. Ведомость эта составлялась спустя шесть лет, как не стало князя, а через год и Фалеева, так что за садом не было уже того ухода, что прежде.

Возвышенный юго-восточный угол сада занимал дворец князя. Долгое время считалось, что он вообще не был закон-

чен и впоследствии разобран. Но Ведомость, планы и переписка Фалеева говорят в пользу того, что здание было закончено: *«Каменный дворец, длиною и шириною 17 сажений⁸, покрыт молдаванским гонтом, внутри и снаружи оштукатурен и побелен известью, а внутри красками расписан»⁹. «Опись казенным строениям в селении Богоявленском, учиненная прапорщиком Прокофием Фридовским в 1797 году» сообщает: *«Каменный с деревянным куполом, длиною 16, шириною 15 сажений и 2 1/2 аршина, снаружи и внутри стены и потолки выштукатурены и побелены, покрыт молдаванским гонтом... в нем покоев 11, сени 1, в 9 покаях полы насланы досками, в одном асидным камнем, в сенях простым камнем... печей кирпичных голанских 6, каминов 4, очаг без железной решетки 1»¹⁰*. Уже упоминавшийся князь И. М. Долгорукий писал (в 1810 году), что княжий дом сломан и перелен в лазарет для морских служителей.*

Очевидно, версия о неоконченном княжеском дворце возникла в связи с тем, что рядом строился еще один дворец для графини А. В. Браницкой, племянницы светлейшего. И это здание по всем архивным источникам в самом деле числится неоконченным.

По опубликованным в Записках Одесского общества истории и древностей материалам, Потемкин несколько раз побывал в Николаеве. Свидетельствуют об этом ордера князя, на которых обязательно указывалось место отправки и дата. О первом посещении князем еще не существующего города мы уже упоминали. Это было 25 июня 1788 года, когда Потемкин находился в лагере при реке Куренихе. Во второй раз он побывал в Витовке 6 августа 1789 года, незадолго до написания своего известного ордера о переименовании Витовки в Богоявленское, а новозаводимой верфи — в город Николаев. В третий раз князя ждали в декабре этого же года на закладку корабля «Святой Николай». Но закладка переносилась с декабря на январь 1790 года, а светлейший все не ехал. И только после спуска фрегата в августе 1790 года он смог приехать. 9 сентября, докладывая императрице о построенном на новой Николаевской верфи корабле «Св. Николай», Потемкин не забывает упомянуть об удобности этой

⁸ Сажень в конце XVIII века равнялась 216 см.

⁹ Госархив Николаевской области, ф. 243, оп. 1, е. х. 126, л. 30.

¹⁰ Госархив Николаевской области, ф. 243, оп. 1, е. х. 134.

гавани и о том, что город «размножается и построено много хорошего строения». Следующего дня он сообщает Екатерине: «Завтрашнего дня еду в Николаев понудить многие приготовления...». 12 сентября он был уже в Богоявленске, 17 — еще в Спаске. 16 сентября князь писал статскому советнику Лошкареву: «...Я теперь в Николаеве на Буге. После завтра поеду в Бендеры...»¹¹. Это было самое длительное пребывание князя в любимом городе. К 21 он возвратился в Бендеры. О последнем приезде князя в Записках Одесского общества не упоминается, и мы расскажем о нем в следующей главе.

Первый гражданин

Кухар-Онъшко Н. А.

Погожим осенним днем в конце октября 1936 года на площади возле бывшего Адмиралтейского собора, у могилы одного из основателей Николаева Михаила Леонтьевича Фалеева, собралась группа людей. Это были представители комиссии, которой Николаевский горсовет поручил снести памятник и вскрыть могилу: от художественно-исторического музея тов. Барцевич, от горфинотдела тов. Фаермарк, от комхоза тов. Побеляцкий, от НКВД тов. Берловский.

Рабочие разобрали изящный, пирамидальной формыobelisk, и камень в тот же день свезли во двор музея. Сняли фундамент, и открылась тщательно выстланная площадка. Сбоку от нее обнаружили вход в склеп. По лестнице члены комиссии спустились вниз, в помещение довольно значительных размеров: где-то около двух с половиной на четыре метра. В одном из углов стояло андреевское знамя, в другом — российское государственное. Между ними приставлена к стене крышка деревянного гроба. Посреди обитого черным склепа, на беломраморном постаменте, под черным же бархатным покрывалом, стоял большой дубовый гроб, внутри которого находился еще один — цинковый. В ногах положена треуголка, справа от нее морской палаш, слева — шпага. Цинковый гроб был запаян, и пришлось вызывать заводских специалистов. Они прорезали крышку.

¹¹ Бумаги Г.А. Потемкина-Таврического 1790 – 1793 гг. — СПб, 1895. — С. 166. — (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 8).

Останки Фалеева лежали полностью сохраняя форму: с седоватыми волосами на голове, усами и малой бородкой, в парадном золотого шитья мундире, на груди и на шее — кресты. В сложенных руках заметна догоревшая до конца свеча.

Представитель НКВД сразу же изломал знамена, а треуголку выбросил наружу. Когда снимали орден, мундир на трупе стал разрушаться: ткань истлела и осыпалась [1]. Когда сняли ценности [2], гроб закрыли и, уже не запаивая, обвязали проволокой и на подводе отправили на кладбище, где он был установлен в Аркасовском склепе.

А место вечного уединения одного из основателей нашего города было взорвано и завалено камнями...

Имя этого человека знакомо многим николаевцам. В городе есть даже улица Фалеевская. Но много ли мы знаем о нем? Часто этот человек прятался в тени своего могущественного покровителя, выдающегося государственного деятеля России конца XVIII века Григория Александровича Потемкина. Воплощал многие его, иногда почти фантастические, «проекты». И часть тех сплетен и наговоров, что досталась светлейшему князю, пала и на имя Михаила Леонтьевича.

Кем же он был — М.Л. Фалеев? Крупный местный промышленник, владелец фабрик и судов, обладатель 24 тысяч десятин земли в Новороссии, он первым и на свои средства производил расчистку порогов на Днепре, желая сделать эту великую реку судоходной. Современники считали его знаменитым по бесчисленному богатству и миллионному капиталу. Он был поставщиком всех казенных запасов и провианта на всю российскую армию, «...богатейшего человека почти нигде не было из числа российского купечества» [3]. А в Николаеве, по существовавшему преданию, он жил в небольшом бревенчатом доме, покрытом дранью, на углу той улицы, которая сейчас носит его имя.

О Фалееве, как и о Потемкине, распускались различные слухи, распространялись анекдоты. Андрей Болотов в своей книге приводит две такие истории о Фалееве. В одной из них Фалеев показан казнокрадом в деле поставки армии сена, а в другой рассказано о том, как в имении Фалеева пахали на рекрутах вместо волов [4]. Анекдоты очень злые, досталось в них и Потемкину. Трудно сказать, что здесь правда, а что досужий вымысел. Только если посмотреть завещание Михаила Леонтьевича, составленное в феврале 1790 года, то особых

миллионов в нем не значится. Свои деревни Фалеев завещал многочисленным родственникам — племянницам и воспитаннику, а также друзьям. Денежные суммы завещаны на строительство церквей в селе Вольном и других местах [5].

И если отбросить мелочные уколы и сплетни и судить по делам, оставленным в наследство потомкам, то нетрудно убедиться, что сделал М.Л. Фалеев немало хорошего, хотя, может быть, и был сыном своего времени.

Попытаемся же по тем незначительным упоминаниям, которые сохранили для нас документы и литература, воссоздать и прочесть исписанные таким неразборчивым почерком страницы жизни «этого первого николаевского гражданина», как назвал его в своей книге автор исторического очерка о нашем городе Григорий Николаевич Ге [6].

Неизвестны ни дата, ни место его рождения. Иногда его называют «бывшим кременчугским купцом». Но это свидетельство не проливает света на место его рождения, а лишь указывает, что Михаил Леонтьевич был приписан к купеческому обществу города Кременчуга, в котором прожил немало лет. Называют в источниках и другое место. Д. И. Эварницкий в книге «История села Фалеевки-Садовой» пишет: «По происхождению он был купец из города Елисаветграда Херсонской губернии» [7]. Сведения эти автор получил в семье Комстадиусов, родоначальник которой, Федор Савельевич Комстадиус, был знаком с Фалеевым и получил от него в наследство Ингульскую дачу (позднее село Фалеевка-Садовая).

Первые сведения о Фалееве относятся к периоду первой русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг., когда он становится поставщиком армии Потемкина. Если верить полуполюгендарным сведениям, то знакомство их состоялось в Москве. Влияние такой своеобразной личности, каким являлся Г.А. Потемкин, сыграло решающую роль в судьбе Фалеева. При различии в происхождении и положении у них было много общего. Они даже внешне чем-то похожи, если верить сохранившемуся изображению Фалеева.

Светлейший князь умел примечать и ценить людей талантливых, одержимых большими замыслами, умевших делать полезное государству дело. Эварницкий пишет: «М.Л. Фалеев — замечательная личность в истории Новороссийского края. Это был один из деятельных, энергичных и умнейших сотрудников князя Г.А. Потемкина, умевший всегда угодить «светлейшему», вовремя «уклониться» от его частых вспышек

гнева и крайней нетерпеливости, и потому всегда пользовавшийся громадным доверием «светлейшего».

Одним из первых заданий Фалееву была расчистка Днепровских порогов. Конечно, идея эта первой пришла Потемкину, но Фалеев, имея средства и обладая организаторскими способностями, был тем человеком, который мог эту идею осуществить. Можно себе представить, с какими трудностями столкнулся Михаил Леонтьевич, воплощая эту почти утопическую затею — провести канал через Ненасытецкий порог. Но, будучи купцом, Фалеев прекрасно понимал неопценимое значение исконного водного пути и для торговли, и для стратегических нужд. Борьба Фалеева с порогами была неравной, усмирить их окончательно удалось только полтора столетия спустя.

В промежутке между войнами Фалеев продолжает оставаться поставщиком Потемкина, быстро поднимаясь по ступенькам служебной лестницы. Бывший купец, по данной Потемкину власти, получил сперва штатский чин, а потом и военный. В 1781 году он майор, через два года — премьер-майор, а к 1785 году получает чин подполковника. В этот период он поставляет в Херсонское и Севастопольское адмиралтейства лес, уголь, такелаж, артиллерию и разные припасы. Михаил Леонтьевич строит за свой счет корабли на Херсонской верфи и потом продает их казне. Строитель Херсона Иван Абрамович Ганнибал в 1781 году докладывал генерал-губернатору Новороссии о спуске на воду торгового судна «Борисфен», построенного «из лесов и «протчих материалов, равно как и мастеровыми собственным коштом господина майора Фалеева...» [8].

15 июня 1787 года Потемкин сообщал одному из своих адресатов: «Кинбурнского драгунского полку подполковник Михайла Фалеев сего июня 10 дня высочайшим имяным указом пожалован в полковники и повелено определить его к наблюдению за пропуском судов через Днепровские пороги». И последний свой чин Фалеев получил в 1790 г. — адмиралтейский обер-штер-кригс-комиссар для заведования всеми денежными расходами по судостроению Черноморского флота. Весной 1788 года, находясь в Елисаветграде, Потемкин приказал Фалееву отправиться в Херсон для строительства днепровско-черноморской флотилии, которая нужна была для участия в готовившемся штурме турецкой твердыни Очакова. Спустя несколько дней Фалеев уже писал своему

поставщику Михаилу Шляхтичу с просьбой изготовить или отыскать по два якоря на каждую запорожскую лодку. Этим лодкам, как и запорожскому войску, Потемкин придавал большое значение в предстоящих сражениях.

Но главным делом его жизни стали верфи при устье Ингула и Николаев. Им он остался верен до конца своих дней. Наш город был любимым детищем не только Потемкина, но и Фалеева, их лебединой песнью. Не одну сотню толстенных дел составляет переписка Фалеева с Потемкиным, купцами, подрядчиками по различным вопросам строительства города и верфи в архивах Ленинграда и Николаева. Стремительный рост Николаева в первые годы существования — в этом и заслуга Михаила Леонтьевича Фалеева.

Начало его деятельности по строительству верфи положил всем известный документ от 21 июля 1788 года, написанный Потемкиным в лагере под Очаковым: «Предписываю вам заготовить на Ингуле эллинги для построения по апробированному рисунку двух кораблей пятидесятишестипушечных». Спустя год, 29 августа 1789 года Фалеев получит из Новых Дубоссар, где в то время стоял штаб Потемкина, ордер, дающий название нашему городу. Написан он был за два дня до этого, 27 августа. Находясь в Витовке, переименованной в Богоявленск, Фалеев сообщал всем своим адресатам содержание ордера. Были посланы рапорты Каховскому (из Витовки), письмо Тибенину (из Витовки), ордер графу Бернарде (из Богоявленска), письмо Пашкову (из Богоявленска), рапорт Гуровичу (из Богоявленска). На Фалеева возлагалась масса самых разнообразных обязанностей, которые он всегда с энергией и самоотверженностью исполнял. Под его руководством строились Адмиралтейский собор и кадетский корпус, он организовывал Спасско-Николаевский мужской монастырь, следил за строительством солдатских казарм, магазинов, мастерских, кузниц, токарен, турецких бань, холодных купален, канатных заводов, речных плашкоутов, мраморных бассейнов, водяных и адмиралтейских машин, оружейных заводов. Способствовал поискам водных источников. Ратовал за насаждение около Николаева и ближних сел лесов, садов и виноградников, сеяние хлеба, развитие земледелия «на английский манер», разведение овощей.

Утром 4 октября 1791 года, когда смертельно больной Потемкин отправился в свой последний путь из Ясс в Николаев, в одной из карет, вместе с докторами и сопровождающими

князя лицами, ехал и Михаил Леонтьевич Фалеев. В этот день проехали 30 верст и остановились на ночлег в селе Пунчешты. Потемкину стало лучше, хотя он очень устал. И все стали надеяться, что если он доедет до Николаева, то там уж непременно выздоровеет. На что и сам Потемкин очень сильно надеялся.

А на следующий день Фалеев был свидетелем кончины светлейшего, последовавшей прямо в степи близ большой горы в 40 верстах от Ясс. Смерть Потемкина была жестоким ударом для Фалеева, и наверняка ускорила кончину последнего. Пережил он князя всего на один год.

Понимая, что лишился он своего главного покровителя и защитника, Фалеев в декабре того же года обращается в Черноморское адмиралтейское правление с просьбой о выдаче ему аттестата о его заслугах перед Черноморским флотом [9]. В аттестате отмечались большие заслуги Михаила Леонтьевича в деле заведения гребного флота и строительства кораблей в Николаеве, а также самой верфи и порта. Подчеркивалось, что снабжал он также Адмиралтейство лесами из собственных своих деревень в такое время, когда была в них крайняя нужда.

В апреле 1792 года в Николаеве проездом побывал екатеринославский генерал-губернатор Василий Васильевич Каховский, который в одном из своих писем поделился впечатлениями от посещения города: «Мы (с Фалеевым и Мордвиновым) осмотрели весь город и окрестности одного. Строений кончено и начато много. Вода в колодезях хороша, а в фонтанах отменно хороша. Деревьев насажено много... Михаил Леонтьевич показывал нам все сие, будучи в восхищении. Признаюсь, что я пришел в изумление, увидя столь много строений на том месте, где два года тому назад видел я два шалаша из камыша сделанных».

За свои труды Фалеев, конечно, получал награды, и не только деньгами, деревнями, землею, но и ордена. Находясь в лагере под Очаковым в июле 1788 года, Потемкин спешил сообщить Фалееву о награждении его орденом Святого Владимира IV степени. Орден был учрежден в 1782 году для награждения отличившихся на государственной службе. Еще летом 1787 года во время поездки императрицы Екатерины II в Крым были составлены списки достойных, которых Потемкин просил наградить орденом Владимира. Среди них значился подполковник Фалеев «из дворян доказывающих

опытами о устройстве населенных мест, о размножении земледелия и торговли». Среди прочих заслуг попал он в эти списки еще и за то, что провел через Днепровские пороги караван судов и лодок, на которых находилась императрица вместе с двором и иностранными посланниками. Находясь в первой лодке, Фалеев направлял путь всего каравана. В крымском архиве, фонде начальника канцелярии Потемкина Василия Степановича Попова, хранится список кавалеров ордена Святого Владимира, свидетельствующий, что статский советник Фалеев удостоен ордена Святого Владимира III степени 10 декабря 1789 года. Таким образом, он был награжден дважды. Последний орден был получен за строительство судов гребной лиманской флотилии и в честь взятия Очакова.

До нас дошло только одно изображение Михаила Леонтьевича Фалеева. Существуют, правда, варианты, но гравированы они явно с одного оригинала. Видимо, этот живописный портрет до нас не дошел, хотя его поиском никто серьезно не занимался. Ведь висел же в Одесском обществе истории и древностей какой-то портрет Фалеева. На сохранившемся изображении Михаила Леонтьевича можно видеть с одним из орденов Святого Владимира — с лентой на шее.

Когда же был написан этот портрет? Ответить поможет сам орден. В уставе ордена Святого Владимира записано, что III степень носилась как раз с лентой на шее, а IV — на груди (слева) на более узкой ленте [10]. По законам того времени, при получении ордена более высокой степени предыдущая степень сдавалась или просто не носилась. Таким образом, на портрете Фалеев изображен с Владимиром III степени, которого он был удостоен в декабре 1789 года. Значит, портрет был написан не ранее 1790 года, то есть за два с небольшим года до смерти Фалеева.

Один из вариантов портрета, гравированный Бабичевым, помещен в книжечке, вышедшей в Николаеве в 1864 году. Называется она «Михаил Леонтьевич Фалеев, или начало города Николаева». Почти все страницы этой «книжки для детей» посвящены Потемкину, биография которого и без того более-менее известна. Анонимный автор, к сожалению, не смог сообщить нам ничего нового или существенного ни о ранней истории города, ни о жизни и деятельности Фалеева. Но ценна эта небольшая брошюрка в темно-розовой мягкой обложке самим фактом обращения к личности основателя и строителя города. Автор сообщает нам полный текст

надписи на могиле: «Обер-штер-кригс-комиссар флота, бригадир и кавалер Михаил Леонтьевич Фалеев — муж чести и добра, ревностный помощник князя Потемкина Таврического в деле образования Черноморского флота. Скончался 18 ноября 1792 года, в 6 часу пополудни, после 10-ти дневной болезни». Бронзовая табличка с этой надписью была снята с памятника на могиле Фалеева еще в 1920-е годы и чудом сохранилась в фондах Николаевского краеведческого музея.

О внешности Михаила Леонтьевича могут рассказать не только его портреты, но и воспоминания людей, видевших и знавших его. Интересны воспоминания доктора Эрнста Вильгельма Дримпельмана, работавшего в Витовском госпитале в 1788 году. Вот как он описывает свой приезд в Витовку: «...я отправился к бригадиру Фалееву, дом которого мне пришлось искать недолго, потому что он отличался от прочих стенами, выкрашенными красною краской и черепичною крышею. В бригадире я нашел дородного мужчину, одетого в зеленый камчатый халат, в голубой атласной обшитой черною каймою шапочке, на верхушке которой блестела серебряная весом в несколько лотов кисть. Бригадир вооружен был длинною трубкою и занимался чаепитием, сидя на софе» [11].

Умер Михаил Леонтьевич неженатым и был похоронен в Николаеве возле алтарной стены строящегося собора Григория Великой Армении (позже Адмиралтейский собор) — месте захоронения наиболее почетных граждан города. В составленном в 1790 году завещании говорит он о приближении болезненной старости — хотя было ему тогда лет пятьдесят, не больше. В завещании Фалеев распорядился всех дворовых людей, которые при нем служили, отпустить на волю. Заканчивается завещание словами: «Со всех тех, кои должны мне по вексялям и щетам, не взыскивать денег, по смерти моей возратить им вексяля и щеты уничтожить».

Литература и источники

1. Николаевский краеведческий музей, архив Каминского Ф.Т. Записка о вскрытии могилы Фалеева.

2. Николаевский краеведческий музей, архив Каминского Ф.Т. Акт о вскрытии могилы Фалеева (в акте указано, что ценностей не обнаружено).

3. Николайчик Ф.Д. Город Кременчук : исторический очерк Ф.Д. Николайчика / Ф.Д. Николайчик. — Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1891. — С. 69.

4. Болотов, А.Т. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. В 2-х ч. / А.Т. Болотов. — Москва : П.С. Киселев, 1875. — С. 56, 57, 125.

5. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, ф. 609. Попов С., № 436, л. 1–4.

6. Ге, Г.Н. Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790–1890) / сост. Г.Н. Ге. — Николаев : Русская типолитография, 1890. — С. 3.

7. Эварницкий, Д.И. История села Фалеевки-Садовой Херсонской губернии и уезда / Д.И. Эварницкий. — Санкт-Петербург : изд. Н.Н. Комстадиуса, 1892. — 100 с.

8. ЦГА ВМФ СССР, ф. 212, Дела по годам, д. 15 – 1769 г., л. 424.

9. ЦГА ВМФ СССР, ф. 243, оп. 1, е.х. 112, л. 3–4.

10. Алейников А.Г. Каталог наград России с 1698 по 1917 гг. На правах рукописи, 1980, с. 22.

11. Дримпельман, Э.В. Записки немецкого врача о России в конце прошлого века [Текст] : [публ. А. Круглова] / Э.В. Дримпельман // Русский архив. — 1881. — Кн. 1. — С. 32–51.

Первый гражданин Николаева. Фалеев Михаил Леонтьевич

(Выборочные места из книги)

Кухар-Оньшко Н. А.

...Несколько раньше в «Морском сборнике» за 1855 год была напечатана статья историка русского флота А.П. Соколова «Бригадир Михаил Леонтьевич Фалеев», которая состоит из цитированных документов Николаевского архива — писем, написанных бригадиру, и его писем другим адресатам. В них, конечно, много свидетельств о трудах Фалеева в 1788–1791 годах, но ничего не сообщается о предыдущем периоде его деятельности. Правда, Александр Петрович дает очень справедливую характеристику своему герою: *«Бригадир Михаил Леонтьевич Фалеев — муж чести и добра; ревностный помощник Князя Потемкина-Таврического в деле образования Черноморского флота, верный и деятельный исполнитель его приказаний; искусный строитель судов, правдивый подрядчик, хороший садовник и архитектор, отличный хозяин и знаток во всех предметах; добрый сердцем — по преданию — особенно заботившийся о рекрутах, и великодушный — до того, что подобно Князю Потемкину,*

жертвовал для создаваемого им флота, не только своими талантами, но и деньгами...».

...Они познакомились еще в молодости в Москве, когда Потемкин был студентом Московского университета, а Михайло Леонтьевич — купцом. Это знакомство сыграло решающую роль в судьбе Фалеева. При различии в происхождении и общественном положении у них было много общего: деятельный ум и неумная энергия, желание послужить Отечеству и радение за общее дело. Они даже внешне были похожи выразительным лицом, гордой осанкой и сибаритским видом, если верить единственному сохранившемуся живописному портрету нашего героя. Фалеев был для князя не только услужливым подчиненным и талантливым руководителем, исполнявшим многие, часто фантастические, проекты Светлейшего. Он был и очень доверенным лицом, посвященным в совершенно секретную историю, связанную с дочерью Потемкина — Елизаветой Темкиной. А для Михаила Леонтьевича князь был не только великим и милосердным начальником, но и, как писал Фалеев о нем в завещании: *«из небытия в бытие приведем, ибо я предопределил в жизни и по смерти своей творить волю его».*

Потемкин умел примечать и ценить людей талантливых, одержимых большими замыслами, умевших делать полезное государству дело. Яворницкий писал: *«М. Л. Фалеев — замечательная личность в истории Новороссийского края. Это был один из деятельных, энергичных и умнейших сотрудников князя Г. А. Потемкина, умевший всегда угодить «светлейшему», вовремя «уклониться» от его частых вспышек гнева и крайней нетерпеливости, и потому всегда пользовавшийся громадным доверием «светлейшего».* Английский исследователь Саймон Себаг-Монтефиоре в своей книге «Князь князей. Жизнь Потемкина» писал о Фалееве, который стал *«его квартирмейстером, подрядчиком и соратником в исполинских трудах. Потемкин сделал этого гениально-го предпринимателя дворянином, и его, что редко бывает с купцами-выскочками, почитали и любили в городе, который он построил вместе со светлейшим, — Николаеве»*¹. Нам неизвестны ни время, ни место рождения Фалеева. Иногда его называют «бывшим кременчугским купцом». Но это

¹ Себаг-Монтефиоре Саймон. Князь князей. Жизнь Потемкина. — Москва: ВАГРИУС, 2003. — С. 261.

не проливает света на место рождения, а лишь указывает, что Михаил Леонтьевич был приписан к купеческому обществу города Кременчуга. Он прожил в этом городе много лет, хотя родиться мог и в другом месте. Д. И. Яворницкий в книге «История села Фалеевки-Садовой» пишет о Фалееве: *«По происхождению он был купец из города Елисаветграда, Херсонской губернии»*. Сведения эти историк получил в семье Комстадиусов, родоначальник которой, Федор Савельевич Комстадиус, был приятелем Михаила Леонтьевича и получил от него в наследство Ингульскую дачу (позднее село Фалеевка-Садовая Херсонского уезда).

В «Истории города Екатеринослава» тот же Д. И. Яворницкий пишет, что М. Л. Фалеев сперва был простым купцом из Крюкова (поселок в составе г. Кременчуга Полтавской обл.). Другой источник называет город Курск, где он родился в купеческой семье.

Начало города Николаева

...Михаил Леонтьевич хорошо помнил тот день, когда вестовой привез ему ордер Светлейшего, находившегося в лагере под Очаковом. Это был, казалось бы, обычный приказ: *«Полковнику Фалееву. Предписываю вам заготовить на Ингуле эллинги для построения по апробованному рисунку двух кораблей пятидесятипушечных»*. Но он сразу понял, какое значение имеет этот небольшой текст на обычном листе бумаги. Это было начало верфи, начало Адмиралтейства, начало его города.

К вопросу о дате рождения Николаева впервые обратились в 80-х годах XIX века, когда город готовился отпраздновать свое столетие. По поручению Николаевской думы городской секретарь Григорий Николаевич Ге (брат известного художника) исследовал документы городского и портового архивов с целью найти указ об основании города. Результатом его трудов стала книга «Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790–1890)». Фактически это была первая попытка проследить и изложить историю нашего города. В процессе своих исследований Григорий Николаевич столкнулся с тем, что не существует документа с определенной датой основания Николаева. А точнее, таких документов было несколько. И адресованы они были Фалееву.

Распоряжение Потемкина о закладке эллингов на Ингуле относится к июлю 1788 года.

Ордер о наименовании новозаводимой верфи городом Николаевом датируется 27 августа 1789 года. Спустя два месяца, 10 ноября 1789 года, князь пишет Всеподданнейшее донесение императрице: *«Избрав весьма выгодное для строения кораблей место при впадении реки Ингула в Буг и учредя там верфь, населяю я сие место под названием города Николаева, о чем всеподданнейше донося Вашему Императорскому Величеству испрашиваю Высочайшей на сие апробации»*. Но царица не стала подтверждать самовольное решение князя, и указ Екатерины II об основании нашего города так и не был обнаружен в Полном собрании законов Российской империи. Не нашли его копии и в Николаевских архивах. *«В литературе этого вопроса, — пишет в своей книге Г. Н. Ге, — мы встречаем упоминания о том, что Высочайшее повеление о наименовании нового города последовало в 1790 году»*. В это время, 30 сентября 1790 года, Фалеев получил свой последний чин — адмиралтейского обер-штеркригс-комиссара для заведования всеми денежными расходами по судостроению².

Строительство верфи при устье Ингула и самого города становится главным делом его жизни. Он остается верным ему до конца своих дней.

Николаев был любимым детищем не только Потемкина, но и Фалеева, их лебединой песнью.

Не одну сотню архивных дел составляет переписка Михаила Леонтьевича со Светлейшим князем, купцами, подрядчиками по различным вопросам строительства города и верфи. В стремительном росте Николаева в первые годы существования — большая заслуга и Михаила Леонтьевича Фалеева.

Новый город, существующий пока в воображении наших отцов-основателей, имеет уже свое первое поэтическое название — Усть-Ингул. Появилось это название в начале 1789 года, когда на месте будущего города начались строительные работы. Свои ордера Фалеев в это время адресует инженер-подпоручику И. В. Соколову, который руководил строительными работами. *«Ломку камня и теску онаго, так-*

² Соответствовал генеральскому чину бригадира и переводился как старший морской комиссар. В табели о рангах соответствует V классу и относится к морскому ведомству.

же и приготовление извести на Усть-Ингуле умножьте наемом вольных подрядчиков. А о снабжении вас деньгами предписал я поверенному моему Жидкову в Херсоне находящемуся и буду ожидать при всяком случае уведомлений ваших об успехе старания вашего», — писал Михаил Леонтьевич в апреле 1789 года. Камень, из которого построен Николаев, — известняк, единственный распространенный в нашей местности строительный материал. Заготавливали его в окрестностях города³.

В июне Соколов получает от Михаила Леонтьевича новое задание: *«На плане, делаемом вами месту, располагаемому на Усть-Ингуле для адмиралтейства, предлагаю вам назначить, где есть криницы поблизу онаго адмиралтейства, сверх того стараться вам наипрежнейшие делать там кирпич, чтобы к осени было готово не менее 300 000. Из выстроенных печей умножить для зжения извести сколько можно больше...»*.

В следующем месяце была составлена «Ведомость, сколько находится в Витовке и на Усть-Ингуле для работ вольнонаемных и прочих людей», которая свидетельствует, что на Усть-Ингуле в это время строительные работы были ничтожными — 23 человека делали фонтан (в Спасске), 48 человек занимались ломкой камня и 29 человек заготавливали камыш для сараев. В Витовке велись более масштабные работы, и занято здесь было 195 человек, которые делали кирпич, строили госпиталь и жилье, красили крыши, ломали камень и производили другие работы.

8 августа 1789 года Фалеев сообщает в канцелярию строеной города Херсона, что присланный *«из оной канцелярии каменных дел мастер француз Антон Вектан⁴ для производимых на Усть-Ингуле казенных работ здесь оставлен и как по новости заведения [города] и один он управиться может, то другие мастера... обратно посылаются»*⁵.

5 сентября 1789 года Черноморское Адмиралтейское правление получило рапорт господина статского советника и кавалера Фалеева, в котором он сообщает содержание

³ В документах встречается наименование «спасский камень», добываемый в Спасске — сейчас район Яхт-клуба.

⁴ Антон Вектан (1759 – после 1829). Каменных дел мастер, в 1786 г. приглашен на русскую службу Потемкиным. Работал в Николаеве и построил многие здания к XVIII – I пол. XIX вв.

⁵ ЦГА ВМФ, ф. 245, оп. 1, е. х. 33, л. 300 об.

ордера Его Светлости Григория Александровича Потемкина о наименовании города Николаева. Правление приняло решение сообщить об этом во все подчиненные правлению места и в департамент.

С начала сентября в документах исчезает название Усть-Ингул, а появляется сначала Николаевград, а потом просто Николаев. В городе увеличивается объем строительных работ. Только на ломке камня теперь работает 200 человек. Более 400 работников заняты в Спасске изготовлением кирпича, постройкой сараев, заготовкой камыша. В новый, еще практически не существующий город начинают съезжаться подрядчики и купцы. Они берут на себя перевозку строительных материалов, инструмента, кафельных печей, провианта. А также берутся за постройку различных строений. 11 сентября 1789 года Фалеев подписывает контракт с подрядчиком поляком Теодором Ивановичем Ляховецким. Он обещает построить «...в городе Николаеве по данному мне плану пять каменных офицерских связей с лучшей и прочною работою... В случае если господин Фалеев усмотрит мою нерадивость и тщетное только продолжение нынешнего само удобнейшего к сему построению время, волен он всякое время отказать от работы, нанять на мой счет исправнейших подрядчиков и ими окончить построение»⁶.

В подобных договорах всегда оговаривалось, что строительство будет вестись по данному плану и в указанном месте. Уже с самого начала в Николаеве соблюдалось точное следование четкой планировке. Это была идея Светлейшего князя, но в жизнь воплощал ее Михаил Леонтьевич.

Строительство набирало все большие темпы и требовало большого количества стройматериалов, которых всегда не хватало. Одним из постоянных поставщиков Фалеева был херсонский купец Иван Дмитриевич Гусев. В письме от 1 октября 1789 года Михаил Леонтьевич просит его прислать в Богоявленск и Николаев плотников, двадцать продольных пил с подпилками, а также дерева на большую землянку, избу, сени, лавки. Новому городу нужны были не только рабочие, инструменты и материалы, но и самые элементарные вещи и продукты, которых взять было негде в пустом еще городе. На следующий день Гусев получает новый заказ, в котором — снова просьба о лесе, сбоку — приписка: «*Пришлите седа*

⁶ ГАНУ, ф. 243, оп. 1, с. х. 1, л. 5.

вотки каршиневой шесть бутылок, параванскова масла шесть банок, пробок триста, холста для полотенцев 25 аршин. Петрушке парикмахеру сапоги».

Фалеев ведет переписку со многими лицами и по самым разным вопросам. К доктору Даниле Самойловичу он обращается с просьбой прислать на Николаевское Адмиралтейство для лечения больных адмиралтейских служителей и рекрутов *«одного исправного лекаря, а равно и медикаменты по прилагаемому здесь каталогу»*⁷.

18 октября инженер-подпоручику Ивану Васильевичу Соколову поручено разработать планировку кварталов в Богоявленске, где будут расселены заштатные церковники, переведенные из Черниговской губернии. Все строения должны выполняться по заранее утвержденному плану.

Инженер-подполковнику И.И. Князеву Михаил Леонтьевич сообщает, что садовник Его Светлости Вильям Гульд оставил для него карту осушки болота в Лесках. Почва в этой местности была сильно заболоченной, и Гульд предложил провести каналы для отвода влаги. Очевидно, для этого Гульд использовал керамические трубы, остатки которых были найдены в 1960-е годы при сооружении стадиона «Судостроитель».

В октябре 1789 года появляются ордера Фалеева, адресованные канцелярии строений города Николаева, хотя официальное распоряжение князя об основании этого учреждения последовало только в январе 1791 года, после того, как в октябре 1790 года Екатерина II утвердила Николаев адмиралтейством и городом.

Последний приезд Г. А. Потемкина в Николаев

...Начиная с мая он ожидал приезда Светлейшего из Петербурга на юг. А тот все не ехал. Из столицы приходили сообщения, что князь уже выехал, но время шло, а столь ожидаемый великий гость так и не объявлялся. Михаил Леонтьевич несколько раз выезжал ему навстречу до Кременчуга, но все было напрасно. Только в конце июля появились правдивые сведения, что Григорий Александрович выехал из Северной Пальмиры. Он пробыл в Николаеве меньше суток. И никто тогда не знал, что это был его последний приезд...

Это был последний, четвертый, приезд Потемкина в любимый им город. И самый кратковременный. Он приехал

⁷ ЦГА ВМФ, ф. 245, оп. 1, е.х. 33, л. 394 – 394 об.

в Николаев на рассвете 3 августа, но, получив от князя Н. В. Репнина донесение о начавшемся перемирии с турками, в тот же день отправился в армию в Яссы.

Несмотря на краткость пребывания Потемкина в городе, увидеть он кое-что успел. О его прибытии сообщила пушечная пальба, произведенная в Адмиралтействе. Остановился он в уже готовом Спасском дворце (Богоявленский так и не закончили). Князь осмотрел, как идут работы на объектах, которыми руководил Фалеев, и дал ряд рекомендаций. Но у Потемкина было еще одно приятное поручение — вручить Михаилу Леонтьевичу пожалованный Екатериной II бриллиантовый перстень, письмо о котором он получит только 13 августа. Очевидно, это была награда за строительство верфи и кораблей. Своим адресатам (Каховскому В. В., Попову В. С., Янченкову А. М., Галенкину Г. К. и др.) Фалеев сообщал, что из-за болезни не смог принять, сопровождать, угостить и проводить «высокого посетителя». И находился он при князе всего два часа, а потом слег, впал в беспамятство и даже не помнил точно, когда Светлейший уехал. В одном письме он указывает 12 часов пополудни, а в другом — 18 часов пополудни. Не будучи уверен в наличии лошадей на маршруте до Бендер, князь поехал в ставку через Ольвиополь.

В конце августа императрица получила известие от 21 числа из Киева, что князь Потемкин очень болен, и к нему в Яссы поехала его племянница, графиня А. В. Браницкая.

Тем временем Фалеев, оправившись от болезни, начинает выполнять последние распоряжения и пожелания Светлейшего князя и руководит строительством города и кораблей. В одном из ордеров городничему Д. Якимовичу он пишет: *«При неоднократном моем личном обозрении довольно приметил я, что на отведенных в Николаеве, разным людям для постройки домов, местах, кроме неприготовлении материалов не имеют к тому попечения. Для того предписываю вам, всем таковым объявить, что если они нынешнего месяца строиться не станут, отобраны от них будут места, а отдадутся тем, которые к постройке домов приложат попечение»*. Это был действенный метод для быстрой застройки и заселения города.

Проживает Михаил Леонтьевич в это время в Спасске (вероятно, во дворце князя), так как на всех письмах и ордерах указано именно это место отправления. Решать ему прихо-

дилось разные вопросы, и не всегда приятные. В письме капитану над Николаевским портом Ивану Тихоновичу Овцыну он выражает согласие, *«чтобы над сужденным инвалидом Лукьяном Радионовым экзекуции произвести не в рабочий день, и тем бы не потерять по адмиралтейским работам времени, я согласен, и определяю выполнить сие в первый следующей праздничной день. По вашему благоразсмотрению»*. Фалееву предстоят далекие поездки, и он заботится об удобной карете, *«чтоб мне можно было в одной лежать ибо иначе по слабости своей отправится в дорогу в коляске не могу»*. В последний свой приезд князь поручил ему поехать в Севастополь к Ф.Ф. Ушакову *«для некоторых нужных переговоров»*. Но немного позже ехать бригадире довелось совсем в другую сторону.

15 сентября Фалеев отправляет приказ управителю Вольнянской экономии Снигиреву: *«Предписываю вам вырыть как наискорее 10000 молодых дубков для разсаживания близ Богоявленска и Николаева вышиною от одного до полутора аршин (аршин — 72 см. — Прим. авт.)»*.

В пространном приказе он поясняет, что деревья нужно выбирать растущие на полянах или на открытом месте, то есть крепкие, беречь в целостности корни и на байдаке при перевозке корни засыпать землею. Обер-квартирмейстеру подполковнику Ситникову он рекомендует учредить в городе Канцелярию строений и руководить всем производимым строительством в Николаеве, Богоявленске и селениях (адмиралтейских). Инженер-капитану Неверову поручается наблюдение за строительством на Адмиралтействе мастеровых связей и солдатских казарм. В рапорте правителю Екатеринославского наместничества В.В. Каховскому Михаил Леонтьевич просит учредить в городе присутственные места и купеческий магистрат, без которых невозможно решить многие насущные вопросы.

На следующий день он снова пишет Каховскому о приказе Потемкина *«отводит места для загородных домов, живущим в городе Николаеве штаб и обер-офицерам и прочим гражданам... прошу прислать ко мне межзевицка и снабдить меня планом Николаевского уезда...»*. Еще в апреле 1790 года Светлейший обращался с ордером к Екатеринославскому губернатору В.В. Каховскому с заданием составить из части сел Елисаветградского и Херсонского уездов Николаевский уезд и нанести его на карту.

18 сентября 1791 года Михаил Леонтьевич обратился в Черноморское Адмиралтейское правление с рапортом, в котором сообщил, что со дня переименования его из статских советников в обер-штер-кригс-комиссары вот уже год он не получает провиант на положенных ему по чину семь денщиков⁸.

20 сентября было отправлено письмо В.С. Попову о том, что еще в марте в Москве Фалеев приискал нескольких нужных в Николаеве архитектурских помощников, которые работали в экспедиции строений Кремлевского дворца. Положительного решения этого вопроса так и не последовало от Светлейшего князя, и николаевские строения лишились знающих специалистов. Несколько документов в эти дни были посвящены организации карантинной службы в Соколах, Богоявленске и Станиславе. Это было связано с появлением в Константинополе моровой язвы, которая распространилась из Египта.

Смерть Г.А. Потемкина. Аттестат

...До конца сентября ему не верилось, что со Светлейшим может что-то случиться. Он казался таким мощным, непреодолимым, вечным. Постоянные заботы о верфи, кораблях и городе отвлекали от страшных мыслей. Известие из Ясс о смертельной болезни князя было как удар грома, и, оставив все дела на верных помощников, он помчался к своему великому начальнику, надеясь уговорить его уехать в Николаев.

В конце августа 1791 года Потемкин сильно заболел. В течение сентября тяжелые припадки сменялись небольшими периодами облегчения, во время которых князь занимался насущными делами. 6 сентября В.С. Попов писал Екатерине: *«...всякий день по утру занимается князь слушанием вступающих отовсюду дел, не в состоянии будучи сам читать, приказывает по оным разные исполнения и когда только может приподняться, то подписывает нужные бумаги, хотя весьма слабою рукою»*.

Среди таких распоряжений Светлейшего была и забота о Богоявленском саде. Для него были выписаны из Ясс деревья, за которыми из Николаева в Яссы был послан княжий садовник Алексей Романов:

⁸ ГАНО, ф. 243, оп. 1, е. х. 74, л. 104.

*«Персииков хороших родов – 300 дерев
Абрикосов – 300 дерев
Дуль (груш) молдавских – 200 дерев
Яблок – 100 дерев
Яблок скороспелых – 100 дерев
Черешен разных родов по 300 дерев
Слив по 100 дерев
Венгерских яблок малинных – 1000 дерев
Розанов – 1000 кустов
Вишен крупных – 500 дерев
Лилей белых – 300 луковиц
Лилей красных – 100 луковиц
Пионов – 200 кустов
Травы острагону – 1000 кореньев*

Пахучей травы: колуферу, и прочих побольше писано доставить. Винограду венгерского лоз 5000 и разного сорту мушкатного 3000 лоз, о котором ежели будет готов, доставить, естли лоз венгерских в Яссах нельзя отыскать, то не можно ли послать за оными в Венгрию».

Еще одного посыльного с подобным списком он отправил в Таврию 29 сентября.

Последний год

...Как не хватало ему теперь решительных и умных повелений Светлейшего, как сложно было доказывать новым руководителям необходимость завершения задуманного князем, убеждать в том, что это не чья-то прихоть, а государственная необходимость. Михаил Леонтьевич подумал, что они отменили почти все начертания его начальника, и решил, что пора уходить в отставку.

Фалеев пережил своего благодетеля всего на один год. И этот последний год он с усердием и рвением продолжает дела, начатые еще при Потемкине. 10 ноября 1791 года он благодарит в письме бендерского плац-майора В. И. Фливерка за присылку фруктовых деревьев, которые «нужны мне оные в знатном количестве для размножения по завещанию Его Светлости в Николаеве и Богоявленске».

Михаил Леонтьевич продолжает заботиться, по завещанию Светлейшего, о разведении фруктовых деревьев. Городничему Богоявленскому капитану Бродскому дано задание прислать в Спасское молдавских садовников «для починки дерев, приказав им ножи взять с собой».

В эти же дни Михаил Леонтьевич пишет рапорт генерал-аншефу М. В. Каховскому об окончании строительства мореходного судна акат № 2: «...под командою капитана-лейтенанта Юнга при благополучном восточном ветре с Николаевского рейда пошло к Очакову, где возмет ядры и кнители, а по взятии их отправится в Севастополь». Это был второй, и последний, акат, построенный по заданию Светлейшего князя.

В апреле 1792 года в Николаеве проездом побывал Екатеринбургский генерал-губернатор Василий Васильевич Каховский, который в одном из своих писем поделился впечатлениями от посещения города: «Мы [с Фалеевым и Мордвиновым] осмотрели весь город и окрестности оного. Строений кончено и начато много. Вода в колодезях хороша, а в фонтанах отменно хороша. Деревьев насажено много... Михаил Леонтьевич показывал нам все сие, будучи в восхищении. Признаюсь, что я пришел в изумление, увидя столь много строений на том месте, где два года тому назад видел я два шалаша из камыша сделанных».

...Фалеев снова пишет Василию Степановичу (Попову), очевидно, последнее и очень большое письмо — на 4-х листах с двух сторон. Наверное, это самое большое его письмо. А для нас оно — чрезвычайно интересное. В первую очередь он сообщает об изобильном урожае хлеба в окрестностях Николаева и Боявленска: «...от Николаевского порта за море отпущено на 9 судах 2400 четвертей (русская мера XVIII века — более 200 кг. — Прим. авт.) и еще нагружается 3 судна, из которых одно большое, могущее всех вместить — больше 2000 четвертей». Я пересчитала отправленный за границу урожай в современных мерах объема сыпучих тел — получилось больше 1000 т. И это только окрестности Николаева!

Обычно большой урожай снижает цены на товар, но Михаил Леонтьевич считал, что цену на пшеницу нужно поднять до трех рублей за четверть. Дальше он пишет секретарю Екатерины II: «Все дешево здесь, мука ржаная с небольшим рубль, арбузов воз по 20 копеек, капуста дешева, говядина в хорошей части по 3 денежки⁹ фунт, а поплоче по копейке продается». Любопытную информацию сообщает Фалеев о местных огородных культурах. В посылке к Попо-

⁹ Деньга — 0,5 коп.

ву в Санкт-Петербург были отправлены вместе с заморскими фисташками и финиками 2 четверика (50 кг) гороха¹⁰, которые «дал мне в Яссах покойный Светлейший князь на развод — он отменной от российского, спелой остр и тем и вкусен, не разсудете ли поднести Ея Величеству и капарусы [кукуруза. — Прим. авт.] 50 початков, сия тем любопытна, что многоплодна, от одного зерна по три и по четыре шишки родится»¹¹. Подробная характеристика дается и пшенице «арнаутка», которой много сеют в здешней губернии и охотно покупают в заморский отпуск. Правда, хлеб из нее не так вкусен и быстро черствеет.

¹⁰ Возможно, речь идет о бобовой культуре, распространенной в Турции и на Балканах, под названием нут или турецкий горох. В молочной спелости он кисловатый, а используется в сыром и в вареном виде.

¹¹ ГАНО, ф. 243, оп. 1, е. х. 90, л. 336.

2

МИКОЛАЇВ ОЧИМА СУЧАСНИКІВ І ДОСЛІДНИКІВ ЕПОХИ КІНЦЯ ХVІІІ – ПОЧАТКУ ХІХ СТ.

Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790 – 1890)

(Отрывок из книги)

Ге Г. Н.

Введение

Город Николаев явился одним из множества последствий того исторического дела, которое начали вести восточные славяне, живя еще врозь, и которое, по соединении их политического существования в одно могущественное государство, пошло у них ходчее. Это вытеснение азиатцев с исконных славянских земель в наши дни доведено почти уже до конца, а в прошлом веке, представляя еще только раздвигание южной границы России, завершилось Ставучанской победой. По Белградскому миру, в 1740 году наша граница между Бугом и Днепром определилась следующей вогнутой линией. Начавшись от Буга, — верст 40 ниже Ольги, ставшей у нас Голтой, — дуга пересекла реки: Мертвовод (верстах в 30 выше теперешняго Вознесенска), Громоклейку, Ингул, (близ теперешняго села Привольнаго), Висунь и Ингулец (у Белаго Брода, теперь — Давидов) и кончилась эта дуга у Днепра в том месте, где теперь Бизюков монастырь, значит верст 30 выше Берислава. На новой границе тотчас же

было построено 14 укреплений. От бугского конца она продолжалась на северо-запад самым Бугом до реки Синюхи, за которою была уже Уманская козацщина, принадлежавшая Польше¹.

Прибужье в то время не представляло глухой степи, как думают многие. Напротив, этот край был довольно густо заселен татарами, считавшимися под властью Турции. Оно и естественно. Россия, подвигая свою границу вперед, этим самым сгущала за ней татарское население. Рассматривая карту того времени и вчитываясь в названия татарских поселений, убеждаемся, что между ними очень много было южно-русских, не говоря уже о таких, как Воскресенск, Арбузино, Костовата, Андриевка и т.п. Между татарскими названиями попадаются очевидно переводные с южно-русских. И наоборот, в некоторых из теперешних наших названий узнаем татарския, которыя мы переиначили по-своему: Каранья-Кир стал Коренихой; Киль-борн стал Кинбурном и т.д. Одним словом, край при низовьях Буга, Ингула, Ингульца и Днепра в прошлом столетии был довольно густо населен крымскими татарами, среди которых были и турки, а также поселки выходцев из польской Руси. Северная же часть этой степи, называвшаяся уже Новою Русью и уже принадлежавшая России, была очень пустынна, так как на место вытесненной азиатчины еще не прибывало новых поселенцев. Эти раздольные местности позади укрепленной границы занимали тогда только запорожцы, еще гнездившиеся на своем Днестре. То были степи: Днепровская, Ингульская, Бужская и (у Синюхи) Степь Мертвых.

Вот положение, в каком находился в 1740 году теперешний наш приニコлаевский край. Затем, в царствование Елизаветы Петровны, у верховьев Ингула была построена крепость, названная по имени Царицы, ставшая потом Ели-

¹ Описание границы сделано по карте того времени. Ея заглавие на языках польском, французском и турецком представляет следующее: «Границы Польши от Балты до реки Синя-Вода, обнимающия территорию Козаков Уманских и Запорожских; степи Татар Очаковских, Бессарабских, и Ногайских с их Ордами, какия находились в конце 1767 г. под властью Хана Крымскаго. Кроме того, здесь обозначены течения Буга и Днепра, а также Борисфена от его порогов до его впадения в Черное море». Надписи на этой карте польская и турецкая. Место издания не показано. Гравировка прекрасная. Эта библиографическая редкость принадлежит А. И. Косякову.

саветградом; пустынная степь начала заселяться, — преимущественно выходцами: сербами, хорватами, болгарами, молдаванами. А когда наступило блестящее царствование Екатерины II, то движение нашего исторического дела возобновилось. И первая же екатерининская война с Турцией явила еще неслыханную, поразительную мощь России. Заключенный в 74 году Кючук-Кайнарджийский мир смутил, сильно встревожил Австрию. Однако наша граница таки подвинулась днепровским концом вперед и вся легла по течению Буга до лимана. Азиатство ушло за Буг. Оставшиеся на левом берегу русские поселки представили уже очень редкие оазисы среди этой степи. Правительство Царицы спешило обселить приобретенный край. А молва о силе и славе русской державы, разгромившей Турцию, громким гулом расходилась во все стороны. В Польше тогда переживалось очень смутное время. «Первый раздел» ея уже был совершен и в ея Руси, среди низших классов населения, явилось движение в эмиграцию. Целая волна мещан и сельчан хлынула в опустелое прибужье, где эти люди надеялись получить от сильной русской власти обеспечение желанному спокойному житью. Сохранившееся распоряжение новороссийскаго губернатора Муромцева (от 11 июня 1776 года)² показывает, что местность теперешняго Николаева в то время представляла именно ту, которую хотели поскорее заселить. Сюда-то направлял Муромцев выходцев из польской Руси. Между ними были и евреи. О принятии их ходатайствовал балтский кагал. Муромцев не отказывал их просьбам, но при этом требовал, чтобы поселяющийся еврей привел с собой пять христиан. Можно сказать с уверенностью, что между выходцами из Польши много было католиков. Объясняется это тем соображением, что происходившее тогда в Польше порождало именно для этих католиков тягость обязательных для них проявлений польскаго патриотизма, котораго у мещан Руси, хотя бы и католиков, не могло быть много, так как они в сущности, были людьми русскими, да и дело спасения распадавшагося государства считалось у них делом дворянским. Что же касается выходцев православнаго вероисповедания, то это были сплошь земледельцы, и потому они садились у Ингула и Буга особыми поселками и хуторами.

² Архив Екатер. губ. правл. и журн. «Восход» за 1887 г.

Итак, вскоре после Кючук-Кайнарджийского мира началось образовываться разнородное поселение на теперешнем николаевском полуострове. К нему стали прибывать люди и из Великой Руси. Между этими поселенцами были разные сектанты.

Но вот открылся поход русских войск в Крым, который в силу Кючук-Кайнарджийского мира уже не зависел от Турции. Военные и политические действия Потемкина в этом походе завершились в 83 году присоединением Крыма к России, что породило удаление в Азию уже целой массы татар. А еще четыре года спустя, князь Потемкин Таврический уже опять вел войну с самой Турцией. Разбив неприятеля за Бугом, Потемкин осадил крепость Очаков. Осада эта затянулась. Необходимо было придать армии содействие флотилии. Судостроение кипело в Александр-Шанце, преобразованном в крепость, верфь и город Херсон, но местность этой верфи оказывалась совсем не сподручной. Деятельный подчиненный Потемкина, ставший уже его правой рукой, Фалеев, нашел для верфи несравненно лучшее место: при устье Ингула. Потемкин же, осмотрев это место, пришел в восхищение. И у него вдруг создался проект постройки именно здесь, а не в излюбленном Херсоне, — грандиозного адмиралтейства со всевозможными мастерскими, фабриками и заводами. От Херсона, на который уже были затрачены громадные суммы, Потемкин стал отворачиваться. Здесь, у устья Ингула, решил он свить гнездо будущего русского Черноморского флота. Взять Очаков ему не удавалось. Но он глубоко был убежден, что уже никакие Очаковы не останутся исторического русского дела; что оно уже направляется к самому Константинополю. И Потемкин все, что только видел кругом у устья Ингула, все это велел приписать к проектированному им адмиралтейству. А вместе с тем он требовал образования здесь новых поселений. Здесь все должно было работать в адмиралтействе и на его фабриках, а также вести и полевое хозяйство для прокормления себя и матросов. Село Витольд-Гаммани³, прозванное нашими сейчас-же Витовкою, Потемкин наметил для постройки в нем госпиталя, разведения аптекарского сада и учреждения «училища практического земледелия», поручив это дело профессору Лива-

³ Литовский князь Витольд (Витовт) в 1299 г. занял земли у Буга. Гаммани по-татарски значит: бани.

нову. Отдаваясь засветившейся идее создания могущественной морской силы России у Константинополя и Кавказа, но, видя кругом голая степи, Потемкин распорядился, чтобы каждое поселение разводило у себя лес, и чтобы даже производились засеваы желудей, ради приготовления хоть для будущего времени дубоваго матерьяла. Энергический Фалеев старался не только выполнять по мере возможности желания Потемкина, но и предупреждать, предвосхищать их. А потому верфь на Ингуле стала развиваться в довольно серьезное поселение. На другой же год по взятии Очакова, кн. Потемкин из лагеря при Новых Дубоссарах прислал Фалееву следующий «ордер» от 27 Августа 1789 года: «Фаброву дачу именовать Спасск, а Витовку — Богоявленск, нововоздвигаемую верфь на Ингуле — город Николаев». Если взять во внимание, что Очаков был взят 6 декабря, в праздник св. Николая, и что «ново-воздвигавшаяся верфь» понималась Потемкиным, как гнездо будущего Черноморскаго флота, то наименование этого новаго города Николаевом станет понятно.

Но как не был могущественен кн. Потемкин, он не мог в этом деле обойтись без санкции Императрицы. В Новороссийском крае все города основывались не иначе, как по Высочайшим повелениям. А потому, по всему вероятию, кн. Потемкин в ближайшую затем бытность свою в столице докладывал Императрице о своем распоряжении касательно верфи на Ингуле. А так как это распоряжение не было отменено, то надо понимать, что Императрица утвердила его. Указа об этом в полном собрании законов нет. В Николаеве ни в городском, ни в портовом архиве не находится такой ссылки на указ об этом, из которой можно было-бы узнать, когда именно он состоялся. Возможно допустить, что в то время, при множестве чрезвычайно важных дел, возникших из одновременного ведения двух войн: шведской и турецкой, произошло упущение по выполнению формальной стороны Высочайшего повеления. В литературе этого вопроса мы встречаем упоминания о том, что Высочайшее повеление о наименовании новаго города Николаевом последовало в 1790 году.

А в архивных делах находим еще лучший документ, опять-таки ордер кн. Потемкина Фалееву от 24 октября 1790 года, в котором читаем следующее: «Желая вас вывезть из штатскаго чина, представил вас в обер-штерн-кригс-комиссары адмиралтейские, на что последовала Высочайшая резолюция.

О Николаеве утверждено, как об адмиралтействе, так и о верфи. Теперь к строениям приступлено с основанием»⁴. Если же Фалеев, имея постоянные и прямые сношения с кн. Потемкиным, в первый раз узнал от него в октябре 1790 года о том, что уже «о Николаеве утверждено», то можно с уверенностью сказать, что не в 1789 году Императрица дала свою санкцию распоряжению касательно основания города Николаева, а в 1790 году.

К тому же война держала кн. Потемкина при армии до самой зимы, и в Петербурге он был в 1790 году, откуда и писал Фалееву о Николаеве.

Что же касается месяца, в котором началась жизнь города Николаева, то в разрешении этого вопроса мы уже не в состоянии держаться того же самого принципа, — монаршей санкции. Тут приходится опереться на другой, а именно: Николаев — гнездо Черноморского флота. Это его значение оставалось за ним в течение всего столетия. Если и не отменится перенесение гнезда в Севастополь, то все же перенесение еще не состоялось. Следовательно, в столетней жизни Николаева дело спуска в нем на воду первого военного корабля должно считаться делом чрезвычайной важности. То было первым заявлением этого города о своей жизни на пользу и славу России, для чего именно и был он основан. Спуск же первого выстроенного на его верфи военного 44-пушечного корабля «Святого Николая» совершился в том же 1790 году в месяце августе (25)⁵. Но так как в августе есть день, в который всегда вся Россия празднует перенесение честных мощей Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского, а теперь и тезоименство царствующаго Государя Императора, то Николаевская Дума, выбирая три августовские дня для посвящения их празднованию столетнего городского юбилея, выбрала дни: 29, 30 и 31.

I

Основанный распоряжением князя Потемкина в 1789 году и соизволением на то Императрицы Екатерины II в 1790 году, город Николаев незадолго перед тем посетил немецкий врач Дримпельман, который и оставил довольно любопытное

⁴ Порт. арх.

⁵ Там же.

описание его. Но касательно цифры населения, Дримпельман или преувеличил ее, или же сделал хронологическую ошибку.

Он показывает, что в 1789 году в Николаеве было уже 2 тысячи жителей⁶. Из позднейших же сведений мы узнаем, что даже в 1792 году в Николаеве было: церквей 1, общественных домов 4, частных 158, хат мазанок 209, землянок 61, хлебных магазинов 13, лавок 149 и погребов 23, а жителей обоего пола постоянных 1566 да временных (рабочих) 1734⁷. Между тем надо думать, что при горячем желании Потемкина как можно скорее осуществить свой план, и при тех средствах, которыми он располагал, наконец, при том исполнителе его распоряжений, каковым был Фалеев, прогресс дела в первые два года должен был проявляться очень серьезный. Таким образом, население Николаева в 1790 году не могло превышать тысячи душ обоего пола, если не считать стянувшихся рабочих. О составе того населения по народностям и религиям не сохранилось никаких документальных сведений. Но можно сказать, что католики, если и не составляли тогда большинства, то представляли наиболее состоятельную среду. Из церквей, построенных самими прихожанами на свои средства, прежде всех в Николаеве, в 1794 году, появилась Католическая, а через пять лет, в 1799 году, началась строиться и православная, во имя Рождества Богородицы (теперешней Купеческий собор). На средства же казны была заложена Фалеевым православная церковь еще в 1789 году, — во имя Св. Великомученика Григория Великия Армении (впоследствии Адмиралтейский собор)⁸.

Начиная говорить о первом времени города Николаева, следует сказать о его строителе, обер-штерн-кригс-комиссаре флота, Михаиле Леонтьевиче Фалееве. Эта личность — замечательная. Простой кременчугский купец⁹, ездивший с товарами за армией, сильно вдохновился делами правительства того времени, тем народно-государственным движением, которое сказывалось ярче и ярче с каждым годом. ...Фалеев произведен в бригадиры и назначен обер-штерн-

⁶ Записки немецкого врача о России в конце прошлого века. Русск. Арх. 1881 г., кн. 1, с. 48–49.

⁷ Зап. Одес. Общ., 11, с. 772.

⁸ «Справочная книжка» Ильина, изд. в Николаеве.

⁹ «Колониз. Новорос. Кр.» проф. Багалея и брош. аноним. автора «Фалеев».

кригс-комиссаром флота. Как и свойственно талантливому государственному деятелю, Потемкин не ошибся в своем выборе. Фалеев оказался способнейшим, неутомимым и честнейшим исполнителем, а при том чрезвычайно скромным и горячим патриотом. Он всецело отдался службе, выполнению всевозможных распоряжений Потемкина. А когда в 1787 году принялся он за устройство верфи у устьев Ингула, получив в сотрудники: Варезета, Бестужева, Старова, Деволяна и др., то тут он окончательно выявил всю необыкновенную гражданственность своего благородного духа. Громадное государственное предприятие — устройство Новороссийского края в необозримых голых степях, вырванных из татарских и турецких рук, требовало употребления в дело массы энергии, знаний, труда и денег. И вот в это самое время при устье Ингула распоряжался бывший простой купец Фалеев, как самый бережливый скупой хозяин, не думая о себе, а думая только о планах и целях государственных. Он, не только как исполнитель правительственных распоряжений, но и как страстный любитель садоводства и всякого хозяйства, раздавал земли, выговаривая разведение сада, либо постройку мельницы, либо устройство кирпичного завода и т.п. Но по сколько же? по несколько десятин. Он и себе самому отвел под разведение сада тоже несколько десятин. А жил он и умер в Николаеве, на углу Немецкой и Никольской улиц, в небольшом собственном домике, крытом дранью. К сожалению, недолго тут действовал этот достойный гражданин: два года до основания города и два года после его основания. Но в эти четыре года он много сделал, израсходовал массу государственных денег, причем ни себе и никому не позволил нарушить интереса государственного. Таким образом, в основании города Николаева лежит честный и неусыпный труд гражданина, всей душой отдававшегося тому государственному делу, которое было ему поручено. Останки этого первого николаевского гражданина, умершего 18 ноября 1792 года, погребены в ограде выстраенного им Адмиралтейского собора¹⁰. За год перед смертью Фалеев уже видел, что по Ясскому миру азиатство было вытеснено и из забужья, и что русская граница протянулась уже по Днестру.

¹⁰ Намогильная надпись.

Славны бубны за горами. 1810 года

(Извлечение из рукописей)

Долгоруков И. М.

I

Описание Богоявленского

Поживи Потемкин — и Николаев стал бы шире Москвы: от города до Богоявленского считается 12 верст, а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежит по берегам Буга. Подобно петергофской, на ней розданы были места под загородные домики многим приближенным. Иной строился для своего, иной для его удовольствия. Места безлесныя, но быстрый ток воды утешает зрение. Вельможа умер — и все исчезло!

В самом Богоявленском — прелесть! Я туда ездил и не мог довольно налюбоваться этим местом. Я нигде не видал такого соединения вдруг богатства природы, роскоши искусственной и нищеты. Потемкин любил это место и разводил тут сады. Всякое растение и дерево, какое только в том климате достать можно около Крыма — все сюда привезено было на подводах и посажено без пощады человеческого поту; все принялось и пустилось, а после — все поросло тростником и облеклось в пустыню. Тут уже не сад теперь пышный и прекрасный, а дичь одна необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. Она из дикаго камня на 8-ми столбах. Несколько ступеней сводит вас в чистую и прохладную воду; под сводом гранитным вас солнце не печет. Тут орошался некогда исполин, и никто, кроме Нимф, приблизиться к нему не смел. Дабы сохранить и ныне, сколь возможно, сей памятник роскоши от суровости погоды, а паче соблюсти источник в чистоте, поставлена бедная избушка, нестоющая ничего, из хворосту и тростника. Один широкий шаг поставит вас на ея кровлю; но взгляните вокруг этого убогаго шалаша, в котором старичок-сторож плетет лапти и курит табак, взгляните: около его разраслись не рябина или черемуха, нет! тут ветви, отягченные абрикосами, бергамотами, осеняют верх его и обвивают столпы его ограды. Высокый куст грецких орехов царствует над прочими плодами; с ним сблизила природа и каштановое дерево. Старик глядел на нас с изумлением; он не понимал, отчего мы так дивим-

ся, столь для него сие зрелище было обыкновенно! Где же вы найдете так тесно вместе редкия прозябения лучших стран света, нищету хижины, вросшей в землю, и великолепную купальню? О деревьях обыкновенных, как то: груши и яблони говорить уж нечего: пропасть!

Сердце ноет, когда видишь в таком все запущении. Сад этот отдан одному фабриканту, который тут содержит суконную фабрику, и все место получил из казны в аренду. Он печется о своем промысле и, конечно, мало думает о саде. Я весь его исходил с конца до другого, неоднократно возвращался к бане, близ которой обрывал бергамоты, запивал хорошим вином и задумывался о скором течении случаев и всей жизни нашей.

Я сидел на самой той скамейке, на которой Потемкин сма-тривал рано поутру, как возят в сад щебень, песок, деревья, как все шевелится для прихоти его и ищет его благосклонна-го взора. Натура, думал я, все та же, но снят с нея наряд; душа сих мест удалилась в другия селения — все мертво было око-ло меня.

Сад при нем назывался Витовской. В то время, как он уби-рал его, г-жа Вит кружила ему голову. О! я в том стою, умру с тем, что в жизни нашей то только время и можно счесть блаженным, в которое любовь сводит нас с ума!..

Меня водил по дорожкам, кои трудно отыскать уже в густой траве, один современник П., а и тех самых дней, когда Богояв-ленское во всей красе своей сияло. Один морской офицер был в нашем обществе, который видел здешния места в 89 году. Он нам казал там сухие рвы и болотистыя тинныя места, где я никак не поверил бы, что были когда-либо токи свежей воды, если б он не засвидетельствовал нам, что тут прорыты были везде каналы, и столько наполнены водою, что князь плавал на них в раззолоченных лодках. Гребцы пели, кричали; весла отражали лучи яркаго дневнаго светила; вода сливала с них крупные свои перлы, а князь не вмещал своих восторгов. Везде тут ныне ил, камыш, и на каждом шагу увязнешь. Вместо торжественных песен и кликов народных, один слышен крик неугомонных лягушек. Ах! Что печальней сей картины!

Дом княжеский сломан; но он был так велик, что из мате-риялов его вышел прекраснейший лазарет для морских сил; он тут же расположен. Ничто не заслуживает такого прилеж-наго внимания; его построил маркиз де-Траверсе и к зим-ней огромной больнице присоединил лагерный госпиталь,

какого я еще нигде не видывал. Самое спасительное изобретение для недужных, истинный, а не тщеславный только опыт человеколюбия! Сказывали мне, что и во всех портах настроены такие же. Вот его расположение:

Все строение состоит из стены деревянной, не выше полуаршина, и с самой крутой и высокой крышкой, которая уподобляется полотняному намету. Эта кровля не доходит до земли, следовательно воздух не стеснен и проходит между нею и стенами через всю галерею. Кровать больного поставлена головою к стене, и в крышке над каждой — слуховое окошко, которое занавесом защищает больного от солнца. Пол земляной, но крепко убит, усыпан зеленью и всегда свеж, чист и сух; больному покойно, прохладно и просторно: выгодная замена зимним лазаретам, в коих летом так сгущается воздух, а между тем двоякая польза; ибо когда хворые переносятся сюда, тогда зимняя казармы больничные проветриваются и делаются в них необходимые починки; самая перемена места столь часто для больного служит отрадой. При нас было их здесь до 100 челов., а иногда накапливается до 400. При больнице 6 лекарей, доктор один и, сверх того, инспектор. Все содержание этого лазарета, относительно пищи, белья, опрятства и чистоты около постелей, отменную честь делает надзирателям. Редко немощное человечество видит подобная о себе попечения.

Итак, кроме сада, есть в Богоявленском и полезныя заведения. Я упомянул о больнице; скажу нечто о фабрике. Арендатор на многих станах точет здесь сукно из тонкой испанской шерсти в свою пользу. Чтоб доказать, приехавши домой, что можно уже обходиться и без иностранных сукон, я здесь купил на фрак по 6 руб. аршин сукно, которое выткано было из шерсти не совсем испанской, но снятой с породы от смеси крымских наших овец с мериносами, т.е. от metis происшедшей. Оно несколько сурово, но носить можно; зато какая же разница в цене с иноземными сукнами! Перед нашими щеголями тем-то оно и виновато, что дешево. Хозяин фабрики работает с усердием и успехом; станов много; заведение обширное; строение казенное; работники вольные. Есть тут машина, посредством которой один ткач очень легко отделяет сукно в 3 аршина с лишком ширины; но он не ломается, как тот, о котором я говорил, бывши в Полтаве. Этот, просто одной кистью руки шевеля рукоятку, посылает челнок с удивительною скоростью чрез всю основу с края

стана на другой. Главный предмет этой фабрики — выделка солдатских сукон. Быв в Богоявленском, надобно зайти и ее посмотреть, как заведение, достойное примечания.

Но я, не будучи смышлен в этой промышленности, все обращал глаза мои на сады, источники и купальню. Сколько раз я обошел ее вокрут, сколько раз пил тут воду, подставляя голову под фонтан и в тени пожилого орешника оплакивал мысленно разрушение таких драгоценных прелестей! Из сада пошедши к коляске, я еще наполнен был теми идеями, которыми местоположение и история его наполняли мое воображение, как наступил на что-то мягкое. — Ай! закричала жена. — Что такое? — Убитая змея. Оне часто, говорят, из густых трав вытягиваются и шипят. Согласимся, сказал я своим товарищам, что везде есть добро и зло: прекрасен сад, но змея не хороша.

Где чиж поет вверху, там змей шипит в траве;
Не все то хорошо, что взор прельщенный хвалит.
Червь точит алый цвет на мягкой мураве,
И прежде чем есть мед, пчела тебя ужалит.

Правда, правда! закричали мои товарищи, сели в коляску и поскакали в Николаев. Отъехав с версту, я кинул еще взор на ветвистый орешник и на купол великолепной ванны. Витовка! место неподобных очарований! — если ты и ныне удивишь любопытных, что ж была ты тогда, как вельможа сыпал в тебя все свои сокровища? — конечно, рай земной!

Записки немецкого врача о России в конце прошлого века

(Отрывок)

Дримпельман Э. В.

Николаев в 1788 году

20-е Мая 1788 года было тем вожделенным днем, когда мы проехали степь и стали приближаться к месту нашего назначения — Николаеву. Но как сильно я был удивлен, когда извозчик, которого я порядил из Елисаветграда, вдруг остановился и, хотя я не видел ничего, кроме отдельных хижин из тростинка и часовых, объявил мне, что тут и есть

Николаев. Мне показалось это тем невероятнее, что еще два года тому назад я слышал, что основывается на Буге новый город, который будет носить имя Николаева. Что же могло быть естественнее, как предполагать и ожидать здесь домов и жителей. В приказе кригс-комиссару Плетневу значилось, что по прибытии в Николаев я должен явиться к бригадиру Фалееву. Ближайшее осведомление часовых показало, что слова извозчика были справедливы, и что я действительно нахожусь в самом Николаеве. Более обстоятельная справка о том, где я могу найти больных солдат, и где отыскать дом бригадира, показала мне, наконец, что я должен ехать еще пять верст, чтобы найти тех людей, которые были чиновниками моего странствования. Я тотчас же отправился в путь.

Проехав почти полдороги, я увидел место, где находились помещения для больных и жил бригадир. Это место называлось «Богоявление» и состояло из 16 крытых тростником деревянных жилищ, устроенных на подобие госпиталей и из множества палаток и Татарских войлочных юрт. Сверх того несколько жилищ были выкопаны в земле, едва выдавались из нее, но имели также своих обитателей. На основании писем к прежнему моему начальнику кригс-комиссару Плетневу, я мог предполагать, что здесь находится уже много врачей; от них я охотно узнал бы о состоянии и положении больных, лечением которых я должен был заняться. Встретившийся мне какой-то немец, которого я просил указать жилище кого-нибудь из врачей, не мог ни в чем мне быть полезен, кроме того, что указал жилище аптекаря, которое по его словам находилось недалеко, на одном возвышении. Я отправился туда, но, говоря, не шутя, я стоял уже на крыше искомого дома, не подозревая, что под моими ногами могли жить люди, до тех пор, пока выходявший из отверстия дым и дверь, которую я заметил на склоне холма, не показали мне, куда надо идти. Я подошел к замеченной двери. Она открылась, и оттуда вышел небольшой, сгорбленный человек. Это и был аптекарь. Мы удивились, увидав друг друга, и точно старались признать один другого. Это действительно так и было: едва мы назвали себя по именам, как оказалось, что мы были уже знакомы десять лет тому назад в Кронштадте. Он ввел меня в свое жилище, которое кроме темной прихожей состояло еще из двух отделений, из которых одно было отведено для его семейства, а другое под аптеку. Внутренность жилища соответствовала его внешности. Стены обмазаны

желтою глиною, потолок сделан из плетеного тростника, засыпанного землею, крошечные окна с дрянными стеклами пропускали слабый свет во внутреннее пространство. Подобным же образом устроены и все остальные жилища. Печальны были следствия житья в такой землянке, особенно для семейства аптекаря: едва я вошел в комнату, как увидел, что жена его и пятилетняя дочь находятся в последней степени чахотки. Вскоре они слегли. Расспросам не было конца. Аптекарь рассказал мне, что вскоре после нашей разлуки он получил от начальства приказ открыть общественную аптеку в Иркутске, и что из уважения к оказанному доверию ему нельзя было долее откладывать поездку, как ни было затруднительно с женою и малютками предпринять столь далекое и само по себе нелегкое путешествие. Он намеревался было обстоятельно рассказать мне о разных своих лишениях на пути в Иркутск, о том, как он все-таки счастливо прожил там три года и по какому случаю попал сюда в Богоявление; но я заметил ему, что моя жена с ребенком и экипажем дожидаются на улице, и я должен, не теряя времени, явиться к бригадиру Фалееву и просить его о квартире для себя.

«У вас также жена и дочь?» — спросил аптекарь. «В таком случае я жалею, что судьба привела вас в это злополучное место. Приведите вашу любезную супругу в нашу хижину; пусть она побудет у нас, покуда вы устроите свои дела и снова можете быть у нас».

Привезя жену в дом гостеприимного аптекаря, я отправился к бригадиру Фалееву, дом которого мне пришлось искать недолго, потому что он отличался от прочих стенами, выкрашенными красною краскою и черепичною крышею. В бригадире я нашел дородного мужчину, одетого в зеленый камчатный халат, в голубой атласной обшитой черною каймою шапочке, на верхушке которой блестела серебряная весом в несколько лотов кисть. Бригадир вооружен был длинною трубкою и занимался чаепитием, сидя на софе. Я счел долгом рекомендоваться ему, чтобы показать, как точно исполнил его приказ и поручить себя благосклонности господина бригадира.

До сих пор все шло хорошо; но когда я решился просить о квартире, на случай, если я долго останусь в Богоявлении, о квартире, без которой я, имея семейство, не мог существовать, он с некоторым затруднением отвечал мне, предлагая чашку чаю:

«Да, да! квартиру, любезный друг! Вот именно этим-то и не могу я служить вам. Две войлочные палатки, которые лежат еще в магазине, к вашим услугам, и вы ими можете обойтись, покада я буду в состоянии отвести вам лучшее помещение».

На прощанье господин бригадир дал мне совет относительно больных — явиться к штаб-доктору Самойлову, который сообщит мне обстоятельные сведения о предстоящих занятиях.

Мне пребывание в Богоявленье продолжалось недолго. Число больных, которое я представлял столь значительным, вовсе не было таково, и вполне могло удовлетвориться одиннадцатью врачами и хирургами. Я получил приказ отправиться в Николаев и там оставаться. По распоряжению Херсонской Адмиралтейс-Коллегии, несколько сот человек плотников, архитекторов и их помощников было командировано туда для постройки несколько уже лет тому назад проектированного нового города. Я и должен был находиться при этом, на случай могущих быть несчастий. Доселе ни одно человеческое существо не могло жить в этом месте, где в несколько месяцев возник город, который уже в первые годы своего существования обещал счастливое процветание, и где теперь селятся люди всех стран. Вокруг все было пусто. Единственные живые существа, которых здесь можно было встретить — были змеи. Хотя укушение их и не опасно, однако они были неприятны и страшны для людей тем, что проникали в жилища.

Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова

(Отрывки из книги)

Измайлов В. В.

Письмо VII Николаев

Дорога от Херсона к Николаеву около 80 верст простирается степями. Нет ничего, кроме почты и постоянного двора; нет нигде ни деревни, ни ручейка, ни цветочка; одна желтая трава, перегоревшая от засухи, служит покровом сей наготы; ничто не прохлаждает воздуха; ничто не улыбается в природе.

Так действует на душу образ дикой пустыни, что картина солнечного захождения, которая так пленительна в других странах света, здесь расположила меня к унынию. С мыслями, подобными черной ночи, которая темнила небо и землю, приблизился я к Николаеву.

Сего дня встал я в семь часов и приготовился идти к Господину Афонину, Русскому Дворянину, которой учился несколько лет в Упсале на краю Севера у славного Линнея, и ныне удалился на Юг, в другой противоположной край, в недра тишины и неизвестности.

Сперва послал я человека сказать ему, что один Русской путешественник требует позволения посетить его и вручить ему письмо; но он отвечал, что поставляет себе за долг упредить меня своим посещением. Мне не хотелось уступить ему в учтивости; сверх того лета и положение делали его почтенным в глазах моих, и я решился еще повторить мою просьбу в следующих строках:

«Молодой путешественник будет стыдиться, что он не первой посетил ученика славного Линнея. Осмелюсь ли еще требовать сей чести и сего позволения?».

После учтивого словеснаго приглашения, я пошел к нему, застал его за книгою, и провел с ним несколько приятных часов.

Он живет по Философски, частию от бедности состояния, частию и по правилам благоразумия. Две маленькия комнаты составляют его жилище, садик — занятие — один человек — услугу; все вокруг его чисто, просто и приятно. Не довольно ли для душевнаго спокойствия, и может быть для щастия?

Мы говорили о путешествии, о жизни, о науках, которые бывают главными приятностями жизни, и наконец, о природе, которая приносит неистощимые наслаждения душам чувствительным, и представляет великие предметы наблюдения для умов деятельных. Я восхищался, радовался, что вижу человека, которой в тихом уголке света умеет наслаждаться жизнью, натурою и умом своим. Но особливо радовался тому, что вижу человека, которой был некогда близок к безсмертному Линнею.

Я обедал у Господина Афонина за его Пифагорейским столом; и после обеда мы гуляли вместе по городу.

Николаев стоит в долине, окруженной пригорками при впадении Ингула в Буг, в нескольких верстах от Чернаго моря.

Адмиралтейство, крепость, суда, стоящая на якорях, служат главным украшением города.

Соборная церковь во имя Св. Григория есть прекрасной храм, украшенный более величием простоты, нежели блеском пышности. Архитектура его впечатлелась в душе моей. Архитектор поверял бы ее компасом, но я поверял сердцем и глазами, двумя чувствами, которых орудие, полученное от природы, не так обманчиво, как орудие искусства человеческого.

Но имя сего храма, посвященного верою Христианскою кротости, смирению и благочестию, напоминает об имени того человека, которого долго окружала в России знатность, сила и роскошь. Память его дел, его влияния на политическая обстоятельства России, его участие в доверенности славной Екатерины, какое бы впрочем суждение не произнесло о том потомство, переживет без сомнения бытие сего храма в честь ему воздвигнутого и его именем названного.

Николаев есть другой памятник Князя Потемкина, а особливо того дня, в которой сей щастливый полководец, с изнуренным воинством, среди жестокой зимы, по долгой и упорной осаде, разрушил наконец стены Очакова, и овладел сим городом, сколько силою мужества, столько и силою веры; ибо Солдаты не шли, а летели на приступ, предпринятый в день Святаго Николая, веря несомненно, что тень праведнаго мужа плавает над ними, и за них сражается с неверными. В честь Святаго, назвали его именем новый город Николаев, заложенный вскоре по взятии Очакова.

Письмо VIII Николаев

Если вы хотите увидеть романтическое место, пустыню, сотворенную для любви и блаженства, то взгляните на Спасское уединение в двух верстах от Николаева; взгляните на светлый домик с галерею и террасою, на берегу реки Буга, осененнаго серебристыми тополями; загляните в темные аллеи сада, в таинственныя беседки, как будто бы самым Амуром в тени и прохладе сокрытыя, в зеленыя насаженные лесочки, где изгибы тропинок, бархат лугов, игра водопадов манят вас к неге, влекут к наслаждению; гуляйте по сим местам; сидите на дерновых диванах под хором крылатых Сирен, под журчанием быстрых ключей, и вдруг вы задумаетесь, и сладко — вздохнете.

Сие милое убежище, сие божественное уединение, где надлежало бы укрываться одним нежным любовникам, было жилищем великолепия, роскоши и праздности.

Там Русской наш Ришелье беседовал в кругу других вельмож в удовольствии и неге; там одним взором и словом повелевал он природе, которая вдруг переменялась пред ним в своих видах; там, уединясь в густоту леса, открывался он может быть одному небу в тоске и скуке, которые среди земаго величества томили его душу.

Теперь ничего не осталось; дом и сад запустели, и ничто в мире не сохранило их памяти...

Мне сказывали, что сие место принадлежало одному Швейцару по имени Фабру, у котораго Князь Потемкин купил его за 3000 рублей. Фабр поселился на сих степях в то время, когда Запорожцы производили свои набеги. Он радовался прекрасным положением места и делил судьбу жизни с милою супругою, как вдруг среди ночной тишины Запорожцы переплывают Буг, врываются в тихое убежище, в дом, в самую спальню и разлучают супругов. Покрав все их имение, насытив грубую чувственность, оставив им жизнь одну, злодеи скрылись.

В Спасское урочище ходили мы вместе с Господином Афониным, и на возвратном пути видели за городом громовой отвод. Железной прут, поставленной на возвышенном пригорке, предохранял город и жителей от свирепости стихий; но грубое невежество, приписывая ему бывшую засуху, за несколько лет перед сим его разрушило. Так народ, думая обезоруживать небо, его на себя вооружает! Так пагубное суеверие уничтожает пользу наук и просвещения! Так мал и велик ум человеческой! Всегда ли Омары будут стоять на ряду с Франклинами?

Еще другая черта сего невежества: в саду, разведенном за десять лет перед сим, где расточены были все богатства природы, куда выписывали лучшие растения из чужих краев, где рука человеческая насадила произведения четырех стран света, — в сем прекрасном саду не осталось ныне ни одного дерева; некоторые сожжены; другия вырублены.

Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест

(Отрывки из книги)

Сумароков П. И.

16 число Мая

От Елисаветграда до Николаева идет пространная степь, прежнее владение Запорожцев, на которой, кроме для почты построенных землянок и двух небольших слободок, никакого селения при дороге не находится. Сей переезд 172 верст есть самой скучной; зрение теряется в отдалении; положение места везде плоское, почти единообразное; поля лежат не обработанными, и необитаемость приводит путешествующаго в некоторое уныние. На всем оном разстоянии нет ни одного дерева, и жители делают свои хаты, равно загороды из камня, лежащаго на поверхности земли в великом количестве, а топят кизяком. Зверей и птиц здесь весьма мало; из пресмыкающихся есть змеи, называемые желтопузы, имеющие кожу на верьху черную, брюхо же желтое, которые бывают длиною аршин до трех, а толщиною в оглоблю; они тихи и кричат, как гусаки. Из насекомых есть род пауков, достойный примечания; они величиною в кулак, и живут в норах, прикрывая оные претолстою своею паутиною. Жители сего края суть есть беглецы из разных Губерний; но со всем тем проезд по оному безопасен, и почты довольно исправны; беда только для путешествующаго, когда что у повозок его на сей степи изломается; ибо починить и не кому и не из чего. Несносной жар продолжался во весь день, а полуденной на встречу ветр горячим дуновением своим еще более меня безпокоил, наконец раскаленное светило спустилось за горизонт, и я продолжая путь мой — при ночной темноте приблизился к знаменитому Николаеву, переправился на байдаке чрез реку Ингул, и въехал в город.

17 число Мая. Николаев

Любопытство видеть сей новосооруженный град пробудило меня еще при появлении зари, и первой мой взгляд на

Николаев привел меня во изумление. Да, по истине надобно быть на месте, чтоб иметь понятие о чудотворном преобразовании глухой и необитаемой степи в течение трех лет в хорошей город. Николаев довольно обширен, расположен в новом вкусе, имеет до 800 домов, построенных из камня, и большею частию с колоннами, коих третья доля принадлежит казне; но за неокончанием построений по плану находятся в нем многие пустыри. Улицы в нем прямыя без переулков, одинакой ширины 15 сажень, и все сквозныя, так что при начале каждой виден конец оной. В Николаеве две церкви: собор с весьма хорошою внутренностию, богатою утварью, и деревянная Греческая; при том двое рядов, из коих в одних Российские, а в других Греческие купцы промышляют своими товарами.

Местоположение Николаева величественно и красиво; он стоит на высокой утесистой горе, при подошве коей сходятся на встречу две большия реки Буг и Ингул, впадающий в первую. Ингул, извиваясь удивительными излучинами, обтекает переднюю часть города; Буг же, обошед его с правой стороны и сзади, и составя из Николаева полуостров, влечет горделиво стремительныя струи свои в Лиман.

19 число Мая

Поутру рано возвестили мне посещение Салиг-Аги, и я увидел его едущаго верхом на багатуобранной лошади с зонтиком в руке. По отъезде его я пошел в Собор, а как то было Воскресенье, то нашел в оном довольное стечение людей, хор приятно и искусно поющих певчих, и я забывал тогда, что нахожусь на конце своего отечества, при первобытном пределе Оттоманской Порты, и в стране, где не задолго пред сим и звери не учреждали своего обиталища. Обедал я в тот день у Вице-Адмирала, в том самом Молдаванском доме, которой для покойнаго Князя Потемкина привезен сюда был из Кременчуга по почте; часу же в пятом К. ...В. ... и К. ...У заехали за мной и повезли меня в Спаское, отстоящее от города верстах в двух. Прекрасное это местечко находится на пологом берегу Буга, где ущелье покрытое диким виноградом, белым шиповником и плодоносными деревьями составляет первое гулянье всего города. Посреди сего отвержка протекает чистой ручей, и прохладная тень делает убежище сие приятным. Мы прохаживались тут по изгибистым дорожкам; духовая музыка увеселяла нашу прогулку; виноградныя ветви

висели над головами нашими, а сильное от цветов и пахучих трав благоухание услаждало обоняние. В Спаском построен увеселительной Молдаванской дом и беседка; сделанные же здесь фонтаны снабжают весь город водою, и она продается в Николаеве по две и по три копейки ведро; потому что ни из Буга, ни из Ингула воды по причине ее горькости и солёности пить невозможно...

20 число Мая

...Сей город лишен двух самоважнейших вещей, леса и воды, что здешним жителям весьма чувствительно. Дрова покупаются в Николаеве по 15 рублей сажень, а бревен почти и достать не возможно; от чего полы и потолки домов гораздо дороже стоят, нежели как самые стены. Напротив каменное строение они имеют за весьма низкую цену, так что Господин Салиг-Ага выменял здесь на четвероместную карету большой каменной дом со всеми принадлежащими к нему службами, без всякой к оной придачи. Причиною тому есть великое множество камня, которой, будучи ноздреват, тешется как мел, но со временем от воздуха твердеет и делается прочным.

Жары в сем краю несносны, а росы почти никогда не бывает. Из насекомых здесь есть тарантулы и сороконожка, род червя ядовитого, которой заходит внутрь домов, и укушение его опасно.

21 Мая

Проведя таким образом 4 дни с приятностию в Николаеве, я отправился при восхождении солнечном в свой путь, и своротил с дороги верст пять в сторону в Богоявленское. Оное поселение, имеющее в себе не малое число казенных и обывательских домов, построенных из камня, стоит также на берегу Буга в 12 верстах от Николаева. В плане города назначено было, чтоб Николаев соединить с Богоявленским; тут находится дворец с превеликою галереєю о двух светах, хороший Агликский сад с приведенными для воды каналами, и сие местечко есть весьма приятное.

От Богоявленска до Херсона идет открытая на 50 верст степь, где никакого селения не находится. Саранча здесь все продолжается, которой такое множество, что в иных местах вся дорога ею покрыта, и земли из под оной не видно...

З

РОЗПОРЯДЖЕННЯ
ТА ПРОПОЗИЦІЇ
Г. О. ПОТЬОМКІНА
І М. Л. ФАЛЄЄВА
ЩОДО УСТРОЮ МІСТА
МИКОЛАЄВА

**Письмо М. Л. Фалеева Таврическому
вице-губернатору К. И. Габлицу**

3 сентября 1789 г.

Сообщает о присылке сюда садовника Гульда для назначения способных к разведению садов мест. Просит прислать семена.

РГА ВМФ, ф. 245, оп. 1, е. х. 33, л. 363

Ордер М. Л. Фалеева адъютанту С. Гребницкому

2 ноября 1789 г.

Богоявленск

Доставленные сюда из Елисаветграда деревья вишневые и сливовые каждах по 1000 штук, предписываю вам... рассадить на отведенном здесь для саду месте сколь можно скорее по плану, оному саду зделанному с помощью садового мастера Мариуса Кревена.

РГА ВМФ, ф. 245, оп. 1, е. х. 33, л. 576

**Письмо М. Л. Фалеева профессору земледелия
М. Г. Ливанову**

19 декабря 1789 г.

Милостивый государь, Михаил Григорьевич!

Стихи ваши прекрасно и справедливо зделанные гораздо более мне приятны, ежели поздравление, изъявленное в письме от 14 декабря. Не отрицаю я, что тут действовало

одно только ваше ко мне дружество безпределным доброжеланием мне преисполненное, но должен однако же вывести вас из ошибки, что я не есть тем, чем вы меня поздравили. Стихи я не могу зжечь, они хороши и вопреки вашей просьбе представляю их Его Светлости в ожидаемое сюда присутствие. Между тем же и всегда желая вам получения совершеннейшего здоровья и удостоверения о непреложном моем и истинном к вам почтении пребываю. Ежели господин штаб-лекарь вам не нужен, покорно прошу прислать его сюда.

РГА ВМФ, ф. 245, оп. 1, е.х. 33, л. 819 об.

Ордер М.Л. Фалеева секунд-майору И. И. Соленикову

4 апреля 1790 г.

Доставляются к вам при сем семена чечевицы и фасоли, так же лозы виноградные по означенному при сем реестру, которые приняв, прикажите адъютанту Гребницкому посеять и посадить виноград, без упущения времени.

Реестр:

1. Лоз виноградных 3 бочки и 3 ящика.
2. Семян чечевицы — 20 ящичков, в каждом по 9 пудов.
3. Семян фасоли — 20 ящичков равного весу чечевицы.

РГА ВМФ, ф. 245, оп. 1, е.х. 49, л. 162 об.

Ордер М.Л. Фалеева адъютанту С.Г. Гребницкому

4 апреля 1790 г.

Посылается для разсадки и прививки дерева, черенки и цветы по прилагаемому реестру, из которых смородину всю посадите в Спасском, а протчие располагайте по пристойнее в Богоявленске.

Реестр:

1. Красной смородины, называемой порички — дерев два ящика полных.
2. 1 ящик цветов, посаженных в земле.
3. Разных для прищеп черенков яблочных, дулевых, грушевых, 2 сорта черешневых — белых и красных — полный ящик.

РГА ВМФ, ф. 245, оп. 1, е.х. 49, л. 161 об. — 162

**Рапорт М.Л. Фалеева Светлейшему князю
Г.А. Потемкину**

28 августа 1790 г.
Богоявленск

Посылаю с курьером планы садов в Богоявленске и Спасском, сделанные Гульдом.

РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, е.х. 12, л. 236

**Письмо М.Л. Фалеева Светлейшему князю
Г.А. Потемкину**

17 октября 1790 г.
Богоявленск

По вашему желанию умножить здесь леса, капитан Торнау привез желуди и семена граба и липы. Засеяно уже пять десятин, еще оставшимися семенами надеюсь засеять десять десятин.

РГА ВМФ, 197, оп. 1, е.х. 8, л. 93

**Письмо М.Л. Фалеева Светлейшему князю
Г.А. Потемкину**

5 ноября 1790 г.
Богоявленск

Деревья все рассажены около Богоявленского дому Вашей светлости, купол покрыт, теперь по сторонам обрешечивают и потолки подбивают.

РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, е.х. 11, л. 96 об.

Ордер М.Л. Фалеева секунд-майору Бибикову

1 июня 1791 г.
Красноселъе

Уведавши, что рекруты команды вашей самые лучшие и пряменькие дубки, обещающие в последующие времена хорошим лесом быть, рубят на веники и опустошают молодую дубраву. Ежели вам неизвестна воля главного начальника предположенная на сохранение здешних лесов. По прежней мере соображаясь государственным установлением о збережении и распространении, а паче дубовых дерев, надлежало вам строжайше смотреть за подчиненными вашими и недопускать истреблять хорошие деревья для веников. Много есть ветвей с листьями от старых неспособных дерев, да и от мо-

лодых... Предписываю вам наблюдать сию часть со всяким рачением, запретить таковое злоупотребление и виновных, если после сего окажутся, наказывать строго палками.

ГАНО, ф. 243, оп. 1, е.х. 73, л. 55

Щет по заведению хлебопашества

31 января 1792 г.

Гребницкому на прокорм волов, отправляемых в Чуту за земледельческими инструментами.

РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, е.х. 130, л. 65

Щет по разведению садов

14 февраля 1792 г.

Гребницкому прогоны в Таврию за садовыми деревьями. Сапанкевичу за доставку из Аккермана деревьев.

РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, е.х. 130, л. 64 об.

Щет по разведению садов

20 февраля 1792 г.

За провоз из Ясс деревьев на 15 подводах.

РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, е.х. 130, л. 64 об.

Щет по заведению хлебопашества

6 марта 1792 г.

Козлову на покупку 3 пудов веревок для плугов.

РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, е.х. 130, л. 65 об.

Щет по разведению садов

23 марта 1792 г.

5 молдаванам при виноградном саде состоящих с декабря по март 8 рублей в месяц.

РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, е.х. 130, л. 64 об.

Щет по разведению садов

2 апреля 1792 г.

Садовнику Ивану Иванову в счет заработчих денег — 3 рубля.

РГА ВМФ, ф. 243, оп. е.х. 130, л. 65

Щет по разведению садов

2 апреля 1792 г.

Садовнику Иовичу в счет жалования — 13 рублей.

РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, е.х. 130, л. 65

Щет по разведению садов

2 апреля 1792 г.

Садовникам:

Судакову в счет заработчих — 10 рублей.

Иовичу тоже — 10 рублей.

Егеру Иванову — 3 рубля.

РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, е.х. 130, л. 65 об.

Щет по разведению садов

18 апреля 1792 г.

За провоз из Херсона деревьев на 5 подводах.

РГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, е.х. 130, л. 65

Ордер М.Л. Фалеева Канцелярии строений города Николаева

9 августа 1792 г.

Николаев

Находящемуся при заведении для поселян казенных земледельческих инструментов и у делания машин, мастеру Матвею Шубию выдать жалование за июнь-август 1792 г. шестьдесят шесть рублей 66 коп.

ГАНУ, ф. 243, оп. 1, е.х. 90, л. 227

Ордер М.Л. Фалеева секунд-майору Бибикову

4 октября 1792 г.

Николаев

В слободе А.А. Безбородко Чернолеске предписываю вам принять двадцать отделанных плугов и на наемных подводах доставить в Николаев в ведомство порта.

ГАНУ, ф. 243, оп. 1, е.х. 90, л. 311 об.

Ордер М.Л. Фалеева поручику Александеру

7 октября 1792 г.

Николаев

Поручик Полторацкий уведомляет меня, что минувшего сентября 23 числа на одном казенном байдаке с лоцманом Макаром Хоменком отправлено с Кичкасской пристани в Херсон триста тридцать английских плугов. Ежели время будет к судоходству удобное, тот час отправить в Богоявленск — назнача прием оных адъютнту Гребницкому.

ГАНУ, ф. 243, оп. 1, е.х. 90, л. 320

Література та джерела

1. **Алешин, В.Э.** Николаев : архитектурно-исторический очерк / В.Э. Алешин, Н.О. Кухар-Оньшко, З.А. Яровой. — Киев : Будивельник, 1988. — 184 с.
2. **А. М. Л.** Екатерининский временщик // Исторический вестник. — 1892. — № 3.
3. **Багaley, Д.И.** Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры : исторический этюд / Д.И. Багaley. — Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1889. — 120 с.
4. **Бантыш-Каменский, Д.Н.** 28-й генерал-фельдмаршал князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический / Д.Н. Бантыш-Каменский // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4-х ч. Ч. 1 – 2. — Репринтное воспроизведение издания 1840 года. — Москва : Культура, 1991. — 620 с.
5. **Барбарoш, Н.** Парк «Молодежный»: между прошлым и будущим / Н. Барбарoш // Наш город. — 2006. — № 23 (3–9 мая). — С. 8.
6. **Богумил, А.** К истории управления Новороссией князем Г.А. Потемкиным: Ордера 1775–1776 гг. / А. Богумил. — Екатеринбург : Тип. Губ. земства, 1905. — Вып. 2. — 126 с.
7. **Бойчук, С.В.** Абрикосы для имперской столицы / С.В. Бойчук // Южная правда. — 2015. — 5 дек. — С. 3.
8. **Бойчук, С.В.** Николаевский «дуб» и вольнский «човен» / С.В. Бойчук // Южная правда. — 2015. — 17 окт. — С. 3.
9. **Бойчук, С.В.** Сколько раз был Потемкин в Николаеве? / С.В. Бойчук // Южная правда. — 2014. — 6 дек. — С. 4.
10. **Бойчук, С.В.** Строительство ингульской верфи / С.В. Бойчук // Южная правда. — 2015. — 3 марта. — С. 3.
11. **Болотов, А.Т.** Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. В 2-х ч. / А.Т. Болотов. — Москва : Тип. В. Исленьева, 1875. — 165 с.
12. **Боплан, Г.Л.** Описание Украины / Г. Л. Боплан. — Санкт-Петербург : Типография Карла Крайя, 1832. — 203 с.

13. **Брикнер, А. Г.** Потемкин / А. Г. Брикнер. — Санкт-Петербург : Издание К. Л. Риккера, 1891. — 276 с.
14. **Брикнер, А. Г.** Потемкин: историческая монография / А. Г. Брикнер // Новь. — 1887. — Т. 13 — 18.
15. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, 1788–1789 гг. — Санкт-Петербург : Военная типография, 1894. — 396 с. — (Сборник военно-исторических материалов ; Вып. 7).
16. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, 1790–1793 гг. — Санкт-Петербург : Военная типография, 1895. — 375 с. — (Сборник военно-исторических материалов ; Вып. 8).
17. Были вовсе не из картона // Новый город. — 2009. — 19 авг. — С. 4 ; 26 авг. — С. 4.
18. **Веденева, А. К.** Сквер «Яхт-клуб» / А. К. Веденева, Л. В. Калашникова // Николаевские достопримечательности / И. И. Александренко [и др.] ; руководитель проекта В. А. Карнаух. — Николаев : Возможности Киммерии, 2010. — С. 80.
19. **Веденева, А. К.** Сквер Совета Европы / А. К. Веденева, Л. В. Калашникова // Николаевские достопримечательности / И. И. Александренко [и др.] ; руководитель проекта В. А. Карнаух. — Николаев : Возможности Киммерии, 2010. — С. 80–82.
20. **Воейков, С. В.** Потемкин князь Таврический : очерк / С. В. Воейков. — Киев ; Харьков, 1899.
21. **Гаврилов, С.** Битва за город / С. Гаврилов // Вечерний Николаев. — 2011. — 10 сент. — С. 3.
22. **Гаврилов, С.** В тени английского сада / С. Гаврилов // Наш город. — 2011. — 16–22 нояб. — С. 8–9 ; Вечерний Николаев. — 2012. — 24 мая. — С. 6.
23. **Ге, Г. Н.** Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790–1890) / Г. Н. Ге. — Николаев, 1890. — 128 с.
24. **Ге, Г. Н.** Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула / Г. Н. Ге // Именованъ — город Николаев : историко-краеведческий выпуск / сост. Л. Ф. Траспов. — Николаев, 1989. — С. 108–152.
25. **Гетманцева, Л. Л.** Историко-архивные и библиографические исследования на территории парка «Лески» / Л. Л. Гетманцева, В. С. Гетманцев // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження : І Миколаївська обласна краєзнавча конференція. — Миколаїв, 1995. — С. 5–8.
26. Двухвековой дуб под присмотром докторов // Николаевские новости. — 2008. — 5 марта (№ 29). — С. 8.

27. **Доброхвалов, В. П.** Очерки степного лесоразведения. Первый период. 1700–1843 / В. П. Доброхвалов. — Москва : Изд-во Московского университета, 1950. — 208 с.
28. **Долгоруков, И. М.** Славны бубны за горами. 1810 года : извлечение из рукописей / И. М. Долгоруков // *Богоявленск и его окрестности* : историко-краеведческие очерки / И. А. Снытко, В. А. Касьяновский. — Симферополь : Таврида, 2012. — С. 178–182.
29. **Долгоруков, И. М.** Славны бубны за горами. 1810 года / И. М. Долгоруков // *Сочинения* : в 2 т. Т. 2 / И. М. Долгоруков. — Санкт-Петербург : А. Смирдин, 1849. — С. 461–484.
30. **Дримпельман, Э. В.** Записки немецкого врача о России в конце прошлого века / Э. В. Дримпельман // *Летопись Причерноморья. Литература, история, археология*. — 2006. — № 6. — Гл. «Николаев в 1788 году». — С. 36–38.
31. **Дримпельман, Э. В.** Записки немецкого врача о России в конце прошлого века : [публ. А. Круглова] / Э. В. Дримпельман // *Русский архив*. — 1881. — Кн. 1. — С. 32–51.
32. **Дружинина, Е. И.** Северное Причерноморье в 1775–1800 годах / Е. И. Дружинина. — Москва, 1959. — 280 с.
33. Духовное завещание статского советника и кавалера Михаила Леонтьевича Фалеева // *Именованъ — город Николаев* : историко-краеведческий выпуск / сост. Л. Ф. Траспов. — Николаев, 1989. — С. 190–196.
34. **Еланский, П. П.** Местные исторические монографии : [к вопросу о времени первого столетия г. Николаева] / П. П. Еланский. — Николаев : Тип. А. Г. Шнейдера, 1896. — 62 с.
35. **Елисеева, О. И.** Потемкин / О. И. Елисеева. — Москва : Молодая гвардия, 2006. — 672 с.
36. Жизнь генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического : в 2-х ч. / [пер. с фр. В. А. Левшина]. — СПб. : Тип. Ивана Глазунова, 1811. — 140 с.
37. Жизнь князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, служащая дополнением к царствованию Екатерины II. Взята из иностранных и отечественных источников : в 3 кн. — Москва : В типографии Дубровина и Мерзлякова, 1808. — Кн. 1. — 190 с. ; Кн. 2. — 176 с. ; Кн. 3. — 92 с.
38. **Заичкин, И. А.** Потемкин / И. А. Заичкин, И. И. Почкаев // *Екатерининские орлы* / И. А. Заичкин, И. И. Почкаев. — Москва, 1996. — С. 73–108.
39. **Иванов, П. А.** Фаберова дача / П. А. Иванов // *Записки Одесского общества истории и древностей*. — 1900. — Т. 22. — С. 21–27.
40. **Измайлов, В. В.** Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова : в 4 ч. Ч. 2 / В. В. Измайлов. — Москва : В типографии Христоф. Клаудия, 1805. — 144 с.

41. **Імашева, О.** Історія зеленої спадщини Миколаєва / О. Імашева, Г. Кажанова // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження : VI Миколаївська обласна краєзнавча конференція. — Николаев, 2006. — С. 319–321.
42. Історія Спаського урочища // Миколаївський обласний Яхт-клуб (1887–2002 рр.). Події, факти, особи : монографія / А. Ф. Кісельов [та ін.]. — Миколаїв : МДУ, 2004. — С. 8–10.
43. **Касьяновський, В. О.** Історичний нарис / В. О. Касьяновський // Богоявленск и его окрестности : историко-краеведческие очерки / И. А. Снытко, В. А. Касьяновский. — Симферополь : Таврида, 2012. — С. 100–164.
44. Кн. Григорий Александрович Потемкин-Таврический. 1739–1791 // Русская старина. — 1875. — Т. 12. Кн. 3. — С. 481–522 ; Кн. 4. — С. 681–700.
45. **Ковалева, О. Ф.** Григорий Александрович Потемкин / О. Ф. Ковалева, В. П. Чистов // **Очерки истории культуры Южного Прибужья (от истоков до начала XX века) : монография : в 3-х кн. Кн. 1. Из прошлого культурной жизни на Николаевщине / О. Ф. Ковалева, В. П. Чистов.** — Николаев : Тетра, 2000. — С. 39–42.
46. **Ковалева, О. Ф.** Михаил Георгиевич Ливанов / О. Ф. Ковалева, В. П. Чистов // **Очерки истории культуры Южного Прибужья (от истоков до начала XX века) : монография : в 3-х кн. Кн. 1. Из прошлого культурной жизни на Николаевщине / О. Ф. Ковалева, В. П. Чистов.** — Николаев : Тетра, 2000. — С. 131–133.
47. **Ковалева, О. Ф.** Сады, парки и скверы / О. Ф. Ковалева, В. П. Чистов // **Очерки истории культуры Южного Прибужья (от истоков до начала XX века) : монография : в 3-х кн. Кн. 3. Музыкальная и художественная культура. Градостроительство. Музеи и памятники. Печать / О. Ф. Ковалева, В. П. Чистов.** — Николаев : Тетра, 2002. — С. 138–150.
48. **Колесниченко, В.** Родник князя Потемкина / В. Колесниченко // Вечерний Николаев. — 2003. — 4 февр. — С. 3.
49. **Крючков, Ю. С.** Град Святого Николая : путеводитель по старому Николаеву / Ю. С. Крючков. — Николаев : Возможности Киммерии, 2003. — 255 с.
50. **Крючков, Ю. С.** История Николаева: от основания до наших дней / Ю. С. Крючков. — Николаев : Возможности Киммерии, 1996. — 300 с.
51. **Крючков, Ю. С.** История улиц Николаева : топонимический путеводитель по городу и окрестностям / Ю. С. Крючков. — Николаев : Возможности Киммерии, 1997. — 160 с. : ил., фото.
52. **Крючков, Ю. С.** Муж чести и добра / Ю. С. Крючков // Вечерний Николаев. — 2002. — 7 сент. — С. 2.

53. **Крючков, Ю. С.** Начало Николаева и судостроения в городе / Ю. С. Крючков // Именованъ — город Николаев : историко-краеведческий выпуск / сост. Л. Ф. Траспов. — Николаев, 1989. — С. 10–41.
54. **Крючков, Ю. С.** Николаев как образец южного провинциального города / Ю. С. Крючков // Исторія. Етнографія. Культура. Нові дослідження: III Миколаївська обласна краєзнавча конференція. — Миколаїв : Атолл, 2000. — С. 94–100.
55. **Крючков, Ю. С.** Сады и скверы Николаева / Ю. С. Крючков // Вечерний Николаев. — 2000. — 14 авг. — С. 3.
56. **Крючков, Ю. С.** Сады, скверы, бульвары / Ю. С. Крючков // Град Святого Николая : путеводитель по старому Николаеву / Ю. С. Крючков. — Николаев : Возможности Киммерии, 2003. — С. 179–187.
57. **Крючков, Ю. С.** Старый Николаев : топонимический словарь-справочник / Ю. С. Крючков. — 2-е изд. — Николаев : Издательство Ирины Гудым, 2008. — 128 с.
58. **Крючков, Ю. С.** Старый Николаев глазами очевидцев / Ю. С. Крючков // Старый Николаев : топонимический словарь-справочник / Ю. С. Крючков. — Николаев : Издательство Ирины Гудым, 2008. — С. 99–102.
59. **Крючков, Ю. С.** Старый Николаев и окрестности : топонимический словарь-справочник / Ю. С. Крючков. — Николаев : Дикий Сад, 1991. — 127 с.
60. **Крючков, Ю. С.** Славне ім'я твоє, Миколаїв / Ю. С. Крючков // Південна правда. — 1985. — 2 лют. — С. 2.
61. **Куліш, М.** Слово до читача / М. Куліш // О земледелии, скотоводстве и птицеводстве / Соч. проф. земледелия коллеж. ассесора Михайла Ливанова. — Репр. воспроизведение изд. 1799 г. — Б. м. : Б. и., [2000]. — С. 3–9.
62. **Куприевич, И.** Возрождение парка началось / И. Куприевич // Южная правда. — 2011. — 19 лист. — С. 4.
63. **Кухар-Онышко, Н. А.** Богоявленск — колыбель Николаева : очерк / Н. А. Кухар-Онышко. — Николаев : Издательство Ирины Гудым, 2013. — 208 с.
64. **Кухар-Онышко, Н. А.** Богоявленский «казенный сад» / Н. А. Кухар-Онышко // Богоявленск — колыбель Николаева : очерк / Н. А. Кухар-Онышко. — Николаев : Издательство Ирины Гудым, 2013. — С. 127–129.
65. **Кухар-Онышко, Н. О.** Діяльність канцелярії будівництва міста Миколаєва / Н. О. Кухар-Онышко // VI Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. — Миколаїв, 2006. — С. 103–105.

66. **Кухар-Онышко, Н.А.** Жизнь и смерть светлейшего князя Г.А. Потемкина / Н.А. Кухар-Онышко, В.Б. Пиворович. — Николаев: Возможности Киммерии, 2002. — 143 с.
67. **Кухар-Онышко, Н.А.** Забота о Николаеве / Н.А. Кухар-Онышко, В.Б. Пиворович // Жизнь и смерть светлейшего князя Г.А. Потемкина / Н.А. Кухар-Онышко, В.Б. Пиворович. — Николаев: Возможности Киммерии, 2002. — С. 54–70.
68. **Кухар-Онышко, Н.А.** Любимая усадьба Г.А. Потемкина / Н.А. Кухар-Онышко // Богоявленск — колыбель Николаева: очерк. — Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2013. — С. 56–60.
69. **Кухар-Онышко, Н.А.** Муж чести и добра / Н.А. Кухар-Онышко // Летопись Причерноморья. — 1999. — № 1. — С. 47–54.
70. **Кухар-Онышко, Н.А.** Парк садового мастера В. Гульда / Н.А. Кухар-Онышко // Богоявленск — колыбель Николаева: очерк. — Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2013. — С. 90–96.
71. **Кухар-Онышко, Н.А.** Первый гражданин / Н.А. Кухар-Онышко // Именовань — город Николаев: историко-краеведческий выпуск / сост. Л. Ф. Траспов. — Николаев, 1989. — С. 42–51.
72. **Кухар-Онышко, Н.А.** Первый гражданин Николаева. Фалеев Михаил Леонтьевич: исторический портрет / Н.А. Кухар-Онышко. — Николаев: Возможности Киммерии, 2010. — 159 с.
73. **Кухар-Онышко, Н.А.** Последний год Фалеева / Н.А. Кухар-Онышко // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження: ІХ Миколаївська обласна краєзнавча конференція. — Миколаїв: Вид-во І. Гудим, 2015. — С. 17–111.
74. **Кухар-Онышко, Н.А.** Последние дни Потемкина / Н.А. Кухар-Онышко, В.Б. Пиворович // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження: VII Миколаївська обласна краєзнавча конференція. — Миколаїв, 2008. — С. 315–316.
75. **Кухар-Онышко, Н.А.** Фалеевский хутор / Н.А. Кухар-Онышко // Богоявленск — колыбель Николаева: очерк. — Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2013. — С. 113–115.
76. **Кухар-Онышко, Н.А.** Школа земледелия М.Г. Ливанова / Н.А. Кухар-Онышко // Богоявленск — колыбель Николаева: очерк. — Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2013. — С. 61–70.
77. **Лагута, М.Д.** Хронология главнейших исторических событий города Николаева / М.Д. Лагута. — Николаев, 1927. — 14 с.
78. **Лебідь, С.** Історія створення зелених насаджень Миколаева / С. Лебідь // Зелена енциклопедія Миколаева: навчальний посібник з озеленення міста для середніх навчальних закладів / С. Лебідь; Департамент ЖКГ виконкому Миколаївської міської ради. — Миколаїв: Видавець ФОП Ємельянова Т.В., 2011. — С. 7–13.

79. Лесные растения в бассейне Буга / И. Пачоский // Описание растительности Херсонской губернии. В 3 ч. Ч. 1. Леса / И. Пачоский. — Херсон, 1915. — С. 111–119.
80. **Ливанов, М. Е.** О земледелии, скотоводстве и птицеводстве : сочинение профессора земледелия, коллежского ассесора / М. Е. Ливанов ; ред., сост., авт. вступ. сл. М. Ю. Кулиш. — Репринтное издание. — Николаев : Николаевский государственный сельскохозяйственный институт, 1999. — 143 с.
81. **Лифанов, В. Р.** Николаев. 1789–1989. Страницы истории : справочник / В. Р. Лифанов, В. А. Миющенко. — Одесса : Маяк, 1989. — 166 с. : ил.
82. **Лифанов, В.** Потемкин: Дом мне положить / В. Лифанов // Корабельная сторона. — 1990. — № 1 (июль). — С. 3.
83. **Ловягин, А. М.** Григорий Александрович Потемкин : биографический очерк / А. М. Ловягин // **Русский Биографический Словарь**. — Санкт-Петербург, 1905. — Т. 14. — С. 649–668.
84. **Маргулис, С.** «Я велел себя вести к Николаеву» / С. Маргулис // Южная правда. — 2011. — 1 дек. — С. 2.
85. Михаил Леонтьевич Фалеев или Начало города Николаева [Текст]. — Николаев : Типография штаба Главного Командира, 1864. — 33 с.
86. **Музыка, Н.** Николаев держится на трех дубах / Н. Музыка // Вечерний Николаев. — 2003. — 3 апр. — С. 4.
87. **Мурзакевич, Н. Н.** Какие приказания его светлости были обер-птер-кригс-комиссару Фалееву, о строениях в городе Николаеве и заведениях в окружности оного и намерения в рассуждении флота, адмиралтейства и мастерских 1791 года / Н. Н. Мурзакевич // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1883. — Т. 13. — С. 184–187.
88. Начало города Николаева // Северная пчела. — 1832. — № 8.
89. **Никишина, Т.** «Первый николаевский гражданин» / Т. Никишина // Инвестор. — 2008. — сентябрь. — С. 31–33.
90. Николаеву 200 лет, 1789–1989 : сборник документов и материалов / сост. И. А. Быченков. — К. : Наукова думка, 1989. — 399 с. : ил.
91. Николаевцы : энциклопедический словарь (2000 персоналий, 1500 портретов и иллюстраций) / ред. В. А. Карнаух. — Николаев : Возможности Киммерии, 1999. — 375 с.
92. **Огарков, В. В. Г. А. Потемкин, его жизнь и общественная деятельность** : биографический очерк / В. В. Огарков. — Санкт-Петербург : Типография Ю. Н. Эрлих, 1892. — 80 с. — (Жизнь замечательных людей).
93. **Олійник, В.** Потьомкін — засновник міста над Бугом / В. Олійник // Трибуна хлібороба. — 2012. — 6 вер. — С. 2.

94. Ордера князя Потемкина-Таврического : распоряжения по устройству флота и города Николаева // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1860. — Т. 4. — С. 363–377.
95. **Павлик, И. С.** Николаев: улицы рассказывают : путеводитель / И. С. Павлик, В. Р. Лифанов, Л. В. Мычаковская. — Одесса : Маяк, 1988. — 176 с. : ил.
96. **Павлов, М.** Редкие деревья в Николаеве / М. Павлов // Бугская заря. — 1959. — 20 авг. — С. 4.
97. **Пачоский, И.** Описание растительности Херсонской губернии. В 3 ч. Ч. 1. Леса / И. Пачоский. — Херсон, 1915. — 203 с.
98. **Пачоский, И.** Описание растительности Херсонской губернии. В 3 ч. Ч. 2. Степи / И. Пачоский. — Херсон, 1917. — 366 с.
99. Письма Г. А. Потемкину-Таврическому : [контр-адмирала Н. С. Мордвинова и письма обер-штер-кригскомиссара М. Л. Фалеева] // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1875. — Т. 9. — С. 244–254.
100. Потемкин Григорий Александрович // Николаевцы : энциклопедический словарь (2000 персоналий, 1500 портретов и иллюстраций) / ред. В. А. Карнаух. — Николаев : Возможности Киммерии, 1999. — С. 272–273.
101. Предыстория и первые годы: 1774–1799 : (архивно-библиографическая подборка) // Именованье — город Николаев : историко-краеведческий выпуск / сост. Л. Ф. Траспов. — Николаев, 1989. — С. 197–220.
102. Прогулки по старому Николаеву : путеводитель / сост. Н. А. Кухар-Онышко. — Николаев : Возможности Киммерии, 1997. — 86 с. : ил.
103. Распоряжения и предположения князя Потемкина-Таврического об устройстве Черноморского флота и города Николаева // Именованье — город Николаев : историко-краеведческий выпуск / сост. Л. Ф. Траспов. — Николаев, 1989. — С. 162–174.
104. Распоряжения и предположения князя Потемкина-Таврического об устройстве Черноморского флота и города Николаева // Морской сборник. — 1855. — Т. 19. — № 11.
105. Рощицы под Николаевом / И. Пачоский // Описание растительности Херсонской губернии. В 3 ч. Ч. 1. Леса / И. Пачоский. — Херсон, 1915. — С. 119–129.
106. **Самойлов, А. Н.** Жизнь и деяния князя Г. А. Потемкина-Таврического / А. Н. Самойлов // Русский архив. — 1867. — № 4. — С. 338–353 ; № 7. — С. 3–20 ; № 10. — С. 294–323 ; № 12. — С. 379–385.
107. **Себаг-Монтефиоре, С.** Потемкин / С. Себаг-Монтефиоре ; [пер. с англ. Н. Сперанская, С. Панов]. — М : Вагриус, 2003. — 558 с.

108. **Серебряков, Е.** Озеленение Николаева и его окрестности / Е. Серебряков // Бугская заря. — 1945. — 11 окт. — С. 2.
109. **Сикваров, А. Н.** Потемкин Григорий Александрович — основатель города Николаева / А. Н. Сикваров // Рожденные флотом / А. Н. Сикваров. — Николаев, 2009. — С. 13–15.
110. **Скорин, С.** К 225-летию основания Николаева. Михаил Фалеев / С. Скорин // Наш город. — 2014. — 20–26 авг. (№ 38). — С. 8 ; 27 авг. — 2 сент. (№ 39). — С. 8–9.
111. **Смирнов, А. Ю.** Господин Потёмкин, кто Вы? / А. Ю. Смирнов // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 4. — С. 188–189. — Рец. на кн. : Елисеева, О. И. Потемкин / О. И. Елисеева. — Москва : Молодая гвардия, 2005. — 672 с. — (Серия «Жизнь замечательных людей»).
112. **Снытко, И. А.** Богоявленск и его окрестности : историко-краеведческие очерки / И. А. Снытко, В. А. Касьяновский. — Симферополь : Таврида, 2012. — 184 с.
113. **Собеневский, К.** К вопросу об озеленении Николаева и его окрестностей / К. Собеневский // Бугская заря. — 1945. — 21 нояб. — С. 2.
114. Собственноручные распоряжения князя Потемкина-Таврического во время второй Турецкой войны, в царствование Императрицы Екатерины II // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1848. — Т. 2. — С. 657–674.
115. **Соколов, А. П.** Бригадир Михаил Леонтьевич Фалеев / А. П. Соколов // Именованъ — город Николаев : историко-краеведческий выпуск / сост. Л. Ф. Траспов. — Николаев, 1989. — С. 175–188.
116. **Соколов, А.** Бригадир Михаил Леонтьевич Фалеев / А. Соколов. — Морской сборник. — 1855. — Т. 17. — № 8.
117. **Соломатін, П.** Спаське урочище / П. Соломатін // Південна правда. — 1956. — 8 верес. — С. 4.
118. **Суворов, А. В.** Письма / А. В. Суворов ; подготовил издание В. С. Лопатин ; ответ. ред. А. М. Самсонов. — Москва : Наука, 1986. — 833 с.
119. **Сумароков, П. И.** Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест / П. И. Сумароков. — Москва : Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1800. — 244 с.
120. **Тимофеенко, В. И.** Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века / В. И. Тимофеенко. — Киев : Наукова думка, 1984. — 219 с.
121. **Ткачук, А.** Первостроитель города Николаева / А. Ткачук // Вечерний Николаев. — 2008. — 21 февр. — С. 5.
122. **Трескин, Н. А.** Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический : очерк : сост. по статьям Русской старины,

чтениям Щебальского и др. Н. Трескин / Н. А. Трескин. — Москва : Типография Общества распространения полезных книг, 1879. — 23 с.

123. **Умеренков, А.** Памятник первостроителю М.Л. Фалееву / А. Умеренков // Будь славен, Николаев! : историческая хроника 2001 – 2002 гг. / А. Умеренков. — Николаев : Илион, 2003. — С. 23.

124. Фалеев Михаил Леонтьевич // Николаевцы : энциклопедический словарь (2000 персоналий, 1500 портретов и иллюстраций) / ред. В.А. Карнаух. — Николаев : Возможности Киммерии, 1999. — С. 332.

125. Фалеев М.Л. // Державотворці. Миколаївщина від Григорія Потьомкіна до Миколи Круглова / Миколаївська обласна рада, Миколаївська обласна державна адміністрація, Державний архів Миколаївської області ; упор. Л.Л. Левченко [та ін.]. — Миколаїв : Видавець Шамрай П.М., 2010. — С. 7.

126. **Шахмагонов, Н.Ф.** Светлейший князь Потемкин и Екатерина Великая в любви, супружестве, государственной деятельности / Н.Ф. Шахмагонов. — Москва : Юни ВестМедиа, 2008. — 431 с.

127. **Шпак, В.В.** Історія Богоявленського парку від кінця XVIII століття до наших днів : уривок з неопублікованої роботи.

128. Э.В. Дримпельман о г. Николаеве в 1788 (1789) году // Старина Николаевская и Очаковская : антология : источники по истории городов Николаева и Очакова с конца XVIII до начала XX века : в 2-х т. Т. 1 / авт., сост. В.В. Шукин, А.Н. Павлюк. — Николаев : Издательство Ирины Гудым, 2016. — С. 6–9.

129. **Этингер, Я.** Садоводство города Николаева Херсонской губернии и его окрестностей / Я. Этингер. — Одесса : «Славянская» тип. Н. Хрисогелос, 1897. — 35 с.

130. **Яната, А.А.** О нашей растительности / А.А. Яната // Трудовая копейка. — 1909. — 16 июля. — С. 2.

Відомості про авторів

Бойчук Світлана Василівна — екскурсовод, краєзнавець. Працювала 29 років у Миколаївській обласній науковій бібліотеці ім. О. Гмирьова. Член історико-краєзнавчого товариства «Золота тура», ради Пушкінського клубу. Автор книг «Таємниці історичних скарбів Миколаївщини (За переказами та легендами)» (2009), «Шановані незнайомці. Миколаївці в переказах та легендах земляків. Кн. 2» (2009), «В.П. Скаржинский — живая легенда юга» (2012).

Гаврилов Сергій Іванович — журналіст, письменник, історик. Автор понад 70 наукових статей. З 2006 працює в різних періодичних друкованих та електронних ЗМІ («Вечерний Николаев», «Рідне Прибужжя», «Публика» (Маріуполь), «Фраза» (Київ), «2000» (Київ), «Регионы России» (Москва), «Ель Пасо» (Мадрид) та ін. Член Спілки письменників Росії. Автор 5 книг, 8 кіносценаріїв, співавтор трьох книг. За трьома кіносценаріями поставлені документальні фільми: «История николаевской полиции», «Служба длиною в жизнь», «Мгновения весны». У 2014 удостоений звання «Городянин року» в номінації «Засоби масової інформації».

Касьяновський Валентин Олександрович (1928–2009) — краєзнавець, дослідник історії Корабельного району м. Миколаєва та Жовтневого (зараз Вітовський) району Миколаївської області. Працював вчителем в школах, на партійній роботі. У 1960 р. очолював Жовтневу районну комісію з підготовки тому «Історія міст і сіл Української РСР. Миколаївська область». У 2007 р. передав у Державний архів Миколаївської області 52 справи з особистого фонду. Автор одного з історичних нарисів у збірнику «Богоявленск и его окрестности» (2012).

Крючков Юрій Семенович (1928–2015) — вчений, конструктор, історик, один з головних дослідників історії міста Миколаєва, його архітектури, топоніміки, історичних особистостей. Доктор технічних наук (1973), професор (1977), заслужений працівник культури України (1992), дійсний член Академії суднобудування України (1997), Почесний громадянин міста Миколаєва (1998), «Городянин року» (1999). Автор і співавтор 60 книг (в тому числі 6 художніх), 250 статей. Написав своєрідну серію книг з історії Миколаєва, в яку увійшли майже 20 видань: «Історія Николаева: От основания до наших дней» (1999, 2006), «Град Святого Николая. Путеводитель по старому Николаеву» (2003), «Старый Николаев: топонимический словарь-справочник» (2008), «Алексей Самуилович Грейг и его время. Адмирал, личность, человек» (2008) та ін.

Кухар-Онишко Наталія Олександрівна — музейний працівник, краєзнавець. Понад 40 років працювала в Миколаївському обласному краєзнавчому музеї, з 1987 по 2014 рік — головним хранителем фондів. Займається вивченням історії заснування та забудови м. Миколаєва, біографій Г.О. Потьомкіна, М.Л. Фалеева та ін. Автор книг «Прогулки по Старому Николаеву» (1998), «Архитектура Николаева (конец XVIII – начала XX веков)» (2001), «Данило Самойлович и развитие здравоохранения в Николаеве» (2010), «Первый гражданин Николаева. Фалеев Михаил Леонтьевич» (2010), «Богоявленск — колыбель Николаева» (2013). Співавтор книг: «Николаев: архитектурно-исторический очерк» (1988), «Именованье — город Николаев» (1989), «Історія Миколаєва» (2001), «Жизнь и смерть светлейшего князя Г.А. Потемкина» (2002), «Николаевские достопримечательности» (2010). Брала участь у створенні енциклопедичного словника «Николаевцы» (1999). Лауреат обласної премії ім. Н.М. Аркаса (2006). У 2001 удостоєна звання «Городянин року» в номінації «Наука».

Ковальова Октябрина Федорівна — краєзнавець, фольклорист, етнограф. Автор книг «Легенди та перекази Південного Прибужжя» (2007, 2008), «Українська народна творчість (від традицій до сучасності)» (2007), «Українська народна творчість Південного Побужжя» (2001, 2006), «Бугогардівська паланка» (2011), «Криниці-рятівниці: історико-

етнографічний нарис про криниці на Миколаївщині» (2008, 2010), «Та йде чумак дорогою. Чумацтво на Миколаївщині» (2015). Лауреат обласної премії ім. Н. М. Аркаса (2012).

Куліш Микола Юхимович (1929–2008) — науковець і радянський державний діяч, доктор економічних наук, професор, академік Академії наук Вищої школи України. У 1984–2001 р. — ректор Миколаївського національного аграрного університету. Під його керівництвом навчальний заклад пройшов шлях від філії Одеського сільськогосподарського інституту до Миколаївського державного сільськогосподарського інституту, а згодом — університету. Автор понад 180 наукових праць.

Купрієвич Ірина Миколаївна — громадський діяч. Голова експертно-громадської ради при виконавчому комітеті Миколаївської міської ради. Голова Миколаївської міської громадської організації «Спадщина». Виконавчий директор БФ «Ласка».

Чистов Вадим Павлович — кандидат філологічних наук, краєзнавець. Співавтор монографії «Очерки истории культуры Южного Прибужья (от истоков до начала XX века)» в 3-х кн. (2000, 2001).

Ге Григорій Миколайович (1830–1911) — письменник, драматург, публіцист, громадський діяч, гласний Миколаївської міської Думи. 17 років служив на посаді міського секретаря Миколаївської міської управи. Автор першого великого нарису історії міста Николаева «Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790–1890)» (1890).

Долгоруков (Долгорукий) Іван Михайлович (1764–1823) — російський поет, прозаїк, драматург, театральний діяч. Належав до старинного і знатного роду Долгорукових. У 1791–1797 роки — віце-губернатор Пензи, в 1802–1812 роки — губернатор Володимира. З 1812 р. йде у відставку в чині таємного радника і поселяється у Москві, цілком віддавшись літературній діяльності. Для істориків інтерес представляють автобіографічні записки та дорожні замітки: «Журнал путешествия из Москвы в Нижний, 1813» (1870) та «Славны бубны за горами, или Путешествие мое

кое-куда, 1810 года» (1870). В останньому описується подорож з Москви до Одеси, в ході якої він побував у Миколаєві та Очакові, залишивши цікавий опис обох міст.

Дрімпельман Ернест Вільгельм (1758 – 1830) — морський лікар, мемуарист. Народився в мекленбурзькому місті Бютірве. Закінчив медичний факультет університету, служив у датському флоті. У 1779 переїхав до Санкт-Петербурга. З 1780 — морський лікар на російських суднах. У 1783 р. відраджений в Новоросію, в ставку Г. О. Потьомкіна. Служив лікарем у воєнних госпіталях, зокрема у Вітовці, Очакові, Херсоні, Севастополі, бував у Миколаєві (1789 р.) У 1790 р. оселився в Ризі, де зайнявся науковою роботою. В 1813 р. опублікував свій найбільш популярний та цитований твір, відомий як «Записки немецкого врача о России конца пришлого века», в якому дається найбільш повний опис нещодавно заснованого Миколаєва.

Ізмайлов Володимир Васильович (1773 – 1830) — російський письменник, журналіст, цензор. «Путешествие в полуденную Россию» в чотирьох частинах, найбільше відомий твір Ізмайлова, витримав три видання. У другій частині описуються Миколаїв, Очаків і Кінбурнська фортеця.

Сумароков Павло Іванович (1767 – 1846) — письменник, сенатор, член Російської академії. У 1799 р. здійснив подорож до Криму. Серед місць, де мандрівник зробив короткочасні зупинки, були Миколаїв та Очаків. Враження про ці міста розміщені в книзі «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест», виданій в Москві в 1800 р.

Фотозафії парку «ґогоявлекський»

Колишня школа землеробства

Садиба Потьомкіна на початку XIX століття

*30-ті роки XX ст.
Фонтан у парку*

60-ті роки XX ст. Павільйони сільськогосподарської виставки

2010 рік. Перший суботник. Ініціативна група з відродження парку

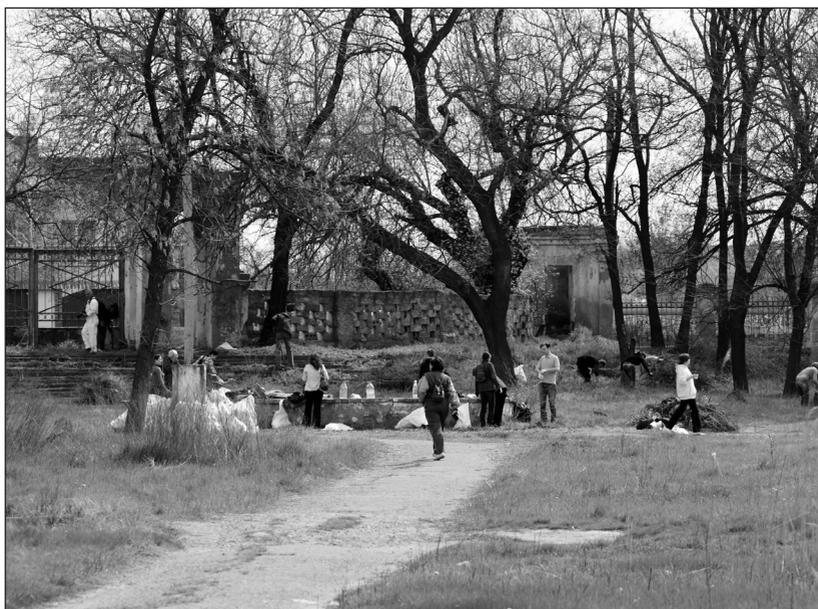
2010 рік Вхід до парку. Перед зйомками фільму про парк

Археологи над старовинною картою парку

Вигляд головного входу з території парку

Сучасний вигляд головного входу до парку

Будівля при вході, зліва (поряд із місцем, де стояв палац Потьомкіна. Сучасне фото)

ЗЕЛЕНІ СТОРІНКИ *історії Миколаївщини*

Контактна інформація:

Міський центр екологічної інформації та культури
бібліотеки-філіалу № 2 ЦБС для дорослих м. Миколаєва
пр. Центральний, 9, м. Миколаїв, 54010 Україна
тел. (512) 34-60-44
e-mail: niklibrary2ekology@gmail.com
<http://www.niklib.com>

Серія науково-популярних краєзнавчих видань «Зелені сторінки історії Миколаївщини» присвячена історичним постатям та діячам сучасності Миколаївщини, які зробили значний внесок у природознавчу науку, збереження навколишнього природного середовища та благоустрій нашого краю.

Мета серії: ознайомлення широких верств населення з історією природознавства, природоохоронної діяльності на Миколаївщині.

Видання сприятимуть збереженню історико-краєзнавчої спадщини, вихованню екологічної культури і свідомості, формуванню прагнення зберігати та примножувати природні багатства своєї землі та наслідувати славні традиції минулих поколінь.

В серії вже вийшло і планується видати:

1. Видатний діяч збереження природи Олександр Алоїзович Яната (до 125-річчя з дня народження)
2. Градоначальники Миколаєва та їх внесок в озеленення і благоустрій міста
3. Григорій Потьомкін і його план «зеленого» міста
4. Сади, сквери, бульвари міста та їх творці
5. Скаржинські і Миколаїв
6. Миколаївське товариство любителів природи
7. Сім'я Аркасів і оточення. «Зелений слід» в історії міста
8. Литовські князі і миколаївська земля
9. Садівники і лісівники кінця XVIII – поч. XX ст.

Ініціатор серії — Міський центр екологічної інформації та культури бібліотеки-філіалу №2 ЦБС для дорослих м. Миколаєва

Творча група:

- **Чернова І.Б.**, керівник групи, завідувач бібліотеки-філіалу №2 ЦБС для дорослих м. Миколаєва
- **Бойчук С.В.**, член Миколаївського краєзнавчого товариства «Золота тура»
- **Варюхіна Л.М.**, заст. директора Центральної міської бібліотеки ім. М.Л. Кропивницького
- **Веденеєва Г.К.**, старший науковий співробітник відділу природи Миколаївського обласного краєзнавчого музею
- **Деркач О.М.**, директор РЛП «Тилігульський», голова Регіональної чорноморської мережі громадських організацій, заслужений природоохоронець України
- **Михайловська Т.О.**, завідувач інформаційно-бібліографічного відділу Центральної міської бібліотеки ім. М.Л. Кропивницького

Науково-популярне видання

Серія «Зелені сторінки історії Миколаївщини»

З ІСТОРІЇ БЛАГОУСТРОЮ ТА ОЗЕЛЕНЕННЯ МІСТА МИКОЛАЄВА

Кінець XVIII – XIX ст.

ЗБІРНИК

Укладач: Чернова І.Б.
Редактори: Варюхіна Л.М.,
Михайловська Т.О.
Відповідальний за випуск: Тверда Т.В.
Комп'ютерна верстка,
дизайн обкладинки,
оригінал-макет: Торубара В.В.
Ілюстрації: електронний архів КІЦ КРАЙ
(краєзнавчо-інформаційного
центру Корабельного району)
бібліотеки-філіалу №18
Централізованої бібліотечної
системи для дорослих
м. Миколаєва

Формат 60×84^{1/16}. Умов. друк. арк. 13,7.
Тираж 150 пр. Зам. № 23/17.

Видавець та виготовлювач Торубара В.В.

вул. Наваринська, 5–17, м. Миколаїв, 54001

тел.: (0512) 37-81-28, (067) 800-70-70

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 4626 від 9.10.2013